



А.С. Камыртаев

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ
АБАЯ

А.С. Калмырзаев

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ
АБАЯ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН»
Алма-Ата — 1979

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научный редактор — доктор философских наук,
профессор *К. Б. Бейсембиев*

56—79.

К17 Калмырзаев А. С.
Эстетическое в творчестве Абая. — Алма-Ата:
Казахстан, 1979. — 160 с.

В книге как составная часть общественно-философских взглядов казахского поэта-мыслителя Абая Кунаибаева рассматриваются его эстетические представления. Автор исследует творческое наследие поэта с точки зрения его эстетической ценности, выявляет как и каким образом эстетические идеи и категории в соответствии с идейно-политическими и философскими воззрениями казахского просветителя воплощаются в его поэзии и прозе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся вопросами эстетики и историей развития общественной мысли в Казахстане.

К 10507 — 186
401(07)—79 0302060000

ББК 83. 3Каз
8Каз

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН», 1979

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных предпосылок строительства коммунизма в нашей стране является воспитание нового человека — всесторонне и гармонично развитой личности. Решению этой задачи Коммунистическая партия придает важное значение. На XXIV и XXV съездах КПСС подчеркивалась необходимость усиления идейно-воспитательной работы в данном направлении. Во всеохватном, комплексном и целенаправленном процессе формирования у человека активной жизненной позиции, идейной убежденности, высоких нравственных начал и глубокого интеллекта, как известно, большая роль отводится эстетическому воспитанию масс, являющемуся одной из составных частей коммунистического воспитания трудящихся. И не случайно возросшее значение духовной культуры в нашей сегодняшней созидательной жизни нашло яркое отражение в новой Конституции СССР, где говорится: «Государство заботится об охране, преумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня»¹.

Духовное обогащение человека предполагает глубокое освоение им наследия мировой культуры. Да и сама марксистско-ленинская эстетика основывается на прогрессивном опыте великих гуманистов, мыслителей и ученых разных эпох.

Одним из выдающихся художников слова, мыслите-

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, стр. 11.

лей прошлого является Абай Кунанбаев (1841—1904 гг.). От природы одаренный человек, выросший в далекой, глухой казахской степи, он, благодаря тесному приобщению к прогрессивной русской культуре, неустанному самосовершенствованию, достиг уровня образованнейших людей Европы. Поэт-демократ, мыслитель и общественный деятель в понимании общественной действительности шагнул дальше своих современников-земляков, стал борцом за светлые идеалы народа, основоположником казахской письменной литературы.

Роль и значение Абая в развитии и становлении духовной культуры казахского народа неопределимо высоки. И ныне его счастливые потомки продолжают и развивают богатое творческое наследие поэта.

Жизнь и деятельность Абая всесторонне и глубоко изучены, сегодня его поэзия стала достоянием широких масс. Это свидетельствует о любви и признании нашими современниками творчества Абая — высокохудожественного и богатого по содержанию.

В изучении и познании всего, что создано Абаем, велика роль выдающегося деятеля казахской культуры, одного из классиков советской литературы М. О. Ауэзова. Он стал основоположником целого научного направления в казахском литературоведении — абаеведения. В течение всей своей научной и творческой деятельности М. Ауэзов постоянно занимался расширением и углублением знаний по абаеведению. Им первым была написана научная биография поэта, где глубоко раскрывались смысл и содержание, гражданский пафос, гуманизм творчества Абая, проникнутого болью за обездоленный казахский народ, безграничной любовью к нему.

М. Ауэзов вместе с рядом других видных деятелей культуры Советского Казахстана активно содействовал утверждению партийного подхода к культурному наследию прошлого. В период становления казахской советской литературы вульгарные социологи, оценивая творения духовной культуры народа, отрицали творческое наследие минувших времен, в том числе и художественные творения высокой идейной направленности отдельных казахских художников слова, ссылаясь на то, что-де авторами таких произведений являются выходцы из привилегированного класса.

Подобное псевдонаучное отношение к опыту прошлого до второй половины 30-х годов почти распространялось

и на творчество Абая Кунанбаева. Благодаря принятым партийным мерам по проведению в жизнь ленинских положений о политике в области национальной культуры, объективность в оценке творчества Абая была восстановлена и творчество Абая во всей его многокрасочности раскрылось перед народом, во имя которого он страдал, дерзал и творил.

Кроме научных трудов о поэте М. Ауэзов создал замечательное художественное произведение — роман-эпопею о жизни Абая Кунанбаева, которая явилась не только литературным памятником великому поэту, но и настоящей энциклопедией о целой эпохе в жизни казахского народа. Имя великого Абая стало всемирно известным благодаря роману М. Ауэзова «Путь Абая», удостоенному Ленинской и Государственной премий СССР и вошедшему в золотой фонд советской художественной культуры.

При непосредственном участии М. Ауэзова образ поэта был воскрешен на сцене драматического и оперного театров и в кино. Из совокупности сценических, кинематографических, оперных, литературных, научных реминаценций к жизни и поэтическому наследию Абая воссоздается как бы целостная картина творческой биографии поэта-мыслителя.

В работу по всестороннему изучению жизни и творчества Абая, обогащению абаеведения внесли свой посильный вклад многие деятели культуры республики — С. Муканов, Г. Мурзепов, Х. Джумалиев, Е. Исмаилов, М. Сильченко, К. Бейсембиев, Т. Тажибаев, Б. Кенжебаев, М. Каратаев, А. Нуркотов, Р. Сыдыкова, А. Жиренчи, Б. Габдуллин, З. Ахметов, М. Божеев, Х. Суюншалиев, Б. Шалабаев, Т. Алимкулов и другие поэты, прозаики и ученые-обществоведы. В их трудах раскрываются идейные истоки, народность, реализм поэзии Абая, показывается тесная связь творчества поэта с жизнью народа, выявляется глубочайший гуманизм и человечность, щедрость натуры и одаренность, всеохватывающий энциклопедический размах мышления поэта. В абаеведении уже дан научный анализ новаторства поэзии Абая, исследована его роль в обогащении национального литературного языка, раскрыта глубина понимания поэтом сущности и общественного назначения духовной культуры в жизни народа.

Ряд ученых-обществоведов (Т. Тажибаев, К. Бейсембиев, Б. Габдуллин, Б. Казыханова и другие) исследуют

общественно-политические, педагогические, эτικο-эстетические взгляды поэта-мыслителя. Их интересуют в первую очередь закономерности, субъективные и объективные факторы формирования Абая Кунанбаева как мыслителя, поэта-просветителя, гуманиста-демократа.

«Творчество Абая, кровно связанное с традициями демократической культуры,— подчеркивал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев,— открыло новый этап в развитии казахской литературно-философской мысли, определив пути и направление дальнейшего развития национальной культуры»¹.

Великий поэт оставил для своих потомков огромное духовное богатство.

При жизни самого Абая было напечатано всего лишь четыре его стихотворения и не издано ни одной книги. При Советской власти его творения переиздавались многократно, и сегодня они издаются миллионными тиражами, переводятся на языки многих народов нашей многонациональной страны и всего мира. «В огромной литературе об Абая, накопленной с 1889 по 1964 год и составляющей свыше трех тысяч названий,— замечает профессор Х. Джумалиев,— можно увидеть не только глубину и широту нашего интереса к великому поэту, но и определенную закономерность, которая, на наш взгляд, заключается в том, что критики и литературоведы правильно усвоили бесспорную истину о том, что Абай — зеркало своей эпохи, что нельзя, не всматриваясь в это зеркало, ни узнать, ни понять историю, традиции, идейные устремления, прошлое народа»².

Передовые люди своего времени еще до Октябрьской революции занимались популяризацией и изучением поэзии Абая Кунанбаева. В изучении и обнародовании наследия поэта немало сделано Какитаем Кунанбаевым. Им были впервые собраны и изданы отдельной книгой стихи Абая в 1909 году в городе Петербурге. Здесь же была помещена краткая биография поэта. Для ценителей и исследователей поэзии этот сборник долго оставался ценным подспорьем в популяризации творчества Абая.

¹ Д. А. Кунаев. Вступительная речь на торжественном собрании, посвященном 125-летию со дня рождения Абая Кунанбаева. «Казахстанская правда», 1971, 29 мая.

² Абай Кунанбаев. Библиографический указатель. Алма-Ата, 1965, стр. 181.

В 1909—1914 годы семь раз издавались сборники его стихов¹.

После Октябрьской революции, в 20—30 годы, по поводу художественных творений поэта бытовали противоречивые мнения, имело место разночтение его поэзии, высказывались как положительные, так и отрицательные суждения о творчестве Абая.

«В первые годы после революции,— как писал М. Ауэзов,— вплоть до 1936—1937 годов, наряду с истинно социалистической оценкой наследия Абая имели место и различные консервативно-злоупытаческие суждения. Поборниками последнего направления были закоренелые враги революционного пролетариата — алашординцы феодально-националистического толка. Они пытались принести Абая под свое байско-контрреволюционное знамя, сделать его «своим Абаяем», своим идейным вдохновителем»².

Их деятельность, безусловно, мешала приобщению трудящихся к поэтическому наследию Абая Кунанбаева. Превратное истолкование идейного содержания его поэзии врагами революции привело к тому, что доброе имя поэта в одно время было вычеркнуто из литературной сокровищницы казахского народа.

По справедливому замечанию М. Ауэзова, «только лишь политика и великий курс Коммунистической партии помогли защитить мудрого сына казахского народа Абая от всякой клеветы классовых врагов, сохранить в чистоте его имя и все богатое творческое наследие»³.

Противоречивость мнений и суждений о творчестве поэта в этот период объясняется профессором И. Досенбаевым и другими обстоятельствами. Так, он пишет, что все это нельзя сводить лишь к умышленным действиям кое-кого, скорее всего это можно объяснить тем, что в те годы литературоведческая наука была слабо развита, большинство критиков еще неглубоко были вооружены марксистско-ленинским учением, в силу чего они нередко поддавались под влияние консервативных, узких, ошибочных взглядов⁴.

¹ См. И. Досенбаев. Мухтар Ауэзов. Статьи и воспоминания. Алма-Ата, 1974, стр. 120.

² М. Ауэзов. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 12. Алма-Ата, 1969, стр. 259.

³ Там же.

⁴ И. Досенбаев. Мухтар Ауэзов. Статьи и воспоминания. Алма-Ата, 1974, стр. 132.

Вульгарных социологов, носителей буржуазно-националистической идеологии не интересовали сущность и идейное направление поэзии Абая, они в своих высказываниях делали упор на то, что он является выходцем из знатного рода, имеет феодально-байское происхождение. По этой причине Абай причислялся ими к выразителям идей эксплуататорского класса. Они не желали принять к сведению тот факт, что в прошлом многие выходцы из привилегированных классов шли в ногу с народом — истинным творцом человеческой истории, не учитывали того, что выразителям прогрессивных идей не обязательно быть выходцами только из темных, забытых слоев общества. «Люди из буржуазной интеллигенции, — писал А. В. Луначарский, — ...стоят далеко от быта подлинного пролетариата, им трудно петь подлинно пролетарские песни... Ни на минуту нельзя сомневаться, что художник высокого дарования, восхищенный идеалом рабочего класса, зрелищем его мощного подъема и проникнутый презрением и ненавистью ко всему уязному и ничтожному, чем переполнен современный уклад жизни, — может оказать громадную помощь пролетариату в деле его самоопределения...»¹ Вульгарные социологи 30-х годов всячески старались завуалировать высокую идейную направленность творений Абая, изолировать его от народа.

В те годы прошлое литературное наследие, накопленное еще при феодальной, капиталистической формации, в силу того, что в свое время находилось в распоряжении эксплуататорских классов нередко считалось реакционным, предавались забвению даже те шедевры литературной сокровищницы, которые относились к достоянию и пролетарской и общечеловеческой культуры. Например, один из руководителей КазАПП тех времен М. Каипназаров в своем докладе о задачах казахской пролетарской литературы в 1932 году прошлую народную поэзию, творчество Абая, Алтынсарина, Торайгырова полностью относил к произведениям, отражающим отсталое феодальное сознание, отметил, что они враждебны современной литературе².

И все же, несмотря на то, что после Октябрьской революции не сразу сложилось объективно верное отношение

к наследию Абая, творчество поэта постоянно вызывало большой интерес у общественности. В 1929 году профессором А. Саагди была написана серия научных статей, посвященных творчеству Абая¹.

В 1928 году И. Кабулов на страницах газеты «Советская степь» опубликовал статью «Философия казахского поэта и ее критика», где тенденциозно односторонне подверг критике общественные взгляды Абая Кунанбаева, называя его философию «самым буржуазным хламом»². Против такой оценки с категорическим возражением выступил в этой же газете И. Мустамбаев. Его статья также не была лишена отдельных ошибок. Так, он утверждал, что Абай является глашатаем надвигающейся новой эпохи торгового капитала, и в этом лишь видел положительную сторону творчества Абая. Но в целом в оценке творчества поэта он был во многом объективен, подчеркивая, что Абай был подлинно народным поэтом, и в истории литературы и публицистики вообще редко на долю писателя выпадал такой успех в народной массе, какой имел в свое время Абай³. В тридцатые годы в Казахстане шли дискуссии о творчестве поэта⁴. В 1935 году увидела свет монография Г. Тогжанова «Абай». Эта работа, хотя и не лишенная идейных и методических ошибок, была первой попыткой изучения творчества Абая.

Впоследствии именно такого рода исследования о творчестве Абая, в том числе и предвзятые-противоречивые, послужили основанием для создания нового раздела казахской литературоведческой науки — абаеведения. В 1940 году М. Ауэзов через семипалатинскую областную газету «Екпінді» обратился к исследователям наследия Абая. Он указал на необходимость дальнейшего сбора и записывания из уст народа произведений Абая Кунанбаева и вместе с тем подчеркнул необходимость тщательного отбора новых стихов с тем, чтобы установить истинную принадлежность их автору⁵.

«Не следует гнаться, — писал М. Ауэзов, — за увеличением количества стихов Абая, а необходимо подумать о реальном соответствии вновь записанных стихов общему

¹ См. Е. Исмаилов. В поисках нового. Алма-Ата, 1967, стр. 63.

² И. Кабулов. Философия казахского поэта и ее критика. — «Советская степь», 1928, 2 августа.

³ «Советская степь», 1928, 2 августа.

⁴ См.: «Казахстанская правда», 1934, 11 октября.

⁵ См.: «Екпінді», 1940, 17 июня.

¹ А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 7, стр. 172.

² См. Е. Исмаилов. К новому подъему. Алма-Ата, 1962, стр. 89.

уровню поэзии Абая. В стремлении собрать больше стихов, стараясь вспенить эту работу, не собрали бы мы стихотворную пену. Проявим в этом больше ответственности»¹.

М. Ауэзов указал на обязательность скрупулезного сбора различного рода сведений, имеющих непосредственное отношение к характеристике среды Абая, — в целях более глубокого понимания сути и содержания его поэзии.

Выдающийся ученый и писатель М. Ауэзов не жалел сил своих и времени, создавая четкую систему методологии исследования наследия Абая. При его активном участии абаеведение из года в год все больше развивалось, углублялся его научный уровень. Оно не ограничивалось уже исследованиями только чисто литературного плана, а стало охватывать большой круг проблем, косвенно относящихся к творчеству Абая и связанным с историей, философией, лингвистикой, психологией, этикой, эстетикой, музыкальным искусством, текстологией, библиографией. Все эти исследования самого разнопланового характера дают сегодня нашим современникам цельное представление об Абае — как о выдающемся поэте-мыслителе, ученом, человеке энциклопедического дарования.

В отношении к творчеству поэта и после 30-х годов допускались некоторые отклонения от уже общепринятых положительных его оценок. В 1951 году М. Ауэзов в газете «Социалистик Казахстан» опубликовал статью «О наследии Абая»², в которой резко осудил статью филолога С. Нурушева «О начальном периоде поэзии Абая», напечатанную в газете «Лениншиг жас».

С. Нурушев утверждал, что поэтом Абай стал в 37-летнем возрасте, а до этого будто бы не занимался стихосложением и что его поэтическую биографию следует поэтому начинать с 1882 года, когда он написал стихотворение «Всадник с беркутом скачет в ранних снегах». Стихи поэта, написанные до этого, С. Нурушев предлагал не принимать во внимание, поскольку эти произведения якобы не принадлежали Абаяу. М. Ауэзов, критикуя лже-

защитника «чистоты» поэзии Абая, написал о непонимании этим «горе-ученым» специфических особенностей творческой деятельности. Не мог ведь Абай как бы «по щучьему велению», без творческих поисков в молодые годы, сразу превратиться в зрелого поэта. «Любой поэт, каким бы великим не был, конечно же становится поэтом не за один день. До 1882 года он, безусловно, пребывал в поре творческого поиска и дерзаний»¹, — писал М. Ауэзов.

В этой же статье М. Ауэзов, говоря о положительных результатах, достигнутых в абаеведении, утверждал, что выход в свет романа «Абай» стал возможным благодаря высокому уровню развития абаеведения. Действительно, всестороннее изучение и исследование наследия Абая во многом способствовало созданию всемирно известной эпопеи. «Путь Абая» М. Ауэзова — не только гордость казахского народа, но и наглядный пример того, как при социализме пробуждаются таланты людей освобожденного труда и в том числе самого писателя. Массовое приобщение трудящихся к истокам культуры, создание благоприятных условий для совершенствования интеллектуальных возможностей каждой личности — все это стало реальным в результате осуществления ленинской политики партии.

Абай как поэт-мыслитель, ученый-гуманист был деятелем своей эпохи. На формировании его как личности сказались и условия среды векового страдания трудовых масс, и сама история противоречивой действительности казахского народа. На примере его жизни и творчества долго еще будут кропотливо изучаться целые пласты казахской народной жизни, поскольку и сам поэт, и его поэзия были неразрывно связаны с действительностью казахской степи XIX века. Изучая и исследуя наследие Абая, мы открываем и познаем историю целой эпохи в жизни патриархально-феодального казахского общества. Этим отчасти объясняется возрастающий из года в год интерес к изучению и систематизации художественного вклада Абая Кунанбаева в казахскую культуру. К сегодняшнему дню выросла большая и хорошо подготовленная армия абаеведов. Их отряд разрастается и благодаря представителям различных отраслей науки. И это объяс-

¹ М. Ауэзов. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 11. Алма-Ата, 1969, стр. 252 (здесь и далее цитаты из источников на казахском языке даются в переводе автора книги. — А. К.).

² См. М. Ауэзов. О наследии Абая — «Социалистик Казахстан», 1951, 4 февраля.

¹ М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Алма-Ата, 1967, стр. 287 (на каз. яз.).

нимо, поскольку общественные науки быстро развиваются в Казахстане, а ряды квалифицированных кадров все больше пополняются представителями талантливой научной молодежи.

Творческое наследие Абая богато и ценно для современников, которые, изучая его и овладевая им, могут значительно углубить свои знания о казахском народе, о его духовном развитии, быте и традициях, закономерностях пробуждения его самосознания.

Л. И. Брежнев в книге «Целина» верно подметил особенность творчества Абая, актуальные для сегодняшнего дня. «По давней склонности к поэзии, — писал Л. И. Брежнев, — много читал стихов казахских поэтов, особенно Абая, который привлек меня лиризмом, народной мудростью, глубиной постижения жизни. Абай учил казахский народ не замыкаться, не стоять на месте, обогащать свое творчество достижениями русского и других народов. Это важно и для нашего времени»¹.

Исходя из всего сказанного, исследование философских, социальных и нравственных воззрений поэта следует считать проблемой актуальной, требующей тщательной научной разработки и имеющей практическую ценность в развитии общественно-научной мысли в республике. Освещению целого комплекса вопросов, связанных с данной проблемой, в Казахстане посвящено много исследований, и в частности труды Т. Тажибаева, К. Бейсембиева, Б. Габдуллина² и других ученых.

В абаеведении подробно освещаются общественно-политические, мировоззренческие взгляды Абая, приводятся конкретные факты, характеризующие особенности становления и формирования философских воззрений поэта. Хотя в области философии Абай Кунанбаев и не оставил за собой фундаментальных трудов, не написал специальных трактатов, но, как правильно указывал М. Ауэзов, потребность специального изучения его творчества в данном аспекте весьма ощутима.

«Нет основания удалять Абая от философии, — подчеркивал М. Ауэзов, — хотя он и не имеет своего специального философского труда. Все произведения (лирика,

поэмы, наиздания) Абая в своей действительности отражают его мировоззренческие взгляды, полны глубоких философских суждений. Вот эти вопросы подлежат всестороннему изучению и исследованию...»¹

Эти мысли М. Ауэзова нашли активную поддержку со стороны многих исследователей. Общественно-политические, философские, этические взгляды поэта стали объектом целого ряда специальных научных трудов. Вместе с тем его эстетические взгляды все еще мало изучены, хотя эта проблема отчасти и затрагивалась в книге профессора К. Бейсембиева «Мировоззрение Абая», в монографии профессора В. Казыхановой «Эстетическая культура казахского народа».

На наш взгляд, проблема эстетического в творчестве Абая требует специального изучения и обобщения. Систематизация эстетических представлений, пронизывающих все творческое наследие поэта-просветителя, как представляется, должна стать объектом широкого научного исследования.

В поэзии и наизданиях Абая часто встречаются свежие и удивительные примеры самобытного эстетического взгляда на природу и явления общественной жизни. М. Ауэзов в своей монографии о творчестве Абая отмечал: «Со временем будут исследования об эстетических воззрениях, педагогических размышлениях, философских взглядах, историко-общественных идеях поэта, о влиянии на Абая русских классиков, о его поэтическом новаторстве и языке. Словом, появятся исследования по различным темам... Действительно, эти проблемы — поэтическая и языковая особенности, педагогические, эстетические и философские аспекты — все это есть в произведениях Абая»².

Как справедливо утверждает М. Ауэзов, художественное наследие Абая представляет и большую эстетическую ценность, в нем ясно прослеживаются мысли поэта об особенностях эстетического освоения мира и человеческой жизни, общественной роли и назначении художественного познания, искусства и поэзии, о их неразрывной связи с общественной жизнью народа и окружающей действительностью.

¹ Л. И. Брежнев. «Целина». М., 1978, стр. 56.

² См. Т. Тажибаев. Философские, психологические и педагогические взгляды Абая Кунанбаева. Алма-Ата, 1957; К. Бейсембиев. Мировоззрение Абая Кунанбаева. Алма-Ата, 1956; Б. Габдуллин. Эстетические воззрения Абая Кунанбаева. Алма-Ата, 1970.

¹ М. Ауэзов. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 11. Алма-Ата, 1969, стр. 410 (на каз. яз.).

² Там же, стр. 323—324.

Исходя из вышесказанного, можно говорить и о значении настоящей работы, автор которой, опираясь на уже имеющиеся труды по абаяведению, ставит своей целью изучить и обобщить опыт исследования того, как различные эстетические категории реализуются в творчестве казахского поэта-мыслителя, с тем, чтобы систематизировать научные изыскания и по этой проблеме. Работа призвана в какой-то степени восполнить имеющийся до сих пор научный пробел в изучении данного вопроса.

В настоящее время в науке наблюдается позитивная тенденция: различные вопросы развития духовной культуры народа стали разрабатываться комплексно, объединенными усилиями обществоведов и художников слова. Между ними налаживается все более тесное сотрудничество. «Вполне закономерно,— пишет академик П. Федосеев,— усиление интереса писателей к вопросам философии, социологии, этнографии, а у философов, историков, социологов, этнографов — к художественной литературе, к психологии творчества»¹.

Эту тенденцию академик П. Федосеев объясняет, с одной стороны, возрастанием влияния методологии общественных наук на искусство, а с другой — расширением обратного воздействия искусства на обществознание. В связи с этим попытку исследования поэтического творчества Абая с эстетических позиций, думается, можно считать и научно-актуальной, и практически необходимой. Иначе говоря, такого рода исследование представляет собой один из перспективных подходов к углубленному изучению духовного наследия великого поэта-мыслителя Абая Кунанбаева.

ИДЕЙНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ АБАЯ КУНАНБАЕВА. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОЭТА — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Поэт-просветитель, родоначальник новой письменной казахской литературы Абай Кунанбаев, безусловно, был сыном своего века, яркой личностью в общественной жизни казахского народа в конце XIX столетия. Он хорошо знал свой народ, его думы и чаяния, потому что рос и мужал, формировался идейно и духовно в самой гуще народных масс. Плоть от плоти казахского народа он стал выразителем его интересов и свое счастье видел в служении ему.

Эпоха, в которую жил и творил Абай Кунанбаев, характеризуется крупными и важными историческими событиями в жизни казахского народа. Так, полностью завершается процесс добровольного вхождения Казахстана в состав России. Этот исторический акт сыграл положительную роль в жизни казахского народа, способствовал разложению вековых патриархально-феодалных отношений в глухой казахской степи, положил начало проникновению новых веяний в далекий край, дал хороший импульс развитию его производительных сил. Оживление связи с Россией во многом содействовало формированию рабочего класса, развитию классовой и национально-освободительной борьбы на окраинах империи. «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹, — писал К. Маркс.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

¹ «Новый мир», 1977, № 11, стр. 179.

Присоединение Казахстана к России привело к ломке веками застоявшейся жизни, натуральных хозяйств, национальной замкнутости, к пролетаризации масс степного края. Капиталистическая Россия сыграла, бесспорно, прогрессивную роль в экономическом развитии, наращивании промышленного производства, сосредоточении производительных сил в городах, в пробуждении классового и национального самосознания народов, населяющих отдаленные окраины России. Подчеркивая позитивный характер тесного взаимодействия других народов с великим русским народом, В. И. Ленин писал, что «капитализм ставит на место тупого, заскорузлого, оседлого и медвежьего-дикого мужика великоросса или украинца подвижного пролетария, условия жизни которого ломают специфически национальную узость как великорусскую, так и украинскую»¹.

После воссоединения с Россией в Казахстан проникает передовая русская культура. Будущий поэт-мыслитель с детства находился под влиянием этих определяющих исторических перемен. В духовном росте и формировании его общественных взглядов не последнюю роль в этот период сыграла экономическая, политическая и культурная жизнь казахского народа. Приобщение к русской культуре способствовало быстрому преодолению Абаем влияния отсталого общественно-политического мышления, господствовавшего тогда в далеком казахском ауле.

Будущий поэт жил и творил в эпоху больших перемен во всем укладе жизни феодально-патриархального казахского аула. И он никогда не отрывался от народа, от его лучших традиций, всегда был вместе с ним, — и в горе, и в радости. Это способствовало росту крепнущего таланта будущего поэта-просветителя. Важное значение тесной взаимосвязи творческой личности и трудящихся масс подчеркивалось многими выдающимися людьми своего времени. Мы помним, например, что Тургенев плохое знание Рудина своего народа, своей Родины называл несчастьем и слабостью этого человека. «Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно большое несчастье Рудина. Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится!»²

Величие Абая в том и заключается, что он прочно породнился со своим народом, личную свою судьбу накрепко связал с его судьбой. В детские и юношеские годы он немало видел и испытал, был свидетелем многих фактов социальной несправедливости, жестокости нравов феодального быта. Абая всегда стремился вырваться из судьбы обездоленных людей, обреченных на нищету и бесправие, на страдание и гибель. Глубокое знание жизни казахского трудового люда помогло молодому Абаю разобраться в причинах бесконечных лишений и унижений народа, ясно увидеть паразитизм малочисленной феодальной верхушки.

Любовь к простому труженнику и определила гражданское жизненное кредо Абая. В личности поэта-мыслителя удивительно цельно сочетались высокая гражданственность и истинное человеколюбие, прозорливый ум и редкая одаренность. Именно благодаря единству с народом, Абая становится просветителем-гуманистом, истинным гражданином, выразителем народных дум и чаяний, поэтом-борцом за счастье обездоленных масс.

На процесс формирования Абая как художника благотворное воздействие оказали три источника, которые щедро питали, как писал М. Ауэзов, «своими соками корни творчества мудрого поэта»¹. Так, будущий поэт вдоволь утолял духовную жажду из родника казахской народной поэзии, берущей свое начало в глубине веков. Абая страстно и глубоко осваивал поэтическое наследие своего народа. С детских лет он слышал много сказок, преданий и поэм народного эпоса из уст бабушки Зере и аульных сказителей. Усвоив арабскую письменность, он и сам с завидной устремленностью взялся за книги.

Другим важным духовным источником для Абая были великие произведения культуры Востока. Таджикская, азербайджанская, узбекская, ираноперсидская классическая поэзия способствовала обогащению духовного мира, художественного восприятия юноши.

Третьим неиссякаемым источником, питавшим творчество поэта, была русская (а через нее и западно-европейская) культура. М. Ауэзов, указывая на эти три мощных источника, определивших особенности формирования поэтического мира Абая, подчеркивал ведущую роль

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 24, стр. 128.

² И. С. Тургенев. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 2, М., стр. 110.

¹ М. Ауэзов. Абая Кунанбаев, Алма-Ата, 1967, стр. 325 (на кав. яз.).

среди них русской культуры. Творчески осваивая культурное наследие родного народа, народов Востока и России, Абай формировался как поэт нового, самобытного склада. Произведения его потому и отличаются высоким гражданским пафосом, гуманистической направленностью, глубоким и острым социальным содержанием, что Абай, вникая в народное творчество, увлекался им и зная на память многие шедевры казахской устной и восточной классической поэзии, вместе с тем в своем творчестве не был их бездумным копировщиком. Критически пересмотрев художественные ценности своего народа, созданные до него, он совершил своего рода духовный подвиг, перешагнув через каноны устного народного творчества, вскрывшего его творчество, положив начало новому направлению письменной казахской поэзии.

По поводу трех источников, способствовавших формированию мировоззрения и духовного мира Абая, исследователями высказывались различные мнения. Одни утверждали, что важнейшую роль в становлении Абая как поэта сыграли культура Востока и устное творчество своего народа, другие считали определяющим фактором в этом смысле — воздействие русской культуры, третьи отрицали значение восточной поэзии в процессе формирования мировоззрения и поэтического творчества Абая Кунанбаева.

М. Ауэзов, определяя предпосылки формирования мировоззрения поэта, справедливо говорил о преобладании того или иного из этих элементов¹ на различных этапах творчества Абая. Он подчеркнул важную роль духовной культуры Востока в формировании мировоззрения Абая, отмечая вместе с тем преимущественное значение в этом процессе демократической русской культуры. Подобную мысль высказал и профессор К. Бейсембиев в своем исследовании «Мировоззрение Абая Кунанбаева». Он правильно указал на значимость учета при изучении творчества поэта социально-экономических условий, при которых жил просветитель. Эти условия и есть «главный, решающий фактор в формировании поэта-мыслителя».²

Под непосредственным влиянием трех вышеупомянутых источников и самих социально-экономических исто-

рических условий, в которых жил и творил великий поэт, формировалось мировоззрение Абая Кунанбаева, утверждались его взгляды на природу и общество.

В вопросах понимания явлений природы в творчестве Абая проявляются ярко выраженные материалистические тенденции.

Способность познавать мир, как считал Абай, — это не дар божий, а результат человеческой деятельности. Так, в «Сорок третьем слове» своих «Назиданий» Абай утверждает, что «ум и знания являются плодами трудовой деятельности человека»³. Более того, для Абая была очевидна объективная реальность мира, который познается человеком путем отражения через органы чувств. «Человек, — писал он, — познает мир, наблюдая глазами, слушая его звуки ушами, прикасаясь к предметам руками, вдыхая запахи носом, определяя вкус языком. Все его ощущения — и приятные и неприятные — запоминаются ему, как определенные образы»⁴.

Внешний мир, по мысли Абая, воздействует на наши органы чувств, вызывает определенные ощущения, которые передаются в центральные органы нервной системы, абстрагируются. Благодаря высшему продукту материи — мозгу, человек способен к умозаключениям, он размышляет, принимает решения. Наши действия — это реакция на внешние воздействия окружающей среды. По истолкованию поэта-мыслителя, познавательный процесс у человека проходит через эти стадии. В познании истины Абай важное место отводил роли труда и практической деятельности человека: «ум складывается в процессе труда»⁵, «... если не развивать своего стремления к познанию, то легко потерять даже то малое, что имеешь»... «Бездеятельность приводит к тому, что постепенно начинают стираться те или иные грани мастерства, а потом перестает существовать и само мастерство»... «Ведь мастерство или знание не предупреждает, вот, мол, я ухажу...»⁶ — писал Абай.

Абай неоднократно подчеркивал, что человеческие знания не стоят на одном уровне, они обогащаются благодаря активной трудовой человеческой деятельности, а без нее знаний вообще быть не может. Но в представле-

¹ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр.117.

² Там же, стр. 117.

³ Там же, стр. 118.

⁴ Там же, стр. 119

¹ См. М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Алма-Ата, 1967, стр. 326.
² К. Бейсембиев. Мировоззрение Абая Кунанбаева. Алма-Ата, 1956, стр. 94.

нии Абая труд понимается как труд индивида, отдельной личности, а не как общественно-производственная деятельность.

Абай высказывал суждения о подвижности и непрерывности познавательного процесса, утверждая, что человек имеет дело не с системой неких застывших образов, сложившихся от первоначального восприятия, а с непрерывно изменяющейся формой познания мира. Но все же эти и подобные мысли Абая нельзя считать результатом осознанных научных выводов, поскольку он был лишь стихийным диалектиком.

Известно, что различные формы общественного сознания: политическая идеология, мораль, искусство, философия, право, наука являются специфическим отражением внешнего мира, реальной жизни в сознании человека. Религия же искаженно, неверно отражает природу и общественную жизнь. В назиданиях Абая дается правильное истолкование научного познания как отражения внешнего мира в сознании человека, как результата его творческого труда: «Мы не придумываем науку, она появляется как результат наших ощущений, наблюдений и размышлений о созданном вокруг нас и организованном для нас мире»¹.

Однако материализм Абая не всегда последователен. Так, признавая объективность реального мира, подчеркивая его познаваемость и вечную изменимость по законам вселенной, поэт-мыслитель допускает мысль о существовании бога в качестве первотворца, не вмещающегося в повседневную жизнедеятельность людей: «Мир создали не люди — они только познают уже сотворенный аллахом мир... мудрым становится тот, кто искренне поверил и понял величие аллаха»². Одно из стихотворений Абая было озаглавлено «Бог — истина, слова его верны». Из анализа творчества поэта следует вывод, что Абай в своем понимании проблем возникновения и развития объективной действительности впал в деизм, т. е. признавал существование бога в качестве безличной первопричины мира. «Деизм, — как писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе», — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и легкий способ отделяться от религии»³.

Люди верят в бога, обожествляют неведомые силы природы потому, что сами создали ложные представления о действительном мире. «Порождения их головы, — по замечанию К. Маркса, — стали господствовать над ними. Они, творцы, склонялись перед своими творениями»¹. «Сознание, конечно, есть вначале осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно — осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и непреступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти, которой они подчиняются, как скот; следовательно, это — чисто животное осознание природы (обожествление природы)»², — подчеркивал К. Маркс.

Ложные представления о мире и обожествление неразгаданных тайн вселенной делают человека рабом своих же собственных фантастических религиозных измышлений. Религиозное сознание имеет свои гносеологические, классовые корни. В его основе лежит неверное отражение внешнего мира в сознании человека. Религия служит господствующим эксплуататорским классам для обмана эксплуатируемого народа, для подрыва его веры в свои возможности и силы, держит людей в состоянии постоянного страха.

В области изучения мировоззрения поэта-мыслителя, его идейных истоков немало сделано нашими учеными, исследователями. «Одни считали Абая рационалистом, но не конкретизировали: рационалист-материалист или рационалист-идеалист; другие называли его последователем материалиста Ф. Бакона; третьи чуть ли не объявляли его сторонником диалектического материализма, четвертые писали, что Абай в «своих общественно-философских воззрениях все же остался идеалистом», а пятые видели «непримиримое противоречие в абаяевской философии»³, — пишет К. Бейсембиев.

Истолкование явлений мира у Абая действительно во многом противоречиво, материалистические суждения у него иногда переплетаются с идеалистическими. Но тем

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 11.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.

³ К. Бейсембиев. Очерки истории общественно-политической и философской мысли в Казахстане. Алма-Ата, 1976, стр. 198—199.

¹ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 125.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 144.

не менее Абай в познании мира стоит на материалистических позициях. Он признает объективную реальность мира, его существование независимо от сознания людей.

Абай в своем творчестве ясно изложил мысль о вечном движении всего сущего, иначе говоря, сделал правильный вывод о диалектическом развитии мира. В то же время этот процесс он ставил в зависимость от воли всевышнего, первооздателя — бога: «Ни одному... существу, — пишет Абай, — не дано постоянство»¹. Согласно утверждениям поэта, все изменяется в жизни, мир находится в постоянном движении, но в движение он приводится богом. При объяснении извечности движения вселенной Абай не смог избавиться от идеи первоотолчка, внешней силы — бога. В стихотворении «Вот и старость, скорбны думы, чуток сон» поэт пишет, что «кроме одного аллаха все изменяется». Или же вот что говорит он в стихотворении «Бог — истина, слова его верны»:

Все переменчиво — бог не таков,
Согласен с этим каждый богослов;
...Любовью мы с небес наделены,
И бога страстно мы любить должны;
Ты всех людей люби, как братьев,
И правду полюби — ей нет цены².

Дальше Абай призывает народ искренне почитать аллаха, с любовью сотворившего человеческий мир.

Нельзя упрекать Абая в деизме, в том, что он полностью не смог отрешиться от религиозных верований, допускал существование первооздателя всего сущего, а многие нераскрытые тайны природы связывал с именем единого всевышнего аллаха: «силой всезнания обладает только аллах», «аллах един и он во всем»³, «истина — это аллах». По его утверждению, аллах — совершенное существо, он символ истины, совершенства, справедливости, «всемогущий» аллах всеведущ, справедлив и милосерден, и вера должна быть для людей превыше всего. Абай проповедовал преданность всевышнему, советовал искренне любить его.

Любовь к аллаху, по мысли Абая, должна быть деятельной, и человек своими намерениями, замыслами и делами должен быть похожим на бога, «достаточно хотя бы подражать ему». Абай, проповедуя честное служение

религиозной вере — всемогущему богу, не забывал о том, что человек должен быть искренним, честным: «Ты обязан быть честным»⁴, — говорил он.

В своих рассуждениях Абай не смог окончательно преодолеть традиционные представления о мире, укоренившиеся в сознании людей на протяжении столетий.

Выступая в защиту веры в святого аллаха, Абай в то же время остро бичует мулл — служителей бога в казахской степи. Он беспощадно разоблачает их тупоумие, продажность, невежество, неискренность, лицемерие: «Теперешние муллы не терпят ученых. Это выдает невежество священнослужителей... большинство мулл, научившись арабскому и персидскому языкам, начинают соперничать друг с другом и, движимые гордыней, мечтают лишь о том, как бы возвыситься. Для достижения своей цели они используют любое средство. Обманом и хвастовством сбивают с толку людей»⁵. Абай Кунанбаев в ряде стихотворений бичует священнослужителей — степных паразитов, обманщиков народа, питающихся соком и кровью трудящихся масс. В его стихах чувствуется острый сарказм.

Поэт как бы срывает маски с лакеев-служак мусульманского духовенства, показывает их истинные лица, не внушающие доверия и не вызывающие симпатий у порядочных людей. Например, в одном из стихотворений, написанных в 1891 году, Абай описывает такие черты богослужителей, как тупость — «не видит дальше носа своего» — и несправленную жадность:

И мулла в чалме огромной
Вкривь толкует наш закон.
Жаден, слеп, душою темной —
С беркутом не схож ли он?⁶

Непримиримость к представителям исламской религии, саркастическое бичевание, публичное высмеивание их невежества иногда у автора подкрепляется сомнением в правомерности существования самого аллаха: «У меня и в мыслях нет сейчас ставить под сомнение его величие, но почему он, всемогущий, нуждается в моем служении ему, в моих молитвах?»⁴

Противоречивое отношение Абая к религии впол-

¹ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 38.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 248.

³ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 83.

⁴ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 81, 91, 97.

⁵ Там же, стр. 97.

⁶ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 142.

⁷ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 54.

ную подводит его к дуализму. Он признавал наличие духа, обитающего в человеческом теле. Когда дух покидает тело, человеческая жизнь, как считал Абай, кончается. Человеческое существо, по мысли Абая, состоит из двух частей: одно — тело, другое — душа. Абай высказывал суждения о каком-то страшном судилище, устраиваемом богом, верил в загробную жизнь. Таким образом, несмотря на прогрессивные мысли Абая о возможности познания мира, он полон противоречий в рассуждениях о сотворении Вселенной.

В познании природы Абай Кунанбаев — материалист, но он идеалист в отношении к общественной жизни. Поэт так никогда и не смог понять закономерности общественного развития, не видел корень социального зла и несправедливости. Причины разделения общества на антагонистически враждебные классы, эксплуатации народа богатыми, волчьей морали, утверждающей власть одних над другими, остались для Абая непознанной загадкой.

Все зло он видел в непросвещенности народа, его склонности к анархизму, к беспорядку. Улучшение жизни, устранение всех социальных бед, по его мысли, было возможно лишь на пути нравственного перевоспитания людей, очищения их сознания от невежества. Абай считал, что достичь всего этого можно по мере повышения культуры народа. Он преувеличивал роль разума в процессе изменения мира, не случайно отдельные исследователи Абая считали его даже рационалистом. Рационалистические тенденции в его творчестве как бы перекликаются с идеями французских просветителей-утопистов, английских материалистов, русских гуманистов-демократов. Учение Дидро, Гельвеция, Гольбаха об активной роли окружающей среды в формировании личности не бесследно прошло для Абая.

В какой-то степени на взгляды Абая Кунанбаева повлияла и писаревская идея о том, что будто бы мысль, знания способны перевоспитать «агрономов, фабрикантов и всякого рода капиталистов» в «новых людей», в разумных руководителей народного труда»¹.

В улучшении жизни казахов, устранении социальной несправедливости Абай Кунанбаев в какое-то время делал ставку на просвещенного управителя, хорошо знакомого жизнь народа. Желая практически осуществить

эту идею, он выдвинул свою кандидатуру на пост волостного управителя. Будучи волостным управителем, Абай старался решать все общественные вопросы разумно, обоснованно и справедливо, т. е. так, как приказывали ему его ум и совесть. Но Абай не мог достичь многого в этом деле, он постоянно сталкивался с неразрешимыми проблемами современного ему общества, основанного на эксплуатации одного класса другим.

Ничего он не добился в своем стремлении осуществить идею о просвещенном управителе. Ему, действительно просвещенному управителю-волостному, при всем его желании, не под силу было устранить беззаконие, воровство, несправедливость, междоусобицы, то есть те явления действительности, что порождались самим обществом.

Работая волостным управителем с 1876 по 1878 год, Абай многое понял, утратил иллюзии и сам подал заявление об уходе с поста. Будучи уверенным в возможности исправления нравов людей, он практически хотел осуществить на деле свою идею о необходимости «оздоровления» феодально-патриархальной жизни казахского аула. Но и здесь его ожидания не сбылись.

Абай был подавлен тщетностью всех своих усилий, бессилием одиночества, тем, что его попытки реализовать практически идею сильной просвещенной личности, якобы-де способной повести народ к единению и справедливости, к свету знаний, к вершинам культуры и образования, натолкнулись на неразрешимые трудности.

Однако полностью от своей идеи о важности миссии просвещенной личности, умеющей направлять народ на путь разума, добра и справедливости, он не отказался. В 1896 году Абай писал: «Кто отравил Сократа, сжег Жанну д'Арк, распял Христа, закопал Мухаммеда в верблужьих останках? Толпа. Значит, у толпы нет ума. Сумей направить ее на путь истины»¹.

Преувеличивая, таким образом, роль отдельной личности в переделке нравов общества, в просвещении народа, Абай сомневался в силе масс, называя народ «толпой». При всей ошибочности понимания поэтом некоторых социальных явлений он всегда верил в силу воспитания, в необходимость идейного и нравственного воздействия на личность. «Будь моя власть,— писал он,— я бы отре-

¹ См. Ф. Кузнецов. Живой источник. М., 1977, стр. 299.

¹ Абай. Слова наизадания. Алма-Ата, 1970, стр. 75.

зал язык тому, кто утверждает, что человек неисправим»¹.

Следует отметить, что представления Абая Кунанбаева о просвещенной личности перекликаются с положениями сторонников субъективной школы в социологии XIX века, отрицавших объективные закономерности общественного развития и сводивших их к произвольной деятельности «выдающихся личностей». Представители этой школы младогегельянцы В. Вауэр, Д. Штраус, М. Штирнер и другие считали народ «некритической массой», которая-де следует за «критически мыслящими личностями». К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе», «Немецкой идеологии» и других работах подвергли глубокой и всесторонней критике взгляды младогегельянцев.

В России представителями субъективного метода в социологии выступали во второй половине XIX века либеральные народники, отрицавшие объективный характер законов развития общества и сводившие историю к деятельности отдельных героев, «выдающихся личностей». Абай же, как известно, тесно дружил с русскими ссыльными, перенимал многие их идеи, сразу же найдя общий язык с этими людьми, носителями прогрессивно-демократических взглядов. С 1823 по 1887 годы в Сибирь было сослано 772 979 человек², а с 1870 по 1880 год только в Семипалатинск прибыло 120 политических ссыльных³, и среди них Е. П. Михаэлис (1841—1903), Н. И. Долгополов (1857—1922), с которыми тесно сошелся Абай. О дружбе поэта с этими русскими революционерами-демократами подробно рассказывается в книге А. Жиренчина «Абай и великие русские революционные демократы», изданной на казахском языке в 1959 году.

Во всех исследованиях, посвященных Абая, справедливо отмечается позитивное влияние на жизнь и творческую деятельность поэта русских ссыльных, прогрессивно настроенных людей, составлявших оппозицию царскому самодержавию.

Русские друзья поэта помогали ему в подборе литературы для чтения, оказывали содействие в совершенствовании

вании самообразования. Общаясь с ними, Абай убедился, что русские революционно настроенные интеллигенты, такие как Е. П. Михаэлис, болеют душой за угнетенный народ, борются за его интересы.

С Е. П. Михаэлисом Абай встречался в Семипалатинске. Евгений Павлович был частым гостем семьи Абая, он оказал благотворное воздействие на демократизацию и гуманизацию взглядов поэта. Н. И. Долгополов, находясь в ссылке в Семипалатинске, также неоднократно встречался с Абаем. Свободолюбие, гуманизм взглядов русских друзей Абая нашли определенный положительный резонанс в его творчестве. Но роль русских революционеров-демократов в формировании мировоззрения Абая нельзя преувеличивать. Об этом в свое время писали К. Бейсембиев, Т. Тажибаев, В. Габдуллин и другие исследователи творчества поэта.

«Они были самыми близкими душевными друзьями Абая,— замечает профессор К. Бейсембиев,— но они не были такими крупными величинами, чтобы могли быть духовными учителями Абая»⁴. Преувеличение степени воздействия русских политических ссыльных на Абая чревато недооценкой и принижением особой роли творчества великих представителей передовой русской культуры, в частности А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Крылова, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. Добролюбова, Д. Писарева и других на духовное становление поэта. Благодаря произведениям русских писателей-классиков Абай Кунанбаев близко познакомился с демократической русской культурой, освоил ее передовые прогрессивные идеи. Приобщение к демократическим элементам русской культуры активно способствовало формированию цельного общедемократического общественного мировоззрения великого казахского мыслителя и художника-гуманиста.

Абай и сам постоянно подчеркивал благотворное воздействие на него передовой русской культуры. Он призвал свой народ к изучению русского языка, к овладению культурным опытом русских. Он учился сам и обучал своих детей русскому языку. Степные феодалы и служители культа считали его отступником от исламской религии, от законов шариата за то, что он дружил с предста-

¹ К. Бейсембиев. Мировоззрение Абая Кунанбаева. Алма-Ата, 1956, стр. 35.

¹ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 75.

² А. Жиренчин. Абай и великие русские революционные демократы. Алма-Ата, 1959, стр. 172.

³ В. Габдуллин. Этические воззрения Абая. Алма-Ата, 1970, стр. 21.

вителями другой религии и проповедовал «крамольные» идеи.

С представителями русского народа Абая сближала общность идеи, взглядов на жизнь. «Нужно овладеть русским языком,— писал Абай Кунанбаев.— У русского народа разум и богатство, развитая наука и высокая культура. Изучение русского языка, учеба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять все лучшие качества этого народа... Знать русский язык — значит открыть глаза на мир... Русская наука и культура — ключ к осмыслению мира, и, приобретя его, можно было бы намного облегчить жизнь нашего народа».¹ В пропаганде важности изучения и овладения богатым опытом русской культуры Абай видел возможность помочь своему народу, облегчить его жизнь. Поэт обращается к народу с убедительной и настоятельной просьбой: «Не торопись женить сына и выделить сына в отдельную семью, а обучи его сперва в русской школе».²

Абай свою любовь к русской демократической культуре утверждал не только на словах, но и подтверждал делом, проводя большую и скрупулезную работу над переводами поэтических произведений многих русских писателей. В переводах он находил для себя духовную пищу, искал и обретал верный путь к совершенствованию собственного поэтического творчества. Бессмертная поэзия Пушкина, Лермонтова, Крылова, а также Гейне, Гете, Байрона (через русский перевод) стала для него учебником жизни, школой мастерства. Постоянное изучение поэтического наследия русских классиков духовно обогатило и во многом определило содержание поэзии Абая Кунанбаева.

Он подходил к переводу произведений русских писателей выборочно. Его выбор обычно приходился на те поэтические творения, которые оказывались близки по духу и содержанию национальному читателю, не знакомому с жизнью, обычаями, традициями, формой мышления и характером русского народа. Образно говоря, Абай дал возможность русским поэтам «заговорить по-казахски». Так, именно он познакомил родной народ с героиней «Евгения Онегина» Пушкина — Татьяной, переживания которой оказались созвучными страданиям бес-

правных казахских девушек — жертв феодально-патриархального беззакония.

Социальная наполненность содержания, сатирическая направленность поэзии Абая Кунанбаева в определенной мере объясняются и непосредственным влиянием творчества И. А. Крылова, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Активное их воздействие на поэзию Абая способствовало ее обогащению новыми для искусства слова казахского народа качествами.

Работа Абая над переводами произведений русских писателей имела для него как бы двойное значение. Во-первых, Абай имел возможность еще теснее познать творчество деятелей русской культуры, во-вторых, через их творчество, обогащаясь духовно, он совершенствовал свое поэтическое мастерство. Исследователи поэзии Абая Кунанбаева правильно отмечают эти особенности его переводческой деятельности. В то же время кое-кто из исследователей склонны отдельные поэтические произведения Абая Кунанбаева считать прямым подражанием стихам русских поэтов.

Действительно, в общем содержании ряда поэтических произведений Абая имеется сходство со стихами Пушкина или Лермонтова, но поэт при знакомстве с творчеством того же Лермонтова мог перенять лишь идеи, мотивы, но творцом стихов был он сам. Такое творчество нельзя считать переводом.

Подчеркивая особое влияние русской демократической культуры на мировоззрение Абая Кунанбаева, следует сказать о том, что почти все абаеведы пишут также о влиянии на поэта идей западных ученых-мыслителей. В подтверждение этому они ссылаются на книгу известного американского путешественника-журналиста Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка», изданную в 1906 году в Санкт-Петербурге.

«Господин Леонтьев передал мне,— пишет автор этой книги,— историю Семипалатинской библиотеки и выразил мнение, что она не только большое благо для сельных, но и возбуждает интеллектуальные интересы в городе. Даже киргизы пользуются ею,— сказал он.— Я знаю здесь одного старого киргиза, читающего Бокля, Милля и Дрепера... При первой моей встрече с ним я был поражен просьбой объяснить ему различие между индукцией и дедукцией. Впоследствии я узнал, что он изучает сочинения английских философов и вышеупомянутых авто-

¹ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 46—47.

² Там же, стр. 48.

рою... Я с ним беседовал в течение двух вечеров по поводу книги Дрепера «Умственное развитие Европы» и убедился, в том, что он понимает прочитанное»¹.

Отдельные исследователи жизни и деятельности Абая Кунанбаева, приводя эти факты, утверждают, что изучение поэтом философии Запада благоприятно воздействовало на формирование его мировоззрения. «Поэт,— писал академик АН Казахской ССР М. С. Сильченко,— читал произведения философов: Платона, Спенсера, Спинозу. Отзвуки этого чтения слышны в его стихах, еще больше в его размышлениях»². Еще раньше он замечал: «Гаклия» (т. е. «Назидания».— А. К.)— синтез стихийноматериалистических воззрений Абая, навеянных чтением Спенсера, Писарева, Милля»³.

Другие исследователи высказывали противоположные суждения. Профессор Т. Тажибаев утверждал, что на формирование психологических взглядов Абая не влияла «эмпирическая и позитивистская психология Милля и Спенсера, которые изучались Абаем»⁴. Подобная же мысль повторяется и А. Жиренчиным, который замечал, что Абая нельзя считать учеником буржуазных ученых Западной Европы — Спенсера, Дрепера, Милля, поскольку, хотя Абай их изучал, но никогда не писал, что у них что-то перенял⁵.

Изучение философских воззрений западных ученых, как представляется, еще не говорит о том, то их идеи определили жизненное кредо или существенно повлияли на общественные взгляды Абая Кунанбаева. Здесь очевидно можно говорить лишь об эрудиции поэта, о его стремлении обогащать и расширять свой кругозор, научные знания, а не о прямом влиянии на него всего прочитанного и изученного.

В связи с этим, думается, нужно согласиться с мнением Т. Тажибаева, А. Жиренчина о том, что Абаем хотя и изучались труды философов-позитивистов Запада, но они определенного влияния на мировоззрение поэта-мыслителя не оказали.

Определяющую роль, и это бесспорно, в формировании его убеждений сыграла прогрессивная демократическая русская культура. И тот факт, что сын далекой казахской степи в условиях поголовной безграмотности, невежества, слабой коммуникабельности находил возможность читать научные трактаты ученых Западной Европы является весьма примечательным и свидетельствует о широте взглядов великого казахского поэта-просветителя XIX века.

Абай был разносторонним человеком. Универсальность его интересов обуславливалась потребностью самой общественной среды, в которой жил и творил Абай Кунанбаев. Для казахского аула XIX века многое на земле было «terra incognita» — областью неизведанного и непознанного. Глухая степь в культурно-экономическом отношении далеко отставала от развитых стран мира. Экстенсивно-очевая система ведения хозяйства тормозила развитие экономики и культуры Казахстана.

Экономическая, культурная и общественно-политическая отсталость сказывалась буквально во всем. В. И. Ленин в своих трудах приводил интересные данные из книги Отто Гетча «Русский Туркестан и тенденции современной русской колониальной политики», написанной в 1913 году. Автор этой книги был в Туркестане, знал русский язык. После пребывания в этом крае он и написал свою книгу. В 1880 году, по его сведениям, в России насчитывалось 11 млн. мусульман, вся же их печатная литература состояла из 7—8 книг; у них была одна типография, 12 человек имели высшее образование, в том числе 1 учился в Западной Европе⁶.

Условия среды не могли не сказаться на мировоззрении Абая Кунанбаева. Несмотря на неустанное самообразование, на редчайшую природную одаренность Абая, его мировоззрение было во многом ограниченным, он допускал немало ошибок в толковании тех или иных закономерностей действительности. Он не мог подняться до уровня цельного материализма в объяснении природных явлений, был идеалистом в понимании процессов общественного развития, верил в существование бога-аллаха, впадал в деизм, не пришел к глубокому и верному пониманию сущности классовой борьбы.

Причины эксплуатации одного класса другим, обога-

¹ Д. Кеннан. Сибирь и ссылка. С.-Петербург, 1906, стр. 48.

² М. С. Сильченко. Творческая биография Абая. Алма-Ата, 1957, стр. 14.

³ М. С. Сильченко. Абай. Алма-Ата, 1945, стр. 98.

⁴ Т. Тажибаев. Философские, психологические и педагогические взгляды Абая Кунанбаева. Алма-Ата, 1957, стр. 27.

⁵ См. А. Жиренчин. Абай и великие русские революционные демократы. Алма-Ата, 1959, стр. 29.

⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 514.

жения верхов и обнищания трудового люда он выводил из самой природы человека, из его отношения к труду и к земным благам.

Абай полагал, что одни люди в силу своей разворотливости становятся богатыми, а другие из-за отсутствия этого и других подобных качеств оказываются бедными. Надежды поэта, возлагаемые на просвещенную личность, должны обеспечить справедливое правление народом, тоже являются следствием ограниченности его взглядов, тем не менее, несмотря на это, ни в какой степени нельзя умалять важную роль Абая в становлении казахской прогрессивной общественной мысли и национальной культуры. Он был самой высокой вершиной в духовном развитии казахского народа во второй половине XIX века. Здесь уместно сравнить значение Абая в жизни казахского народа с ролью Н. Г. Чернышевского в русской действительности того времени.

В. И. Ленин писал о Н. Г. Чернышевском: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»¹.

В. И. Ленин, говоря о философских воззрениях Чернышевского, небезосновательно подчеркнул отсталость, экономическую слаборазвитость России в прошлом. Учитывая высказывание В. И. Ленина, можно представить общественную среду Казахстана, в которой жил и творил Абай, отстававшего от России на целую общественную формацию. Именно исходя из этого и можно объяснить как лучшие, так и слабые стороны духовного багажа великого казахского поэта-мыслителя.

В полудикой, отсталой общественной среде казахской степи, благодаря своей одаренности, активной натуре, пытливости ума, неустанному самообразованию, используя передовые достижения русской демократической мысли, Абай овладевал общечеловеческой духовной культурой.

Общественная среда активно влияет на формирование личности. Жизнь человека вне общественной среды не-

возможна. О большой значимости влияния общественной среды на формирование сознания и психическое состояние личности свидетельствует, например, одно из обстоятельств, имевших отношение к жизни М. Горького. В 1919 году М. Горький, находясь в Петрограде, испытывал болезненные настроения, связанные с голодом и другими трудностями осажденного города, и написал об этом В. И. Ленину.

В. И. Ленин в ответном письме обратил внимание М. Горького на то, что на него болезненно влияет среда, тяжелые общественные обстоятельства, сложившиеся в то время. Неблагоприятные объективные условия в стране были наруку врагам революции, врагам молодой Советской власти, которые утверждали, что «коммунизм виноват — в нужде, нищете в болезнях осажденного города»¹.

Владимир Ильич Ленин советовал пролетарскому писателю, дабы избавиться от мрачных мыслей, «переменил место, ибо дать себе истерять нервы до больного состояния совсем неразумно»².

Радикально изменить обстановку, и среду, и местожительство, и занятие, иначе опротиветь может жизнь окончательно»².

Мысль В. И. Ленина служит подтверждением тому, какую важную роль играет общественная среда в формировании настроения, характера человека, его сознания. В связи с высказанным соображением становится понятной некоторая ограниченность мировоззрения Абая Кунабаева, то, что временами он впадал в состояние упадка, пессимизма.

При всей незрелости своих общественно-политических, философских, социальных взглядов Абай Кунабаев внес огромный вклад в идейное и культурное развитие казахского народа, пробуждение его от векового сна.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в своей речи, произнесенной на торжественном заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана и Верховного Совета Казахской ССР, посвященном 50-летию Казахской ССР и Коммунистической партии Казахстана, 28 августа 1970 года, небезосновательно называл в числе светлых умов казахского народа имя велико-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 384.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 24.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 23, 27.

го Абая Кунанбаева, чье наследие уже стало «неотъемлемым достоянием культурного багажа»¹ всех народов нашей многонациональной Родины.

Эстетическое в творчестве Абая Кунанбаева — органическая часть его общественно-философских воззрений. «Поскольку эстетика, — как верно отмечает профессор М. С. Каган, — является философской наукой, постольку ее теоретические принципы и научный метод непосредственно зависят от мировоззренческих позиций и конкретной методологии философии данной эпохи. Зависимость эту можно без особого труда обнаружить не только у тех представителей эстетической мысли, которые были одновременно и философами, например, у Платона и Аристотеля, у Канта и Гегеля, у Чернышевского и Владимира Соловьева, — но и у тех, кто шел к эстетике не от философии, а от искусства, а именно даже от собственной художественной практики, — скажем, у Леонардо да Винчи и Альберти, у Лессинга и Дидро, у Белинского и Льва Толстого. Каково бы ни было отношение автора эстетических рассуждений к философии, как бы ни оторчивался он подчас от философии, отказываясь иметь с ней что-либо общее, подобно адептам «психологической» и «экспериментальной» эстетики, философия неизбежно вторгается в его рассуждения, ибо такова уже сама природа эстетического исследования»².

Эстетические воззрения Абая Кунанбаева в отдельных научных трудах уже рассматривались. Например, в своей монографии о творчестве поэта М. Ауэзов попутно коснулся и данной проблемы. Выдающийся казахский писатель и ученый, внесший огромный вклад в определение сущности и содержания творческого наследия Абая Кунанбаева, в этой монографии глубоко раскрыл идейное содержание его поэзии и прозы, показал тесную связь творчества поэта с жизнью казахского народа. М. Ауэзов отметил, что Абая обогатил казахскую поэзию рядом новаторских открытий, проповедавая новые эстетические нормы. М. Ауэзов впервые дал полную и объективную оценку творческой деятельности Абая Кунанбаева. Он писал, что мы имеем полное право оценить Абая как мудрого классика, создавшего энциклопедию экономи-

ческой, социальной и духовной жизни своей эпохи³. Профессор К. Бейсембиев в своих книгах «Мировоззрение Абая Кунанбаева», «Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана»⁴ останавливает внимание на высказываниях поэта по эстетическим вопросам. Исследователь в основном анализирует мысли Абая Кунанбаева о роли и социальном назначении поэзии в общественной жизни. В ряде трудов литературоведов республики (М. Сильченко, Х. Жумалиев, Х. Суюншалиев, А. Нуркатов, З. Ахметов, Т. Алимкулов, М. Вожеев и др.) также затрагиваются отдельные вопросы, связанные с эстетическими воззрениями и принципами творческой деятельности Абая Кунанбаева.

В монографии профессора Б. Казыхановой⁵, являющейся первой попыткой по созданию цельного исследования о формировании эстетической культуры казахского народа, специальный раздел посвящен эстетическим взглядам Абая Кунанбаева. Сам автор не ставит в книге задачу осветить «все стороны исследуемой проблемы или в равной мере подробно исследовать все компоненты эстетической культуры. Автор считает достоянием на примере основных ее элементов показать закономерность формирования эстетической культуры казахского народа»⁶. При этом автор сосредоточивает свое внимание на основных видах устно-поэтического творчества и на творчестве наиболее выдающихся мыслителей и художников, внесших большой вклад в развитие эстетической культуры. Б. Казыханова, рассматривая эстетические взгляды Абая Кунанбаева, не претендует на исчерпывающее их освещение.

В связи с отсутствием цельного исследования эстетических воззрений Абая Кунанбаева автор настоящей работы ставит целью восполнить этот пробел, проследить, как различные эстетические категории реализуются в творчестве поэта-мыслителя, сделать попытку их систематизации.

¹ См. М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Алма-Ата, 1967, стр. 162.

² К. Бейсембиев. Мировоззрение Абая Кунанбаева. Алма-Ата, 1956, стр. 155—163; его же. Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана. Алма-Ата, 1976, стр. 221—223.

³ Б. Казыханова. Эстетическая культура казахского народа. Алма-Ата, 1973, стр. 112—128.

⁴ Там же, стр. 12.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4, стр. 60.

² М. С. Каган. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971, стр. 24.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АБАЯ КУНАНБАЕВА

1. ЗАДАЧИ И НАЗНАЧЕНИЕ ПОЭТА И ПОЭЗИИ

История духовной культуры человечества полна драматизма борьбы и столкновений различных эстетических идей. Ученые никак не могли обойти вопрос о целях и задачах искусства, его отношении к общественной жизни.

История любого народа — это, как известно, история борьбы классов, а история его духовной жизни — это отражение процессов экономического развития, социальных отношений. Потому-то, прежде чем перейти к разговору о том, как понимал Абая Кунанбаев задачи и назначение искусства, попытаемся вкратце охарактеризовать историю данной проблемы.

Еще в античные времена многих ученых волновал вопрос об источнике поэзии, ее назначении и целях, о путях воздействия на людей. Гомер считал, например, что его поэзия происходит «от муз» и «от богов». Действительно же цель поэзии Гомер видел в том, чтобы радовать людей, быть украшением пиров. В своем воздействии на людей поэзия, как полагал Гомер, умножает не только их радость, но и очарование миром. По Гомеру, значение поэзии состоит в том, что «она является голосом богов, ибо они говорят устами поэтов. Но также и в том, чтобы доставлять людям радость и сохранять память о былых подвигах»¹.

В истории эстетической мысли известны два основных направления — идеалистическое и материалистическое,

рассматривающие назначение искусства с диаметрально противоположных позиций. Первое из них, выражающее идеалистические воззрения на искусство, отрицает его материальную основу и социально-классовое назначение. Считая искусство творением разума, сторонники этого направления выдвинули теорию «чистого искусства» или «искусства для искусства». Хотя эта теория официально возникла в 40-х годах XIX века, но она корнями уходит далеко в глубь истории. Например, Платон называл искусство «одной лишь забавой», «развлечением» для людей, «вожделениями чувственной души». Даже Аристотель видел в искусстве «продукт души»¹.

Продолжая эту идеалистическую традицию прошлого, проповедники теории «чистого искусства», начиная с середины XIX в. разглагольствовали, что якобы опекаемое ими искусство служит общечеловеческим идеям, добру и красоте и не является тенденциозным. В действительности же эта теория сама является тенденциозной, защищает интересы эксплуататорских классов, ибо стремится увести духовную культуру от активной деятельности (от разоблачения пороков современной общественной жизни) к проповеди отвлеченных нравственно-эстетических идеалов. Сторонники этой теории отрывают искусство от жизни, превращают его в какую-то абстрактно-отвлеченную деятельность, отключенную от общего русла общественной жизни. В свое время даже Лев Толстой не мог преодолеть господствующие в современную ему эпоху идеалистические взгляды на искусство. Но он выступал против мнения, согласно которому искусство рассматривается как источник наслаждения. Говоря об этом, Л. Толстой определяет искусство как одно из условий человеческой жизни. «Рассматривая же так искусство,— пишет он,— мы не можем не увидеть, что искусство есть одно из средств общения людей между собой». Далее Л. Толстой говорит: «Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их»².

Толстовское определение искусства не полностью раскрывает его назначение и задачи, но уже в нем содер-

¹ См. В. Татаркевич. Античная эстетика. М., 1977, стр. 35.

¹ См. В. Татаркевич. Античная эстетика. М., 1977, стр. 113.

² Л. Толстой. О литературе. М., 1955, стр. 355.

жится протест против того, чтобы на искусство смотреть как на источник наслаждения, утешения или забавы.

Л. Толстой как проповедник идей «непротивления злу насилем» в обязанность искусства вменяет борьбу против насилия. В задачу искусства великий русский писатель включал гуманную человеческую идею об «осуществлении братского единения людей». Но он видел ключ к решению данной проблемы в возвышении религиозного сознания — христианства, «в том, чтобы установить на место царствующего теперь насилия то царство божие, то есть любви, которое представляется всем нам высшей целью жизни человечества»¹.

Л. Толстой, хотя и был в чем-то близок к материализму, не создал целостной и верной системы понятий об искусстве, связывая его назначение со служением религии.

Материалистическое направление в эстетической мысли получило отражение и содействовало разработке в творчестве В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского. В. Г. Белинский правильно определил назначение и цель искусства. *«Изображать, воспроизводить в слове, в звуке, в чертах и красках идею всеобщей жизни и природы: вот единая и вечная тема искусства! — писал он. — Поэтическое одушевление есть отблеск творящей силы природы... Чем выше гений поэта, тем глубже и обширнее обнимает он природу, и тем с большим успехом представляет нам ее в ее высшей связи и жизни»*².

Н. Г. Чернышевский в диссертации «Эстетическое отношение искусства к действительности», развивая мысль В. Г. Белинского, дает четкое определение искусства и его назначения. Особенно он подчеркивает производность искусства от природы и жизни. «Природа и жизнь выше искусства»³, — писал Н. Г. Чернышевский. Чернышевский назначение искусства видел в воспроизведении природы и жизни, в объяснении жизни, в произнесении своего приговора над изображаемыми явлениями. Задача искусства, как он полагал, состоит в том, чтобы «быть для человека учебником жизни»⁴.

Выдающийся русский революционный демократ правильно определил цель искусства. По его мнению, искусство — это воспроизведение действительности, т. е. средство познания мира, в том числе специфическое, художественное познание природы и жизни. Искусство — это объяснение жизни, средство расширения познавательной способности человека. Художник, отображая действительность жизни, произносит приговор от имени своей совести, во имя интереса народа всему тому, с чем он внутренне не согласен, что мешает общественному прогрессу. Искусство является для людей учебником жизни, т. е. оно помогает жить и творить, действовать и бороться за высокие идеалы.

Известный русский критик Д. Писарев по-своему своеобразно подошел к раскрытию сущности искусства и поэзии. Он не видел особого различия между ремеслом и художественным творчеством. На его взгляд, поэтом можно стать точно так же, как адвокатом, профессором, публицистом, сапожником или часовщиком.

По утверждению Д. Писарева, балет, музыка, живопись, скульптура, архитектура, в основе которых лежит чувство, уже в силу своей иррациональности не могут содействовать «умственному совершенствованию человечества», не могут служить «орудием реализма», а потому бесполезны. Более того, в обществе, где властвуют голод и нищета, они безразличны. Другое дело — литература. Литература может учить людей правильно мыслить. Ее лучшие представители рисуют «те стороны человеческой жизни, которые нам необходимо узнать для того, чтобы основательно размышлять и действовать»¹.

Как видно, Д. Писарев особо отделяет литературу от других видов искусства, несколько умаляя их роль, но в то же время верно рассуждает о назначении литературы как активной эмоциональной силы, способствующей размышлению и действию.

Назначение искусства четко определил и Н. А. Некрасов. Он называл свою музу музой «мести и печали»:

Иди в огонь за честь Отчизны,
За убеждения, за любовь...
Иди и гибни безупречно
Умремь недаром, дело прочно,
Когда под ним струится кровь...
Будь гражданином! Служа искусству,

¹ Л. Толстой. О литературе. М., 1955, стр. 484.

² В. Г. Белинский. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 1, М., 1976, стр. 58—59.

³ Н. Г. Чернышевский. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4, М., стр. 93.

⁴ Там же, стр. 115.

¹ См. Ф. Кузнецов. Живой источник. М., 1977, стр. 304.

Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей любви¹.

Поэт-гражданин, верный сын отечества Н. А Некрасов писал, что «нет науки для науки, нет искусства для искусства — все они существуют для общества, для обогащения, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни»².

Итак, мы привели, как представляется, достаточный выдержек из произведений выдающихся представителей прогрессивной русской эстетической мысли, имевших определенное влияние на формирование мировоззрения Абая Кунанбаева. Однако Абай, вырабатывая свои эстетические идеалы, не только испытывал благотворное воздействие демократической русской культуры, но и критически переработал и творчески развил все то, что было создано до него на местной почве.

Немало художников, ученых-мыслителей породила казахская земля. Согласно исследованиям ученых Казахстана последних лет, в XII—XIII веках на его территории были созданы поэтические творения, воспевающие образ жизни степняков и их религиозные верования. Прав был В. Г. Белинский, когда писал о том, что «сознание всех младенствующих народов прежде всего выражается в поэзии, и поэтому каждый народ и каждое племя непременно имеет свою поэзию, на какой бы низкой ступени цивилизации и образования ни стояли они. Отсюда не исключаются ни кочевники Средней Азии, ни дикари океанийские. Народ или племя может не знать искусства писания, но не может не иметь поэзии»³.

Много было поэтов, сказителей, акынов и импровизаторов на казахской земле до Абая. Они внесли определенный вклад в развитие художественной культуры казахского народа, в становление казахской поэзии. Но большинство из них не понимало истинной сущности духовной культуры или же неверно представляло себе общественную роль поэзии. Отрицая или не до конца понимая общественное назначение духовной культуры, они сводили его к служению аллаху, к проповеди религиоз-

ной мистики, восхвалению ханов и их прислужников. Цель и обязанность поэта заключались, по их представлению, в том, чтобы развлечь аристократов-баев, ханов и их прислужников, скучающих от безделья и роскоши. Хорошими поэтами считались дворцовые поэты, сочиняющие стихи о мнимых заслугах казахских ханов-баев.

Произведения таких поэтов, как ходжа Ахмед Ясави (1094—1167), Сулеймен Бақыргани (1121—1186), Насриддин Рабугази (жил в XIII веке) и других, представляли собой литературные памятники XII—XIII веков и в основном несут религиозный характер. Свой поэтический дар они подчиняли утверждению религиозных идей, призывали к служению аллаху и покорности судьбе, отказу от жизненных благополучий в расчете на райскую жизнь в загробном мире. Тем самым эти поэты пропагандировали софистику, религиозную мистику. Их произведения отвлекали людей от активной жизненной деятельности, обещая им счастливую жизнь в раю. Служа интересам эксплуататорского класса и ислама, задачу поэзии они видели лишь в укреплении позиции религии в казахской степи, в воспитании людей в духе преданности учению Мухаммеда — «посланника аллаха» на Земле.

Но, безусловно, нельзя утверждать, что сплошь все представители духовной культуры до Абая в Казахстане были прислужниками религии и правящей верхушки. История казахского народа сохранила немало имен творческих личностей, связавших свою судьбу с думами и мечтами трудящихся масс, с интересами своего народа. Мудрый Коркыт, Асан-печальник, Казтуган, Шалкииз, Бухар-жирар, Калкаманулы и другие поэты-импровизаторы старались отразить в своем творчестве настроение и думы народа, бичевали несправедливость, но, в силу ограниченности мировоззрения, не пошли дальше созерцательности и выражения сочувствия к бедам трудящихся масс. Видя социальную несправедливость и не представляя, в чем же заключаются причины бед, не находя выхода из тупика, они зачастую погружались в грустные раздумья, пессимизм, религиозную мистику. Профессор Х. Суюншалиев отмечает, что литературные памятники IX—XII веков, наполненные средневековой религиозной схоластикой, не канули бесследно в прошлое, нашли отражение в культуре последующих эпох.

«Произведение ходжи Ахмеда Ясави «Хикметы» име-

¹ Н. А. Некрасов. Стихотворения и поэмы. М., 1971, стр. 139.

² История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли, т. 4. М., стр. 354.

³ В. Г. Белинский. Собр. соч. в 3-х томах, т. 2. М., 1948, стр. 85—87.

ло определенное влияние на казахских поэтов и акынов XIX века, — пишет Х. Суюншалиев, — например, Майлыходжа, Мадели Ходжа, Майкот, Шортанбай, Мурат, Аубакир и ряд других поэтов, подражая ходжи Ахмеду Ясави, вступили на путь мистики проповедовали загробную жизнь. Распространение получили проповеди ходжи и суфизма. Среди сторонников проповеди загробной жизни и мистики нашлись люди, не только подражающие «Хикметам» ходжи Ахмеда Ясави по идейному содержанию, но и в выборе художественной формы стихосложения»¹.

Поэт-бунтарь Махамбет Утемисов (1804—1846), живший в первой половине XIX века, впервые в казахской литературе положил начало бунтарской поэзии, поэзии борьбы против социальной несправедливости. Будучи боевым другом предводителя народного восстания против казахских феодалов Исатая Тайманова, он влился в ряды народа, поднявшегося против эксплуататоров — ханов и баев. Боролся он и мечом, и пером. Назначение своей поэзии Махамбет видел в уничтожении ханов — эксплуататоров.

Хан Жангир, желая использовать авторитет поэта в своих корыстных целях, хотел сделать Махамбета дворянским поэтом. Но тот категорически отказался от униженной для него миссии поэта-лизоблода. Разъяренный отказом хан стал преследовать Махамбета, и поэт погибает жертвой ханских козней.

Стихотворения Махамбета «Не оседлав коня натошак», «Что толку», «Камышовые озера», «Исатаю», «На коней» и другие полны непримиримости к бедственным условиям жизни народа, они призывали народ ханов и тому подобных «биев толстобрюхих — безглавить»². Вся жизнь поэта и его поэзия насыщены духом борьбы за светлые идеалы грядущего. Он не теряет бодрости духа и веры в будущее даже в те дни, когда восстание под предводительством казахского батыра Исатая жестоко подавляется местными властями с помощью оружия царской России. Девиз его жизни был:

Сын отчины — за ярость ночей,
За скрежение пик и мечей³.

Гражданский долг каждого, по мнению поэта, заключается в борьбе за свободу человека:

Разве дождешься пользы какой,
Если он в руки меч не возьмет,
Если по следу отцов не пойдет?

Он ненавидел ханов, биев, ведущих праздный образ жизни. Какой от них толк, объявляет Махамбет, — «если для немощных и бедняков нет справедливости, правды у них!» С нескрываемой ненавистью обращается Махамбет к султану Баймагамбету:

Ты — мой враг, и много поколений
Друг за другом мы следим с тобою.
Ты — потомок ханов белокостных,
Я тебя извечно ненавижу.
Враг заклятый другом стать не может,
Из поля не сделаешь халата...
Ты, султан Баймагамбет почтенный,
Мне один бы на один попался... —
Прикусив, тебя бы проглотил я!
Подавиться не боюсь костями!

Махамбет, поэтизируя подвиг и бесстрашие Исатая Тайманова, считал его жизнь образцом героизма, личной отваги, преданности своему народу:

Родного народа права
Расстопаны ханом жестоким.
Но клятва — не просто слова,
И в сердце надежда жива...
«Скачи по степям, Исатай,
И снова народ поднимай»².

Такой наказ дает поэт своему боевому другу в дни, когда жестокий хан топил в крови народное восстание:

Пусть каждый, джигиты, батыром умрет, —
Запомнит могилу его народ³.

Бунтарское творчество Махамбета Утемисова стало одной из вершин романтической поэзии до Абая. Оно было направлено своим острием против эксплуататорского класса, отстаивало интересы крестьян-бедняков, борющихся за социальную справедливость и счастливую жизнь.

Современники Абая — поэты Шортанбай и Дулат, верно понимавшие суть и назначение поэзии и ставшие

¹ Х. Суюншалиев. Литературные памятники IX—XII веков. Алма-Ата, 1977, стр. 88 (на каз. яз.).

² Антология казахской поэзии. М., 1958, стр. 127.

³ Там же, стр. 129.

¹ Антология казахской поэзии. М., 1958, стр. 126, 127.

² Там же, стр. 129.

³ Там же, стр. 126.

идеологами реакционного направления в поэтическом творчестве, всячески восхваляли жизнь ханов и феодалов, религиозную мораль. Они отстаивали консервативное прошлое, не чувствовали новых веяний в общественной жизни, всячески препятствовали прогрессу, проповедовали религиозную мистику, воспевали мнимую социальную гармонию, якобы господствующую в старом казахском ауле. Всячески стараясь подчинить содержание и идейность поэзии интересам привилегированного класса и исламской религии, они, отвлекая внимание масс от жизненных проблем разговорами о потустороннем райском мире, призывали народ выполнять религиозные обряды, наставления Корана.

В противовес этим идеологам пессимизма Абай выступал сторонником гражданской поэзии. Он впервые в казахской степи правильно понял и оценил эстетические принципы относительно предназначения поэзии и вообще духовной культуры в жизни народа, выражая свои мысли по этому поводу в поэтических образах:

Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумками наполняю стих.
Для чутких слухом, сердцем и душой.
Для молодых я свой слагаю стих.
Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
Поймет, что в каждый я влагаю стих¹.

В этих строках четко изложена позиция Абая о назначении и цели поэзии. Не для забавы и не для развлечения ханов и феодалов слагал он стихи. Его поэзия служила воспитанию людей, особенно молодежи.

Абай Кунанбаев верно трактовал отношение поэзии к действительности, знал, кому предназначаются его духовные наставления. Поэтическое творчество он не считал продуктом абстрактной фантазии и выдумки, потому и писал: «Не выдумками наполню стих»². Как справедливо в свое время отмечал В. Г. Белинский, «содержание дает поэту жизнь его народа»³. Абай идеи и мысли для своей поэзии брал именно из конкретной жизни народа.

Содержание всех его стихов составляет кипучая, противоречивая, многострадальная жизнь казахских аулов XIX века, полная социальной борьбы и несправедливости. Поэт стремился реалистически отразить окружающую его

общественную среду, жизнь своих современников. Он высмеивает волостных управителей, правдиво описывает кочевой образ жизни казахов-скотоводов, показывая их связь с природой, меняющейся в разные времена года:

Мастерство и правда — в этом цель певца,
Чтоб раскрыть не только око, но сердца,
Дать примеры юным, просветить невежд.
Даже нет и в мыслях забавлять глупца!

Так определяет цель поэзии и поэта Абай Кунанбаев. И всю свою жизнь он придерживается этих поэтических принципов, никогда не отходит и не отступает от них, всегда остается верным своему идеалу — служению народу.

Абай выступал за высокое идейное содержание поэзии, требовал от нее глубины отражения жизни. Он подвергал острой критике легковесных поэтов, называл их глупцами:

Иных певцов глупцами нахожу —
Из мусора стихи они слагали⁴.

Абай ясно сознавал, что подлинная поэзия невозможна без общественно значимого содержания и глубоких идей. Без этого, как считал Абай, поэзия не достигнет истины, не отразит реальной жизни.

В творчестве Абая можно найти и верные представления о самой природе поэзии. По утверждению поэта, духовная культура, искусство, поэзия не должны быть результатом прихоти отдельных людей, забавой для утешения каприза праздных аристократов, игрой, выдумкой отдельных одаренных людей. Искусство и поэзия, по его мнению, заключаются в истинном, объективном отражении самой действительности, пропущенной через сознание художника.

Поэзия является субъективным отражением реально мира, прошедшим через сознание мастера художественного слова. Поэзия производна от материи и высшей ее формы — мозга человека. Она должна служить народу, всегда и всюду сопровождая человека:

Если умер близкий — скорбен человек.
Сердце злой утратой ранено навеки.
Почему ж он в песню облекает боль,
Жемчуг слез роняя с улаженных век?
Жениха ль встречают, правят брачный той

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 107.

² Там же, стр. 107.

³ В. Белинский. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 3. М., 1948, стр. 44.

⁴ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 83.

⁵ Там же, стр. 79.

Или по аулам ходят с молодой!...
Не цвести без песни радости земной!
Родился младенец — пир, пилдахаана,
И ночами песня звонкая слышна.
Вспомни, что стихами изъяснялся бий,—
В песне мудрость предков нам сохранена!

Абай пишет, что без песни невозможны ритуалы, праздники и обряды. Поэзия необходима людям, как воздух и вода.

В. Белинский в своих статьях «Разделение поэзии на роды и виды», «Идея искусства», «Общее значение слова литература», написанных в 1841 году, рассматривая проблемы поэзии и говоря о ее назначении, отмечает: «Поэзия есть высший род искусства», «Поэзия представляет собою всю целостность искусства, всю его организацию», «Искусство есть непосредственное созерцание истины или мышление в образах», «Литература есть последнее и высшее выражение мысли народа, проявляющейся в слове». В поэте В. Белинский видел как бы «любимое дитя, счастливого баловня пристрастной матери-природы, дитя испорченное, шаловливое, капризное, часто злое даже, но тем больше очаровательное и милое»².

Отношение Абая к художественному слову, его мысли о поэзии удивительно совпадают по содержанию с высказываниями Белинского. Абай писал:

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота сравнений³.

Абай всегда отстаивал высокий идейный уровень поэзии, полное соответствие содержания художественной форме. Единство содержания и художественной формы — поэтический идеал Абая Кунанбаева:

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранныка венчают славою,
Того, чей мысли золотой дано
Влиять стиха серебряной оправой⁴.

Единство содержания и формы отличают каждое его произведение. Он ратует не только лишь за внешнюю красоту своих стихов, не только за соответствующее офор-

мление поэтических творений, но старается, как об этом говорил еще Н. А. Некрасов, «чтобы словам было тесно, мыслям просторно»¹.

Стих — узор словесный, стих — что кружева,
Пригнанные тесно, в нем пьют слова.
Если слово звучно, если мысль верна,—
Не отвергнуть песни, песня век жива!²

Ценность поэзии, ее жизненность и долговечность зависят от высокого идейного содержания, глубины мысли, отточенности и отшлифованности художественной формы. Когда глубокое содержание соответствует достойному художественному оформлению, тогда поэзия сильна, она и «век жива». Тех, кто не придерживался такого единства, Абай высмеивал, не считал истинными художниками слова:

Шортанбай, Бухар-жыру и Дулат...
Песни их — обноски из сплюснутых заплат.
О, когда б нашлось хоть один знаток,—
Вмиг языки б эти обнаружил взгляд!³

Эти поэты в свои стихи вкладывали религиозное содержание, печально скорбя по необратимым временам, когда-де казахи жили, не нарушая святых законов шариата, корана. Такие стихи не могли, конечно, вселять в народ надежду в светлое будущее и не находили среди него особенно много поклонников. «Когда талантливый художник вдохновляется ошибочной идеей,— подчеркивал еще Г. В. Плеханов,— тогда он портит свое собственное сочинение»⁴. «Ложная идея не может не вредить художественному произведению»⁵.

Абай не соглашался с эстетическими принципами, отстаиваемыми в творчестве его современников поэтов Шортанбая, Бухара, Дулата. Он категорически отрицал ценность поэтических произведений, создатели которых были выразителями интересов феодальных сословий казахского общества, восхваляли ханов, биев, жестоко эксплуатирующих трудовой народ.

Предаваясь скорби, глубокой мистике, идеализируя прошлое, эти поэты не понимали и не хотели восприни-

¹ Н. А. Некрасов. Собр. соч. и писем. т. II, М., стр. 439.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 82.

³ Там же, стр. 83.

⁴ Г. Плеханов. Письма без адреса. Искусство и общественная жизнь. М., 1956, стр. 202.

⁵ Там же, стр. 201.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 82.

² В. Белинский. Собр. соч. в 3-томах. т. 2, М., 1948, стр. 5, 6, 67, 87, 68.

³ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 79.

⁴ Там же, стр. 79.

мать тех позитивных изменений в общественном укладе жизни казахов, что произошли после добровольного вхождения Казахстана в состав России. Они не старались вникнуть в прогрессивную сущность этого явления, напротив впадали в пессимизм, в тоску по безвозвратно ушедшим временам, когда якобы были почитаемы национальные традиции, обряды и адат. В своих произведениях они утверждали, что в связи с приходом в казахские степи русских, казахский народ теряет свою национальную самостоятельность. Будущее народа, по их представлениям, чревато гибелью, утратой его национальных особенностей и достоинств. Стихи их были полны слезливости, упаднического духа и унылых мотивов. Лишенные истинного гуманного содержания и высокого человеческого идеала, произведения этих поэтов не представляли для Абая никакой художественной ценности, и он подвергал их острой критике.

Абай не смотрел на поэзию, как на средство существования или же обогащения, получения вознаграждения, почестей. Призвание поэта он видел в служении народу. И потому выступал против тех, кто в искусстве видел источник корысти, наживы и славы. Отрицая утилитарный подход к поэзии, Абай превыше всего ставил ее общественное назначение:

В толпе с кобызом пели, с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам.
Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые богом.
Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, тема встречных лестью,
На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Абай возмущался тем, что такие горе-поэты подрывают авторитет поэзии, ее общественную значимость.

Он шел туда, где бай, и где хвастун,
Но подавльем не менял удела,
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях оскудела¹.

Абай обращается к такого рода поэтам:

Не проси за песню денег и награды:
Ты ж, пропевши песню, не понес утраты!
Продающих песню дальние обходы —
Песню пой пред теми, кто ей сердцем рад².

Абай, творя для трудовых масс, вкладывая в поэзию всю свою душу и чувства, высоко поднял значение поэзии в жизни народа. Он, как пишет М. Ауэзов, «первый утвердил в казахской поэзии высокое общественное призвание поэта»¹. Абай не для забавы слагал стихи, а старался принести пользу народу, словом и пером боролся за интересы обездоленного люда.

Поэт знал определенно, что он хотел сказать народу своими стихами. «Наконец, решил: возьму в спутники бумагу и чернила и стану записывать все свои мысли. Может быть, кому-то придется по душе какое-нибудь мое слово, и он перепишет его для себя или просто запомнит...»² Он обращается к своему народу с убедительной просьбой взглянуть глубже в его душу и стараться познать сущность его поэзии. «Песня болтлива»³, — замечает Абай. Она расскажет народу обо всем, что творится в душе поэта. Он знал цену своих творений:

Я много мудрых слов сказал до этих пор,
С печалью устремляя я в будущее взор.
И думал: умные проникнуты стыдом
И будут честно жить, народу не в укор⁴.

Абай, раскрывая смысл и назначение своей поэзии и будучи озабочен тем, что читатели-казахи по своему культурному уровню далеко отстоят от читателей образованных стран, обращается к ним с призывом:

О, не упорствуй так, народ упрямый мой,
Речей моих пойми, подумав, смысл праймой.
Внимая мне, скажи, кто потерял ты храм?
Не для забавы здесь я говорю пустой⁵.

Абай впервые в казахской литературе приблизил художественное слово к действительности, к человеческой жизни. Верно отражая думы и чаяния народа, Абай сумел добиться единства формы и поэтического содержания, он сделал поэзию близкой и понятной для трудовых масс благодаря тому, что смог выразить их сокровенные идеи и мечты в лаконичных и емких поэтических строках. «Слово стало доступным, и ты, слушатель, будь внимательным, добрым», — обращается поэт к своему народу.

¹ М. Ауэзов. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961, стр. 161.

² Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 7.

³ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 227.

⁴ Там же, стр. 179.

⁵ Там же.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 79 — 80.

² Там же, стр. 83.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай! —

пишет поэт. Порой Абая не всегда понимали, ибо народу трудно было порвать с теми устоями и традициями степи, против которых выступал поэт. Будучи свидетелем невежества и других негативных явлений казахского аула, поэт часто прибегал к словам назидания:

Поддержки не найдя, я отбивался сам,
Когда глупцы со мной вступали в пререканья,
И были умники глухи к моим словам,
Храня, как водится, упорное молчанье.
...О язык мой, о пыл стихов,
Непонятен ты для глупцов!¹

Абай, борясь за интересы народа, близко принимал к сердцу каждый опротивевший поступок соплеменников, переживая все их горести и беды. «Как кляча, я устал»², — признавался в одном из своих стихов Абай.

И страшно мне на них остановить свой взгляд:
Как одержимые, они проходят мимо,
То заартачатся, то пятаются назад,
И мысль их для меня вовек неуловима.
То соглашаются, то отступают в тень,
То петушатся вновь, пустую спесь удвоя...
Нет больше сил моих, за днем уходит день,
И хочется душе последнего покоя!³

И все же ничто не могло заставить Абая сойти с избранного им пути служения народу своей поэзией, даже пороку хладнокровное отношение слушателей к призывам поэта.

Всем пресытиться может душа,
Только песня всегда хороша.
Если вдохновенно поешь,—
Грудь ликует, свободно дыша!⁴

Поэзия для Абая — это стихия, овладевшая душой поэта. Он не может не писать стихов, его ничто не в силах остановить на пути творчества. Абай предан своему призванию народного певца-наставника:

Голос мой, заливайся и пой,
Гордых дум пусть закружится рои.

Пусть текут мои слезы ручьем,
Душу всю заполняют собой!⁵

Поэт всегда старался донести «смысл мечтаний» своих до сознания народа. «И умру я, оставив стихи,— пишет Абай,— лишь для тех, кто поймет их потом»².

Абай никогда не терял надежды на то, что его потомки когда-нибудь поймут правомерность всего, к чему он их призывал:

Кто несчастней меня живет?
Пусть услышит меня народ.
Кому нужно слово мое —
Тот его пускай и возьмет!³

Абай знал цену художественному слову. Истинная поэзия, по его мысли, представляет большую силу и несет в себе иногда медленно действующий, но всегда существенный идейный заряд. Абай знал и верил, что его поэтический труд не пропадет зря.

Не безынтересна мысль представителя эстетики американского романтизма Д. Р. Лоуэлла (1819—1891) о большой притягательной силе и ценности художественного слова. Лоуэлл писал, что «историки могут сколько угодно выправлять спину Ричарда III — им не удалить горба, которым его наградила Шекспир»⁴.

Поэт Абай Кунанбаев не только писал стихи, но и сам перекладывал их на музыку. Он создал мелодии ко многим своим стихам. Его песни пелись по всей казахской степи, став достоянием широких масс. Без песен Абая не обходились свадьбы и праздничные обряды.

Абай всегда волновала проблема художественного восприятия, совершенствования эстетической культуры, воспитания художественного вкуса слушателей. Этим вопросам он посвятил ряд своих произведений, таких, как: «Птицы-песни во всех направлениях летят», «Грубый крик, рев осла», «Красивою песней под струнный звон», «Всем пресытиться может душа», «Ты, домбра, сильнее грань», в которых затрагиваются проблемы воспитания художественного вкуса слушателей.

Абай, сам будучи хорошим музыкантом и исполнителем, близко зналась со многими творческими людьми, организовывал различные состязания, воспитывал и на-

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 80.

² Там же, стр. 149.

³ Там же, стр. 225.

⁴ Там же, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 130.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 130.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Эстетика американского романтизма. М., 1977, стр. 413.

правлял таланты молодых, способствовал раскрытию их дарований, становлению начинающих на самостоятельный творческий путь. Он встречался с выдающимся певцом и поэтом Виржаном, старым слепым певцом-казителем Шоже и другими одаренными людьми своего времени, глубоко уважал их талант.

Красивою песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песня меня забирает в полон.
Как я, люби их от всей души!¹

Поэт любил песню, учил народ отличать хорошую песню от различных пустых подражаний:

Грубый крик, рев осла,—
Лишь одна досада нам.
Лгать и хватать без числа —
Разве в том награда нам?²

Абай всегда четко разграничивал истинное искусство от подделок и дешевых.

Только пенью не всякому сила дана,
И бывает, что музыка чувств лишена³,—

подчеркивал Абай.

Вместе с тем Абай правильно подмечал: чтобы отличить хорошее от плохого, истинное искусство от лобрякушек, необходимо быть художественно воспитанным человеком. В свое время, как известно, эта мысль была подчеркнута К. Марксом: «...если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком»⁴. «Только музыка,— утверждал К. Маркс,— пробуждает музыкальное чувство человека, для немусыкального уха самая прекрасная музыка лишена смысла, она для него не является предметом»⁵. Абай средствами поэзии говорит об этом следующим образом:

Песня, ввысь устремленная, льется струей,
Улекая могучей своей красотой
Беспокойное сердце и жаждающий ум.
Но се не поймет тугоухий, глухой!⁶

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 223.

² Там же, стр. 219.

³ Там же, стр. 206.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 620.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве. В 2-х томах, т. I, стр. 127.

⁶ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 206.

Обобщая мысли Абая Кунанбаева о назначении поэзии и поэта, можно сказать, что он правильно представлял происхождение самого художественного искусства, в частности,— поэзии как субъективного отражения реальной жизни в сознании художника, как результата творческого труда человека, а не вымышленного продукта абстрактной фантазии отдельных личностей, якобы наделенных божественным даром. Его понимание роли, назначения поэзии и поэта во многом совпадает со взглядами В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова и других русских прогрессивных революционных демократов XIX века. В казахской литературе Абай первым заговорил об общественном призвании поэзии и художника. Назначение поэта он видел в служении делу народа, в нравственном воспитании людей.

Абай многое сделал и в области формирования казахского литературного языка. Он освободил этот язык от жаргона религиозной мистики, от влияния традиций восточно-шаманского лексикона. Развивая национальный литературный язык, он стремился тем самым к углубленному выражению дум и чаяний своего народа.

Об Абее можно сказать словами В. Белинского, что он «вполне национальный поэт, заключивший в духе своем все национальные элементы»¹. Мысль В. Белинского о значении поэзии Пушкина для русской литературы можно применить и относительно поэзии Абая и его роли в духовном развитии казахского народа. «Ни один поэт,— писал В. Белинский,— не имел на русскую литературу такого многостороннего, сильного и плодотворного влияния. Пушкин... расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдружил ее впервые с русской жизнью и русскою современностью, обогатил идеями, пересоздал язык до такой степени, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотели писать»². Так и великий казахский поэт Абай Кунанбаев сыграл огромную роль в развитии литературы и искусства казахского народа. Это была титаническая личность, влияние которой испытал на себе все виды национального искусства, вся национальная культура.

¹ В. Белинский. Собр. соч. в 3-х томах, т. 2. М., 1948, стр. 160.

² Там же, стр. 161.

2. ПРОБЛЕМА ПРЕКРАСНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ АБАЯ

В поэзии и прозе Абая находит яркое воплощение эстетическое отношение поэта к действительности, восприятие им прекрасного в жизни, утверждение возвышенного, отрицание безобразного и низменного.

В творчестве Абая Кунанбаева проблема прекрасного занимает центральное место. Как известно, само происхождение эстетической науки тесно связано с понятием прекрасного, со стремлением объяснить сущность, критерии, происхождение и назначение красоты.

В истории философии содержание предмета эстетики, как учения о прекрасном, и само понятие прекрасного, красоты были и остаются объектами острой дискуссии, идейно-теоретической борьбы между материалистами и идеалистами. Идеалисты отрываю красоту от ее реально-объективной основы, материального содержания, видя в прекрасном нечто мистическое, непостижимое, чисто духовное, существующее лишь в человеческом воображении. Например, античный философ Плотин говорил: «Не материя источник прекрасного. Источником прекрасного может служить только душа»¹. А деятель эпохи Возрождения М. Фичино красоту объясняет как дар божий, плод духовный. Один лик божий, по мысли Фичино, сияет в трех по порядку расположенных зеркалах: в ангеле, в душе, в теле мира. Отражение лика божия в этих трех зеркалах, по его мнению, составляет красоту.

Известно, что эстетические воззрения Гегеля были высоко оценены К. Марксом и Ф. Энгельсом, как вершина буржуазной эстетической мысли, передающей картину всемирного развития художественного сознания человечества. Но сама эстетика в целом была для Гегеля лишь этапом саморазвития духа. Эстетика, как считал Гегель, образует в этом процессе развития низшую ступень «абсолютного духа», она есть «абсолютный дух» в стадии созерцания. Эстетика Гегеля исходила из его идеалистического учения об «абсолютном духе». Задачу искусства он в конечном счете сводил к этому учению, т. е. к служению «абсолютной идее». Подлинную задачу искусства он видел в осознании высших интересов духа. Представление Гегеля о прекрасном также вытекает из его идеали-

стического учения. По его мнению, искусство берет свое начало из самой абсолютной идеи.

Гегель объяснял прекрасное в искусстве, как изображение абсолютного. Всеобщая идея прекрасного в искусстве, по Гегелю, составляет идеал субъекта. Прекрасное в искусстве — это идея. А идея — это есть оформленная конкретная действительность. Гегель не отрицал субъективности прекрасного в природе. Но он объяснял это лишь отражением красоты, принадлежащей духу.

В противовес идеалистической эстетике, материалисты видели источник красоты в объективном свойстве природы, предмете, дающем человеку «необходимое удовольствие», либо считали красивым все то, «что нравится зрению, слуху, или осязанию». Считая содержанием прекрасного объективную действительность, многие мыслители прошлого красоту отождествляли с соразмерностью, гармонией всех частей предмета, хорошей пропорциональностью его различных сторон, или с упорядоченным созвучием и соединением их. Крупнейший теоретик искусства Лессинг, поставив вопрос о народности искусства, стремясь выявить сущность нравственной красоты, красоты поступков, называл прекрасным не того человека, который стойчески переносит страдания, а того, кто протестует, сражается и побеждает.

Разработка материалистической теории о прекрасном принадлежит великому русскому революционному демократу и критику Н. Г. Чернышевскому. В своем трактате «Эстетическое отношение искусства к действительности» он оспаривал гегелевскую мысль о прекрасном и высказал свое собственное суждение по этому вопросу.

По мнению Н. Г. Чернышевского, гегелевское определение прекрасного не выдерживает критики, будучи взято вне связи с системой его метафизики, которая является во многом ошибочной. Указывая на недостаточность и необоснованность определения сущности прекрасного немецким философом, Н. Г. Чернышевский предлагает такое определение: «Прекрасное есть жизнь». Прекрасным существом кажется человеку то существо, в котором он видит жизнь, прекрасный предмет тот предмет, который напоминает ему о жизни.¹

В своем трактате Н. Г. Чернышевский обращает вни-

¹ Цит по: В. Татаркевич. Античная эстетика. М., 1977, стр. 303.

¹ Н. Чернышевский. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4. М., 1974, стр. 116.

мание на то, что прекрасное — это единство идеи и формы. Он считает, что прекрасное в объективной действительности вполне прекрасно, если оно совершенно удовлетворяет человека. Он отрицает мысль о том, что искусство существует для того, чтобы восполнить недостатки прекрасного в действительности»¹.

Н. Г. Чернышевский признавал присутствие объективно прекрасного в действительности. Он отрицал гегелевскую мысль о том, что прекрасное в действительности только призрак, вносимый в нее нашей фантазией, что в действительности истинно прекрасного якобы нет. Н. Г. Чернышевский подошел к критериям прекрасного исторически. Понятие прекрасного, по его мнению, находится в диалектическом развитии. «Если бы красота в действительности, — писал Н. Г. Чернышевский, — была неподвижна и неизменна, «бессмертна», как того требуют эстетики, она бы надоела, опротивела бы нам. Живой человек не любит неподвижного в жизни»².

Позднее суждения Чернышевского о прекрасном были подвергнуты критике отдельными исследователями, в том числе Д. И. Писаревым. В мартовской книге «Современника» за 1865 год появилась статья М. Антоновича «Современная эстетическая теория», в которой он защищал эстетику Н. Г. Чернышевского. В апрельской книге «Русского слова» выступил В. Зайцев, а в майской книге со статьей «Разрушение эстетики» Д. И. Писарев. Они подвергли сомнению саму эстетику как науку. Д. И. Писарев охарактеризовал определения Н. Г. Чернышевского о прекрасном как какую-то смутную вещь, как неконкретную, расплывчатую идею. «Эстетика, или наука о прекрасном, — писал Д. Писарев, — имеет разумное право существовать только в том случае, если прекрасное имеет какое-то самостоятельное значение, независимое от бесконечного разнообразия личных вкусов»³.

Д. И. Писарев понятие прекрасного смешивал с субъективными представлениями о вкусах, которые действительно отрицают объективное существование самой красоты и потому ставят под сомнение существование самостоятельной науки о прекрасном. Но такое представление о красоте не имеет ничего общего с пониманием

Н. Г. Чернышевского, который не только подчеркивал диалектическое развитие понятия красоты, но и признавал ее объективное реальное содержание.

Последовательно научное объяснение природы прекрасного дали лишь классики марксизма-ленинизма. К. Маркс и Ф. Энгельс указали, что красота объективно существует в мире и познается человеком. «Человек формирует материю также и по законам красоты»¹.

Несмотря на свою занятость, находил время заниматься вопросами литературы и искусства В. И. Ленин. По воспоминаниям А. В. Луначарского, «он не любил высказываться об искусстве», хотя «вкусы его были очень определенны. Он любил русских классиков, любил реализм в литературе, в живописи и т. д.»². Бессмертные произведения В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», статьи о Толстом, Горьком, «Материализм и эмпириокритицизм» и другие работы являлись программными документами в области культуры и искусства.

Наука об искусстве, как учение о прекрасном и красоте, возникла таким образом не в один день. Она прошла длительный и сложный путь развития, борьбы. Каждая эпоха, каждый народ вносили свою лепту в познание прекрасного, в эстетическое освоение мира. И у великого мыслителя казахского народа Абая можно найти немало интересных и верных суждений о природе прекрасного, о красоте природы, человеческого мира, творческого труда и искусства.

Как следует из творчества Абая, он, во-первых, признает объективное существование прекрасного в жизни, во-вторых, допускает мысль о том, что прекрасное в жизни познаваемо. Человек, обладающий хотя бы элементарным художественным вкусом, познает красоту и наслаждается ею. В понимании Абая прекрасное в жизни — это вовсе не нечто божественное, предопределенное или предсказанное небесным творцом в виде порождений человеческой фантазии и воображения.

Великий казахский поэт видел прекрасное в природе и в общественной жизни, высоко ценил красоту человеческой души и любования ею. К искусству он относился

¹ Н. Чернышевский. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4. М., 1974, стр. 117.

² Там же, стр. 53.

³ Цит. по: Ю. Коротков. Писарев, М., 1976, стр. 294.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 566.

² А. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 7. М., 1967, стр. 401.

как к высшему проявлению эстетического отношения человека к действительности. Искусство для него — великое творение человеческого ума, творческое его деяние.

Абай не дал прямого определения понятий прекрасного, красоты. Но его рассуждения по этому вопросу дают нам основание считать, что прекрасное, по мысли Абая, имеет своим источником материальный мир, существующий независимо от нашего сознания. Но в этом вопросе Абай придерживался деистических взглядов на мир. Например, в Двадцать седьмом слове моралистических наизиданий, переданном в форме беседы древнегреческих мыслителей (Сократа и Аристотеля), утверждаясь, что зрение было дано человеку первосоздателем для того, чтобы мы видели все вокруг. «Если не было бы зрения, то не смогли бы люди получать удовольствие от красоты мира. Не было бы слуха, не знали бы различных голосов, не получали бы удовольствия от красивых звуков и мелодий», — писал Абай. А вот как описывает Абай женскую красоту:

Белый лоб — серебро, чей тонок чекан,
Он глазами лучистыми осиял.
Тонко вычерчен двух бровей полукруг.
Облик юной луны красавице дан.
Нос ее — словно выгочен на лице,
Кто расскажет, как цвет ее щек румян!
Ожерельем жемчужных ее зубов
Я люблюсь, от жгучих желаний пьян.
Смех журчащий ее — как дробь соловья,
В мудрой речи ее не гостит обман!.

Для Абая красота немислима вне природы. Ее можно понимать только через вещи, предметы (серебро, луч солнца, луна, жемчуг, цвет) реального мира, которые сами по себе являются проявлениями красоты. Далее поэт любит белизну красивой шеи, грудь девушки, похожей на созревшие плоды, ее косами, напоминающими волнистый шелк, он восхищается гладкими пальцами, локтями в шитве и т. д.

Таким образом, характеризуя важнейшие черты женской красоты, Абай неизменно прибегает к сравнению ее с явлениями природы, имеющими для человека жизненно важное значение. При этом следует отметить, что абаявские представления о красоте женщины весьма созвучны с пушкинским описанием красоты Марии из

поэмы «Полтава». Это свидетельствует о близости эстетических воззрений двух великих поэтов-казахского и русского народов.

Данные примеры приводятся лишь для того, чтобы показать философскую сущность взглядов Абая на эстетическое, подчеркнуть, что казахский мыслитель в данном вопросе стоял на материалистических позициях, прогрессивных для своего времени. Всестороннее рассмотрение Абаем проблемы прекрасного, содержания понятия красоты, в том числе человеческой красоты, ее социально-нравственных аспектов, все идеи и мысли Абая о прекрасном наиболее полно реализуются в художественной ткани его поэзии и прозы. Отношение поэта к красоте природы особенно явно прослеживается в его стихах о природе, в которых прекрасные ее картины воссоздаются как отражения душевных порывов поэта, являя собою яркий фон для выражения его мыслей и чувств.

В познании и оценке истинной красоты природы Абай всегда был последователен. Он замечал красоту окружающего мира, не ставя существование красоты в зависимость от божественных чудес и капризов человеческого вкуса.

Прекрасное в природе Абай понимал как объективную реальность, существующую вне нашего сознания, вне воли так называемых небесных святых. Красота природы, по его мнению, вызывает определенные эмоциональные чувства у людей, облагораживая их, смягчая и наполняя душу волнением, радостью или тревогой и печалью. Абай не отделяет человека как и животный мир от природы. Красота природы в стихах поэта как бы олицетворяет собой различные состояния внутреннего мира субъекта, являясь как бы барометром чувств и мыслей автора о происходящем в окружающей действительности.

Много стихов посвятил Абай временам года. Описывая зиму, весну, лето и осень, он задается целью глубже раскрыть образ жизни народа на протяжении всего года. С изменением природных условий меняются и условия жизни народа и система ведения хозяйства. Стихи Абая, посвященные этой тематике, являются своеобразным выражением отношения поэта к социальной жизни казахского народа.

В стихотворении «Весна» Абай дает яркую картину казахского аула в период наступления этого прекрасного долгожданного времени года. С наступлением весны

¹ Абай Кунанбаев. Собр. соч. в I т. М., 1954, стр. 40—41.

пробуждается все живое, природа ликует и с ней радуется человек. Человек и природа как бы сливаются в гармонии и единстве. Свет солнца показывается поэтом как символ настоящей жизни, источник земных радостей. Солнце дарит миру тепло. Как верно подчеркивал Чернышевский, «дневной свет, источник жизни в природе, благотворно оживляющий, согревающий и нашу жизнь, без него мрачно-унылую, восхитительно прекрасен»¹.

Все живое, как описывает Абай, обласкано степным солнцем, и земля радуется этому. Молодежь веселится, поет песни, на весеннем кочевье сходятся аулы, встречаются родственники, на душе весело, девушки облачаются в легкие весенние одеяния, земля покрывается тюльпанами, словно цветочным ковром, поют соловьи, кукушки отзываются им с гор, всем легко дышится. С весной все люди становятся добрее друг к другу, кроме злого скупца.

Все дивится ликующей силе земной,
Все живет, кроме черного камня-гольца.²

Одряхлавшие старики, ставшие снега седей, согреваются, молодеют душой. Невеста-земля прогоняет прочь звезды, она ждет своего жениха-солнца. Отступает темная ночь, наступает час свидания. И природа радуется этому.

Ведь зимою земля, поседея добела,
Жениха своего терпеливо ждала.
И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела и расцвела³.

Абай не отделяет человека от природы, он показывает его как частицу природы, которая служит для людей источником жизни. Благодаря чудотворному солнцу жизнь на земле становится богаче и прекраснее.

Глянуть прямо на солнце — болеть слепотой,
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно.⁴

Природа, по мысли Абая, прекрасна для людей тем, что одаривает их жизнью, представляет собой среду обитания человека и источник необходимых для него средств существования. «Физически человек живет только этими продуктами природы», — писал К. Маркс,

будь то в форме пищи, отопления, одежды, жилища и т. д. ...Человек *живет* природой. Это значит, что природа есть его *тело*, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть»¹. Сама жизнь вынуждает человека находиться в постоянном общении с природой.

В стихотворении «Весна» социально-классовые аспекты общественной жизни раскрываются лишь косвенно, но вместе с тем Абай не забывает и того, что с наступлением весны оживляются экономические, хозяйственно-бытовые отношения в казахских аулах:

На верблюдах товары привозят купец,
У хозяев делятся отары овец;
Тяжко труд земледельческий — вспашка, посев,
Но земля все ж жорницей вздаст под конец².

Показывая жизнь казахского народа в весенний период, автор замечает, что в эту пору устанавливаются контакты между городом и аулом, оживляется товарообмен, исполняются молодняком отары овец, начинают работу землепашцы. Абай даже несколько увлекается описанием внешних сторон той жизни аула, которые связаны с приходом весны.

В стихотворении «Весна» трудно проследить и четко выделить классовую позицию автора, он как бы забывает о бедственном положении крестьян, а больше восторгается красотой природы.

В его стихотворении «Лето» социально-экономическая жизнь народа затрагивается глубже. Картины природы показываются здесь на фоне условий жизни казахского аула. Прекрасно летнее время, замечает Абай, много солнца, степь густо покрыта шелковыми травами, аул перекочевал к берегам полноводной реки, табун коней уже набрал силу, резвятся жеребята, стаи уток и лебедей осекают крыльями луг, веселые, лукавые девушки ставят юрты в степи.

Ставят девушки юрты; смех
На лукавых губах подруг;
Четких, плавных движений ритм
И мельканье белых рук...³

Далее дается картина жизни аула, полновластным

¹ Н. Чернышевский. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4. М., 1974, стр. 195.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 134.

³ Там же, стр. 134—135.

⁴ Там же, стр. 135.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 565.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 134.

³ Там же, стр. 63.

хозяином которого является бай. Вот он, осмотрев свои стада на летних выгонах, довольный собой возвращается в аул на резвом коне. Собирают гости в его юрту. Он их потчует кумысом. Гостей будоражит и веселит хмельной дух пьянящего напитка.

Прислуга обслуживает гостей, те же жадно едят, обедаются. Здесь, в байской юрте, во всем чувствуется изобилие. Бай кивком головы одобряет ластивые речи лебезящих перед ним гостей. Стоящий у порога за юртой старик-бедняк тоже спешит крикнуть что-то лестное для бая, старается крикнуть погромче, чтобы его слова дошли до ушей богатых.

У старика свой расчет: ведь бай, услышав его голос, может пригласить к себе на кумыс.

Баю здесь прислуживают все: табунщики, работающие от зари до зари, охотники, которые спешат преподнести ему свою добычу... Ему льстят, ему угождают. Вот байский сокол, пущенный на стаю диких гусей, цепко взял дичь, и по этому поводу выражают свой восторг, воздают хвалу баю блюдолизы.

Описывая беззаботную, праздную жизнь бая на летнем выгоне-джайлау, Абай ясно выражает свою неприязнь к тунеядствующему времяпровождению казахских феодалов. Поэт с иронией высмеивает также и послушных байских слуг. Прекрасен летний день, но прекрасен он только для одного человека — бая. Именно эту мысль подчеркивает поэт, описывая красоту природы. Байская знать в праздном безделье и сытости наслаждается дарами природы, а бесправный, забитый народ влечет жалкое существование и ему не до любования красотами природы. Как писал К. Маркс: «Удрученный заботами, нуждающийся человек невосприимчив даже к самому прекрасному зрелищу»¹.

Цикл стихов, посвященный временам года, завершается «Зимой». Избрав форму иносказания, Абай как бы одушевляет эту пору года, «очеловечивает» ее, воплощая в образе старика-свата. По казахским обычаям, сваты часто общались с близкими, ежегодно посещали друг друга.

Абай наступление зимы описывает как очередное посещение сватом аула невесты. Описание природы в образе

живого человека — это поэтический новаторский прием Абая Кунанбаева. Природа под его пером оживает, обретает облик живого человека, призванного к активной деятельности, к совершению конкретных действий.

В белой шубе седой старик шагает по аулу. Старый сват принес с собой в аул стужу, снег и бураны. Головою тряхнет — скучный снег повалит. Он грозен, он никого не щадит: злой рукой шиплет за нос детей, пастуха, одетого в чапан и полушубок, и то пробирает до костей своим холодным дыханием. Все вокруг он сковал льдом и от этого еле бредет голодный табул, по следу которого тянутся волки. Такая грустная картина вызывает в душе поэта тревогу за людей, он призывает скотоводов к мужеству: «Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!»¹.

В стихотворениях о временах года Абай не только дает живое и образное описание природы, воспекает ее красоту, но прежде всего в связи с природой он показывает жизнь человека. Он проводит здесь мысль о том, что природа делает жизнь человека богаче и щедрее, учит его любить прекрасное.

В этом цикле стихов Абаем воссоздается целостная картина социально-экономического уклада казахского аула XIX века, наглядно показывается его быт, описываются сезонные занятия казахских крестьян, их бедственное и бесправное положение, изнурительный труд на благо немногочисленных людей, ведущих паразитический образ жизни. Мастерское описание природы, образный показ характерных черт различных времен года — все это служит автору прежде всего для отражения социально-экономического положения родного народа.

Абай Кунанбаев с мастерством истинного художника описывает пейзаж, бытовые сцены из жизни аула. Ярким примером тому — его стихотворение «Всадник с беркутом скачет в ранних снегах». С первым снегом охотники-казахи выходили на традиционную охоту с беркутом и борзой собакой. Такого рода времяпровождение чаще всего было уделом богатых людей, ведущих праздный образ жизни, скучающих от безделья. Абай, описывая охоту с беркутом, умело передает динамизм схватки беркута с лисицей:

Вот сошлись, вот сцепились при блеске зари,
Словно смелые богатыри.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 594.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 86.

Та — царица земли, тот — небесный царь.
Захотел человек, и эти цари
Вьются насмерть. А снег ослепительно бел,
Черен беркут, лица красна... Смотри!¹

Идет смертельная борьба, в которой побеждает беркут. Абай реалистически описывает картину кровавой схватки, цепкость, беспощадность ловчей птицы и низменную, торжествующую реакцию радости потешающейся охотой прайдной, бездумной знати.

Поэт не может не заметить и красоты окружающей природы и потому с большим лиризмом говорит о прелести первого снега, чистоте и свежести степного воздуха.

Красоте природы Абай отдает дань и в стихотворении «На воде, как челнок, луна». Чудесная ночь над аулом. Тишина, луна плавает в небе, речка журчит, и на ее воде, как челнок, серебрится отражение луны. Мерно перешептываются листья деревьев в порыве затихающего ветерка. Где-то далеко слышится лай собак, окрики пастухов. Влюбленные радуются встрече у прибрежных зарослей. Луна — свидетельница их тайного свидания — молчаливо любитесь ими.

Прекрасна и чиста любовь молодых, но она кажется еще прекраснее в озарении луны. Да и лунная ночь тоже кажется еще краше, будучи наполнена светом любви, живым дыханием влюбленных уст.

Абай Кунанбаев в своих поэтических произведениях не только воспевал красоту природы, но и умело соотносил ее с человеческой жизнью, с общественной средой. В его стихах нет пейзажей без человека. Именно человек является носителем прекрасных идеалов, хотя природа и сама по себе прекрасна. Летний выгон-джайлау, покрытый густой травой и яркими тюльпанами. Лунная ночь. Белизна снега. Широкая просторная зимняя степь... Все это, безусловно, прекрасно, но прекрасно потому, что природные явления находятся во взаимосвязи с людьми. Люди тесно связаны с природой, преобразуя и обновляя ее, они любят ее красоту, стараются познать ее законы.

Так, в стихотворении, посвященном описанию красоты лошади, Абай с большим поэтическим мастерством воспекает прелесть этого прекрасного создания природы.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 39.

В лошади Абай видел не только средство передвижения, но и близкого друга людей, честно и преданно служащего человеку, вместе с тем для Абая лошадь — символ красоты и совершенства. Красоту лошади он видит, в частности, в гармоничном телосложении.

Красота природы — это объективная реальность, существующая независимо от нашего сознания. Она вызывает у человека эстетические чувства сопереживания, удовольствия. Но красота природы прекрасна лишь тогда, когда ее познает человек. Вне человеческого общества красота природы не имеет эстетической ценности. Ч. Дарвин писал, что даже животное положительно реагирует на красоту. «Самцы некоторых птиц намеренно распускают свои перья и щеголяют яркими красками перед самками, — писал он, — тогда как другие, не имеющие красивых перьев, не кокетничают таким образом, то, конечно, не будем сомневаться, что самки любят красоту самцов... Одни и те же цвета и звуки нравятся нам и низшим животным»¹.

С этим нельзя согласиться, ибо сущность красоты открывается только человеку, эстетическое освоение мира присуще лишь сознательному индивиду. «Явления природы прекрасны, — пишет В. Ванслов, — когда природа освоена человеком, когда жизнь природы соответствует ценным чертам жизни человека, сходна с ними и объективно выступает не как враждебная, а как близкая ему»².

Абай Кунанбаев ценил не только красоту природы, но видел ее и в общественной жизни, и в самом человеке. Прекрасное в общественной жизни это то, что содействует развитию человеческой сущности. Тот или иной поступок прекрасен, по мысли поэта, если он по своему содержанию является общественно ценным для прогрессивного развития общества. Прекрасное в человеческом обществе Абай связывает с наличием прогрессивной цели, способствующей его развитию, под прекрасным подразумеваются им развитие и совершенство. «Народ, который не имеет великой цели или общей правды, — пишет Абай, — духовно мертв. А там, где нет жизни, не может быть и совершенства»³. Эта мысль Абая переключает

¹ Ч. Дарвин. Происхождение человека, т. I. СПб, 1899, стр. 45.

² В. Ванслов. Проблемы прекрасного. М., 1957, стр. 78.

³ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 94.

кается с определением прекрасного, данным Н. Чернышевским, утверждавшим, что «прекрасное есть жизнь»¹.

Абай Кунанбаев написал ряд стихотворений о красоте человеческой. В таких, например, стихотворениях, как «Подобен серебру чеканному широкий лоб резной», «Красавица-девушка у хана жила», «Джигиты, дорог смех, не шутство», «Две дороги — любовь и страсть передо мной», «В руку толщиной коса на ее спине» и т. п., поэт воспекает красоту людей, в частности, казахских девушек.

Подобен серебру чеканному широкий лоб резной,
Глаз черных крупные зрачки кидают зной.
А брови так тонки, как будто кто нарисовал,
Напоминают новый месяц в вышине сквозной².

Поэт перечисляет здесь черты молодой девушки, по его мнению, характеризующие красоту. В своих стихах он употребляет много эпитетов, характеризующих его идеал прекрасного. Часто поэт использует такие прилагательные как «черный», «белый» — «черные брови», «черные густые волосы», «белый широкий лоб», «белая шея». Эти цвета больше всего импонируют поэту. В понимании человеческой красоты Абай отходит от созерцательности, рассматривая красоту внешности и тела человека в связи с активной его деятельностью:

Как тело нежное мальчика, рук линии нежны,
Пальцы легкие в работе плещутся волной³.

Женская рука прекрасна, но еще больше прелести, по мысли поэта, в движениях пальцев, приспособленных к работе. Казахские женщины в ту эпоху, когда жил Абай, в основном были заняты домашним хозяйством: приготовлением пищи, доением лошадей, рукоделием, ткачеством, шитьем одежды, рисованием различных орнаментов для украшения юрт и т. п. На женскую долю приходилось много труда, справляясь с которым ей было нелегко. Женщины должны были быть искусными мастерицами. Искусная женская рука — творец многих прекрасных вещей.

О женской красоте Абай говорит, в частности, в стихотворении «В руку толщиной коса на ее спине». Подчеркивая красоту кожи, стройность, совершенство тела

¹ Н. Чернышевский. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4. М., 1974, стр. 11.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 41.

³ Там же, стр. 41.

девушки, он в то же время обращает большое внимание на выражение ее глаз и лица, стараясь как бы заглянуть во внутренний мир человека.

В руку толщиной коса на ее спине,
Ходит, чуть зная шолпы в тишине.
Брови — уголь, шея — снег, шапка из бобра.
Девушку ты видел ту, что приснилась мне?¹

Достоинства человека Абай видит не только во внешних его данных, хотя и не отрицает этих факторов красоты, но судит о нем прежде всего по качествам характера, высоко оценивая ум, спокойный нрав, внутреннее обаяние, человечность, трудолюбие, смекалку, честность. «Достоинство человека, — пишет Абай, — определяется не внешностью и достатком... по его сердцу и уму»². Вместе с тем он указывает и на то, что унижает достоинство человека. «Есть три вещи, которые унижают человека, — подчеркивает Абай. — Это невежество, лень и злодеяние. Невежество — отсутствие знаний, а без знаний ничего не приобретается в этом мире. Не стремиться к знаниям — значит уподобиться животному. Лень — враг человечества. Она в свою очередь рождает покорность, инертность, бесстыдство и нищету. Злодеяние — античеловечно. Тот, кто все время норовит сделать людям зло, теряет свою человеческую сущность и превращается в зверя»³.

Здесь этические принципы Абая как бы перекликаются с его эстетическими идеалами. Лишь человек, свободный от таких отрицательных черт характера, является для поэта идеалом прекрасного человека. В стихотворении «Подобен серебру чеканному широкий лоб резной» поэт с большим эмоциональным чувством воспекает женскую красоту, не скрывая своего преклонения перед ее пленительной силой:

А рукой ее коснешься, — по своей вине
Сердце бедное застучит вдвойне⁴.

Сердце поэта неравнодушно к женской красоте. Но за чарующей внешней красотой девушек он замечает и их недостатки, те или иные дурные манеры: «Ветрены красавицы в наши ныне дни», одни из них «прикинутся

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 118.

² Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 100.

³ Там же, стр. 102—103.

⁴ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 118.

невинными», «иные же... кокетничают сразу, к ним только заверни». Абай, будучи горячим ценителем и поклонником истинной красоты человека, главным критерием в оценке людей считает человечность. Он открыто провозглашает: «Я человечность ставлю во главу».

В стихотворении «Джигиты, дорог смех, не шутство» он пишет:

Не увлекайся внешней красотой,
Не поддавайся страсти слепой,
Не обольщайся женщиной красивой,—
Узнай, характер у нее какой!.

Как видно, поэт не был слепым рабом любовной страсти. Он всегда отставив истинную красоту людей, полную гармонию формы и содержания, единство внутренних и внешних качеств человека. Так же и в оценке женской красоты Абай на первый план выдвигает внутреннее содержание человека, которое отражается в его характере, его отношении к окружающей действительности.

Кое-кто, обманувшись внешней красотой, попадает в плен обманчивых впечатлений, не разобравшись в сути человека. Абай верно подмечает, что иногда внешняя красота и привлекательность человека могут оказаться ложной, искусственной ценностью, подделываясь под истинную красоту:

Опасность женская краса таит,
Доступная для многих волокит.
«Кто может устоять передо мной?»—
Так чванная красавица твердит².

Поэт восхваляет женщин, обладающих прозорливым умом, отличающихся трудолюбием, добротой.

«Восемнадцатое слово» Абая целиком посвящено раскрытию сущности истинной красоты человека. «Есть две категории щеголей,— пишет Абай.— Одни просто следят за своей внешностью: холят лицо, подрисовывают брови, то и дело подправляют усы и бороду... Другие извлекают из щегольства определенную выгоду. Для них красивое платье и лошадь — источник существования... Все это постыдно и глупо. Человек не должен увлекаться щегольством, ибо, поддавшись соблазну однажды, он не сможет легко побороть его, а значит, потеряет

свой облик. Красивым и сильным делает человека его ум, эрудиция, честь и обаяние. Больше ничто»¹.

В стихотворении «Стяжательно одно лишь тешит душу — скот» поэт завещает молодежи думать не о красоте, а стараться стать богаче духовно.

Прочти мои слова, обдумай их в тиши!
Награда нам за труд милей, чем барыши.
Корысть позорит нас, нельзя прожить достойно
Без светлого ума, без пламенной души².

Абай Кунанбаев в своих стихах активно выступал сторонником брака по любви, хотя он и не отрицал напрочь реакционного мусульманского обычая продажи девушек за калым. Брак без любви, по мнению Абая, не дает душевной гармонии. Семья, созданная без обоюдного согласия, непрочна. Эту проблему он затрагивает в стихотворении «Красавица-девушка у хана жила». Хан взял в жены молодую девушку. Он наряжал ее в золото, в цветные шелка, ей угоджала толпа слуганок. Старый же хан пировал и веселился, оставаясь доволен своей молодой женой. Вся сила хана в деньгах. Но юношу сердце какое дело до богатства престарелого мужа. Сердце девушки ищет любимого друга. Зачем ей дряхлый старик, жаждущий вернуть былую молодость. Не может примириться с этим сердце девушки, не может она подчиниться воле старика.

А девушка от брачных ласк старика
В пучину бросилась, срывая наряд³.

Девушка жизни без счастья предпочла смерть. Абай, разделяя ее муки и страдания, провозглашает:

Сухой курай — одна, другая — цветок,
Их вместе нельзя представить на миг!

В назидание таким старикам поэт говорит:

Виланье хвостом не скрасит твой брак,
Слова о любви не сблизят никак.
Между сердцами — год пути, долгий год.
Как соединишь их, старый дурак⁴?

В свое время К. Маркс писал: «Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизнен-

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 41, 55, 56.

² Там же, стр. 56.

¹ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 36.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 201.

³ Там же, стр. 203.

⁴ Там же, стр. 204.

ным проявлением в качестве любящего человека не делаясь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье»¹.

Трагическая развязка в стихотворении «Красавица-девушка у хана жила» закономерна. Любовь, не сумевшая породить ответной любви, всегда бессильна и несчастна.

Такое прекрасное чувство человека, как любовь, составляет содержание множества поэтических произведений Абая Кунанбаева. «Слово джигита», «Ответ девушки», «Где ж ты пламя юности моей», «Печальная моя душа не зацветет уж новизной», «Непокорное сердце весь век», «И краснеть и бледнеть», «Ты — зрачок глаз моих», «Душа! Чего ты ищешь, что с тобой?», «О сердце, не стучись ты в грудь» — эти и многие другие произведения поэта посвящены теме любви. В них Абай воспекает высокие чувства людей, возмечивает настоящую любовь, раскрывает мотивы, возбуждающие прекрасное человеческое чувство. Истинную любовь он ставит выше других чувств, показывает ее неодолимую силу.

Две дороги — любовь и страсть предо мной.
Похошь властвует плотью земной².

Абай четко отличает любовь от плотской страсти. Поэт не скрывает, что он раб истинной любви:

Я — твой раб, любовь! Истерзав и дразня,
Ты меня леденишь, ожигаю меня.³

Абай призывал людей познавать истинно прекрасное и уметь отличать его от подделок. Он всегда ценил естественное качество любого предмета. Абай считал, что если какую-то вещь называешь словом, чуждым для самой ее природы, ее сути, она становится смешной и некрасивой.

Нет легендарного тулпара все же не обгонит конь простой,
Будь блеском филина украшен и амулета красотой⁴.

Настоящего скакуна не обгонит клыча, даже разукрашенная различными побрякушками и драгоценностями. Истинный тулпар всегда займет первое место в скачке. Эта же идея пронизывает другое стихотворение Абая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 620.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 109.

³ Там же, стр. 109.

⁴ Там же, стр. 122.

«Когда баран войдет в ручей, воде жирней не стать». Предмет или явление не могут стать лучше того, что им присуще по их природе.

Идеалистические идеи о возможности привнесения красоты в природу со стороны или о красоте, как о некоем порождении сознания человека, не находят поддержки у Абая Кунанбаева. Абай всегда отстаивал ценность и красоту, объективно присутствующие в той или иной субстанции. Вместо того, чтобы выдавать несуществующие в каком-то предмете или в людях несвойственные им качества и достоинства за реальность, Абай завещает молодежи стремиться вперед: «Не соскользни, стремись вперед, и цель вернее, друг!»¹

Абай видит и поэтизирует красоту человека всегда в аспекте его способности трудиться. На труд он смотрит как на источник всех благ, великолепных творений человеческих рук и разума.

Вот и старость... Сверхиться мечтам не дано!
Покорение новое вижу. Оно
Научилось ловчить, но не хочет трудиться,
И повсюду стяжательство только одно².

Поэт печалится, болеет душой за тех представителей молодого поколения, которые ленятся, ловчат, не отличаются трудолюбием, становятся обузой для родных.

О скоте своем нimalo не заботятся они,
Честного труда не зная, носят за днями дни
На конях на запыленных по аулам взад вперед.
Ухмыляются довольно — мелкомом лишь на них взгляни.

В стихотворении «Я нашей молодежи огорчен» поэт высказывает свое душевное беспокойство за будущее таких людей:

К чему такой пригоден ветрогон?
В каких ремеслах преуснет он?
Он норовит свой век прожить обманом,
В любом кругу доверия лишен.

К ним Абай обращается с отцовским завещанием:

В бесцельных днях и в ночи
Пустых забав не ищи.
Чтоб человеком ты был,
Ты пятерых побори
И пятерых избери³.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 183.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 52, 167, 60.

Дальше он перечисляет этих пятерых «врагов» и пятерых «друзей» человека. Злословье, ложь, хвастовство, безделье и мотовство — вот пять «врагов» молодежи; разум, доброта, упорство, скромность и труд — ее «друзья».

Поэт призывает молодежь к труду, поэтизирует его красоту, созидательный пафос и преобразующую силу. Воспевая торжественный гимн труду, поэт не до конца осознавал мысль, в свое время высказанную Ф. Энгельсом, о том, что «труд создал самого человека»¹. Происхождение человека Абай связывал не с трудом, а с чудотворной силой божества. «Поскольку аллах,— пишет Абай,— с любовью сотворил тебя и окружающий мир, то и твоя любовь к аллаху должна быть деятельной»².

Совершенство человеческого тела поэт рассматривает не как результат длительного процесса труда, а как продукт творения бога. «Творец поставил человека на две ноги,— пишет Абай,— чтобы он был высок, установил голову на плечах, чтобы он мог видеть далеко, дал две руки для труда»³.

Отдавая в своих произведениях должную дань красоте труда, поэт иногда слепо восхваляет богатство, созданное трудом, не обращая внимания на то, в чьих интересах оно используется или какой ценой накоплено. В одном из стихотворений он пишет:

Не бойся в наем на чужбину ийти,
Вернувшись с достатком,— ты будешь в чести.
У трусов, дерзнуть не посмеющих, вся жизнь —
Как ветер, взметающий прах на пути.
Лишь риск и дерзание несут торжество.
Ленивец вовек не создаст ничего!
Нет грязной работы! Ходи за ослом —
Ни руки, ни честь не грязны от того⁴.

Всякий труд, даже ради богатства и наживы поэтом не вознаграждается. В этом также заключается историческая ограниченность мировоззрения Абая Кунанбаева, не сумевшего увидеть корни, причины и следствия классовой эксплуатации.

Из всего сказанного следует, что великий мыслитель и поэт казахского народа правильно понимал сущность прекрасного в природе и в общественной жизни, верно

определял роль искусства в жизни человека как высшего проявления его эстетического отношения к действительности. Прекрасное он считал объективной реальностью, существующей независимо от нашего сознания и вмешательства некоего «абсолютного духа». Красота, по мысли Абая, познаваема, но познается она сознательным индивидом. Эстетическое освоение мира присуще лишь человеку, живущему в обществе. Человек преобразует природу по законам красоты. У красоты нет абсолютного критерия. Красота, как свойство предмета, относительна, изменчива.

Недолговечна красота,
Она уродасту не чета¹.

Мысли Абая Кунанбаева о прекрасном во многом совпадают с идеями домарксистских материалистов, внесших значительный вклад в развитие и становление учения о прекрасном. Его поэзия и назидания помогают нам, его потомкам, познавать, любить и ценить прекрасное в природе и в общественной жизни, жить и творить по законам красоты, приобщаться к замечательным духовным ценностям, созданным в веках умом и трудом человечества.

3. КОМИЧЕСКОЕ — ОТРИЦАНИЕ РАДИ УТВЕРЖДЕНИЯ

Такие категории искусства как комическое и трагическое существуют лишь в общественной жизни, природе эти явления не свойственны. Реализуются и проявляются они как оценочное отношение человека к общественной действительности, как выражение определенного эстетического взгляда на жизнь.

Трагическое и комическое, будучи явлениями общественного развития, нередко связаны с какими-либо важными процессами в жизни общества, с различными событиями. Ф. Энгельс в своем письме к К. Марксу приводит по этому поводу слова Гегеля о том, что «все события повторяются дважды — первый раз в виде великой трагедии и второй раз в виде жалкого фарса»². Как отме-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 486.

² Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 90—91.

³ Там же, стр. 87.

⁴ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 180.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 162.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, т. I. М., 1967, стр. 52.

чал К. Маркс, «это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым»¹.

Комическое — явление не просто вызывающее смех, т. е. что-то веселое, не несущее особой смысловой нагрузки, но прежде всего — это объективная реальность общественной жизни. Именно поэтому явление комического получает свое отражение в искусстве, является неотъемлемым качеством многих произведений различных жанров и видов искусства.

По сравнению с прекрасным категория комического не столь объемлющая. Больше распространена и отражает она в литературе, сценическом искусстве, графике, живописи.

Видный советский ученый-философ М. Каган утверждает, что «в произведениях архитектуры мы не найдем и следа сатиры, иронии или юмора. Минимальны возможности создания комического образа в музыке»². В качестве примера он говорит о сатирических частушках, юмористических песенках, операх, в которых комический эффект создается словесно, а не чисто музыкальными средствами. Говоря об изобразительном искусстве, М. Каган считает, что в создании юмористических и сатирических произведений, преимущественно пользуется графика, а скульптура, например, располагает минимальными возможностями.

Подобного мнения придерживается и профессор Ю. Боров. «Единственный вид искусства, не способный отразить комическое в действительности, — пишет он, — архитектура. Комическое здание или сооружение было бы бедой и для зрителей, и для жителя, и для посетителя. Архитектура не может в силу своей специфики что-либо непосредственно критиковать, отрицать, а следовательно, и осмеивать»³.

Издавна, еще с античных времен, комическое находило свое воплощение в различных жанрах искусства слова. Аристофан, например, в своей комедии «Лягушки» объявил конец трагедии и подвел итог развитию афинской комедии.

Вопросы отражения комического в искусстве в свое время интересовали и домарксистских философов. Кант,

например писал: «Комедия изображает такие интриги, забавные положения остряков, умеющих выпутаться из всякого положения, глупцов, позволяющих себя обманывать, шутки и смешные характеры»¹.

По-своему объяснял природу комического Гегель.

«Комическое должно ограничиваться тем, — писал он, — что все, что уничтожает себя, есть нечто ничтожное в самом себе, есть ложное и противоречивое явление... или же оно есть мнимое прочное основоположение, мнимое твердая максима»². Говоря, например, о природе комизма сервантесовского Дон Кихота, Гегель отмечал, что поступки Дон Кихота становятся смешными потому, что он в противовес установившимся порядкам борется против привычных явлений, стремится разрушить их, переделывать по-своему. В таких своих порывах, преследующих благородные цели, он делает нелепые выходки. И это вызывает смех и насмешки.

Но произведения комического плана Гегель не особенно ценил, считая их несовершенными. Они... «следовательно, представляют собою лишь искания истинного искусства»³.

Природу и сущность комедии глубоко раскрыл В. Белинский. «Сущность комедии, — писал он, — противоречие явлений жизни с сущностью и назначением жизни. В этом смысле жизнь является в комедии как отрицание самой себя»⁴. Истинно художественную комедию великий русский критик ценил высоко, он обожал литературный талант Грибоедова и Гоголя, их комедии «Горе от ума», «Ревизор» считал бессмертными.

Революционные демократы Н. Чернышевский и Н. Добролюбов также были истинными поклонниками сатирических жанров. Они сразу уловили политическую силу смеха М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Никто... не карал наших общественных пороков словом более горьким, не выставлял перед нами наших общественных язв с большей беспощадностью... Он — писатель по преимуществу (скорбный) и негодующий»⁵, — писал Н. Чернышевский о великом сатирике.

¹ Кант. Соч. в 2-х т., т. 2. М., 1940, стр. 180.

² Гегель. Соч. т. XII, кн. I. М., 1938, стр. 71—72.

³ Там же, стр. 390.

⁴ В. Белинский. Соч., в 3-х томах, т. 2. М., 1948, стр. 59.

⁵ Н. Чернышевский. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 3, М., 1974, стр. 352.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 418.

² М. Каган. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. М., 1971, стр. 207.

³ Ю. Боров. Эстетика. М., 1969, стр. 97.

Н. Добролюбов отмечал народный характер политической сатиры М. Салтыкова-Щедрина. «Он любит этот народ,— писал о нем Н. Добролюбов,— он видит много добрых, благородных, хотя и неразвитых или неверно направленных инстинктов в этих смиренных, простодушных тружениках. Их-то защищает он от разного рода талантливых натур и бесталантных скромников, к ним-то относится он без всякого отрицания»¹.

Н. Добролюбов отметал все обвинения в адрес М. Салтыкова-Щедрина, который якобы легкомысленно и беспринципно воспринимал лишь «смешные стороны» русской жизни, «обличал не из негодования и не из убеждения в чем-нибудь», а всего лишь из обличительной моды, из прихоти охаивая всю русскую жизнь, свой народ, обливая грязью Россию.

Всякого рода извращения истинной сущности сатиры писателя и разоблачения Добролюбовым. Точно определяя сатирическую направленность критики М. Салтыкова-Щедрина, он пишет, что сатирик высмеивает тех, кто мешает здоровой жизни. Критика гнилой части общества,— рассуждает Добролюбов,— «неужели это будет отрицание народного достоинства, нелюбовь к Родине»².

Классики марксизма-ленинизма высоко ценили обличительные и комедийные произведения искусства. Они считали сатиру, смех важнейшим оружием в классовой борьбе против социальной несправедливости, рассматривали проблему комического в непосредственной связи с социальными противоречиями. Высоко оценил сатирический талант русских писателей, беспощадно бичевавших пороки и социальные язвы общественного строя царской России, В. И. Ленин. «Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество,— писал В. И. Ленин,— различать под приглаженной и напояженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушные подобных типов»³.

Лучшие образцы сатиры в мировой литературе, отражение комических явлений в искусстве служили и служат утверждению в жизни положительного и прогрессив-

ного. Критический реализм русской литературы немало способствовал ускорению политического и социального освобождения угнетенных народов царской России. Лучшие традиции критического реализма получили дальнейшее развитие в литературе социалистического реализма.

Для казахской, как и для всей мировой, литературы была присуща сатирическая направленность. В истории художественной культуры казахского народа есть немало произведений, в которых жизнь общества и народа отражена с позиции критической оценки социальных явлений. В казахской литературе, особенно в поэзии, получил определенное развитие и комедийный жанр. Как говорил В. Белинский, комедия, а вернее любой «ее элемент вошел, или может входить во все роды поэзии»⁴.

Сатиру, как острое оружие в борьбе с социальным злом и невежеством, тупостью, лицемерием и другими человеческими пороками, рожденными самой общественной средой постоянно использовал в своих произведениях Абай Кунанбаев.

Пути становления и развития казахской сатиры рассматриваются Т. Кожакеевым. В его работе «Казахская сатира» делается попытка проанализировать в данном аспекте отдельные стихи Абая. Сатирические произведения Абая Кунанбаева автор условно подразделяет на три рода: бытовые эпиграммы, обличительные стихи, сатирические басни⁵.

Многие стихи Абая вызывают смех, не имеющий ничего общего с зубоскальством и шутовством. Комическое в его творчестве несет в себе определенный идейный заряд, поскольку направлено на высмеивание, разоблачение, осуждение каких-то негативных явлений в обществе. Абай четко отграничивал бесполезный смех от обличительной сатиры.

«Глупый смех,— писал он в «Четвертом слове»,— признак беспечности, и от него так же болит голова, как и от болтовни захмелевшего»⁶. Осуждая такого рода смех, не вызывающий в душе человека позитивных изменений, Абай советует не радоваться «дурным поступкам

¹ Цит. по: М. Салтыков-Щедрин в русской критике. М., 1959, стр. 145.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 43.

⁴ В. Белинский. Собр. соч. в 3-х томах, т. 2. М., 1948, стр. 59.

⁵ Т. Кожакеев. Казахская сатира. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алма-Ата, 1963, стр. 20—21.

⁶ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1979, стр. 13.

людей», «пусть ваш смех будет горьким»¹. «Он бывает красив и звучен, этот деланный смех, и многолик. Гоните его от себя, люди!»² — призывает Абай.

Бичуя недостатки и неблагоприятные поступки людей, остротой своей сатиры Абай направляет не столько против данного индивида, сколько против социальной среды, порождающей те или иные пороки. Как подчеркивал Н. Чернышевский при характеристике героев сатиры М. Салтыкова-Щедрина, отнюдь не все его персонажи гнусны, злы и ненавистны читателю. Во многих из них «вы откроете подле дурных качеств и некоторые черты, примиряющие нас с их личностью. Дурные поступки и привычки их извиняются обстоятельствами их жизни и нравственною близорукостью, навеянною на них туманной средой, в которой развивались и живут они»³.

Как обличение пороков общества воспринимаются насмешки Абая над недостатками поведения некоторых современников. В стихотворениях «Кожекбаю», «Назару», «Кулембаю», «Брюнетке-женщине», «К Рахимшалу», «Габидулле» Абай осуждает всевозможные недостатки людей чувства и качества характера. Кожекбая, например, он осуждает за склонность к сплетням и ко лжи, Назара — за попрошайничество, женщину-брюнетку — за легкомыслие. В стихотворении «Кожекбаю» говорится о том, что у Кожекбая был сын Рахимшал, который отличался несдержанностью, неуравновешенностью характера. У аульного муллы Габитхана был сын Габидулла. Разбогатев на поприще торговли, он превратился в высокомерного эгоиста, постоянно сжигаемого завистью к людям. Этот порок и бичует Абай в стихотворении «Габидулле». В стихотворении «Масакбай и его жена» поэт осуждает скандальный нрав Масакбая и смиренность, неряшливость его жены:

Лишь приходит,
Крик заводит,
Всех кругом ругает;
Толку нет, что он ни скажет —
Просто вспылчивый дурак,
Ни за что жену накажет,
Разговор его — кулак⁴.

¹ Абай. Слова назидания, Алма-Ата, 1979, стр. 14.

² Там же, стр. 14.

³ Н. Чернышевский. Собр. соч. в 5-ти томах. т. 3. М. 1974. стр. 353.

⁴ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 212.

Мишенью для критики Абая всегда была человеческая безнравственность. Так, в стихотворении, посвященном Дутбаю, поэт порицает его за непостоянство в общении с друзьями, за ложь и склонность к притворству:

При первой встрече руки жмет,
И лстает, и лезбегит,
Но отвернись, — и наглый рот
Тебе бедой грозит...
Плюет на все твои права,
Юлит, как бес, хитро,
Велит, как снег, его слова,
Черно, как грязь, нутро¹.

В своих стихотворениях Абай не только обличает и высмеивает пороки людей. Здесь чувствуется и боль за них, надежда на возможность нравственного их очищения. Такие стихи Абая в свое время оказали большое воспитательное воздействие на кое-кого из его современников.

Абай верно понимал функции комического. Его взгляды в этой области совпадали, например, с оценкой сущности комического и комедии, высказываемой В. Белинским. «Комедия, — писал В. Белинский, — должна живописать несообразность жизни с целью, должна быть плодом горького негодования, возбуждаемого унижением человеческого достоинства, должна быть сарказмом, а не эпиграммом, судорожным хохотом, а не веселым усмешком, должна быть писана желчью, а не разведенною солью, словом, должна обнимать жизнь в ее высшем значении, то есть в ее вечной борьбе между добром и злом, любовью и эгоизмом»². Именно в таком плане и написаны сатирические стихи Абая, в которых отдельные примеры из жизни казахов складываются в цельную картину реальной действительности описываемого времени. Абай, в частности, впервые в казахской литературе создал целостные типические отрицательные характеры «сильных мира сего», образ волостного управителя.

Согласно «Уставу о сибирских киргизах», утвержденному царским правительством в 1882 году, в Казахстане была ликвидирована ханская система правления, 50—70 кибиток составляли административный аул, 10—12 аулов — волость, а 15—20 волостей — округ. Во главе округа был окружной приказ. Во главе аула должен

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 237.

² В. Белинский. Собр. соч. в 9-ти томах. т. I, М., 1976, стр. 76.

был находиться избранный на три года старшина, во главе волости — волостной управитель. Округом правил старший султан. Его избирали волостные управители¹. В силу сложившихся обстоятельств волостные управители пользовались значительным влиянием в казахских аулах. Казахские крестьяне остро ощущали двойной гнет — местных феодалов во главе с волостным управителем и царских колонизаторов, подчиняющихся губернатору и его родственникам в окружном приказе.

Волостные управители жестоко эксплуатировали казахских крестьян, вытесняли их с пастбищ, отбирали земельные угодья, обременяли различными пошлинами и налогами. Угождая царским чиновникам, волостные управители всячески их одаривали, задабривали взятками. Ради наживы и обогащения они ничем не брезговали, шли на любые уловки, хитрости и бесчестные поступки.

Эти представители эксплуататорского класса вызывали глубочайшую неприязнь и презрение у Абая. Они боялись и народа, и царских начальников, были нерешительными, злыми, лживыми. Абай, объективно оценивая роль и место волостных управителей в жизни казахского аула, клеймил их средствами поэзии. В его стихотворениях «Кулембаю», «Управитель начальству рад», «Наконец волостным я стал» воссоздается собирательный образ волостного управителя в казахском ауле.

Стихотворение «Кулембаю» построено как обращение поэта к волостному Кулембаю. Поэт подвергает Кулембая острой критике — тот, сидя в своей юрте, воображает себя властелином степи, суровым и строгим. А на самом деле положение его весьма неприглядно — он всякого боится, потеряв спокойствие, душевное равновесие, им постоянно владеет страх за свое место. Волостной управитель — человек без достоинства, всеми его действиями руководит не разум, а недалекая житейская хитрость. Подхалимство, угодничество — вот наиболее характерные черты волостных управителей:

Уездный гонца пришлет —
Спешить ты воздать почет.
Что же будет с тобой,
Если он сам придет?!²

Абай точно передает психологию волостного Кулембая, который основой всей своей деятельности считал угождение высшему начальству. Не отличаясь умом, он, дабы не потерять власть, прибегает к единственному спасительному средству — беспрерывному повиновению не только самому начальству, но и его гонцу — шабарману.

В стихотворении «Наконец, волостным я стал» поэт еще глубже показывает психологию волостного управителя. Абай использует форму сатирического монолога, строя стихотворение как исповедь волостного управителя.

Абай, мастерски описывая праздную, суетливую жизнь волостного управителя, его приспособленческий характер, в то же время реалистически передает общественно-политическую атмосферу казахского аула, воссоздает те социальные условия, которые порождают негативные качества в сознании людей. Острые критики Абая направлено не только против волостного управителя, но и против тогдашней избирательной системы, основанной на несправедливости, жестокости, социальном неравенстве.

Немало вреда приносит эта кампания и избираемым, и избирателям. Она влечет за собой ряд социально-правовых недугов: усиливается вражда между родами, процветает взяточничество, простой люд сгибается под тяжелым бременем налогов, расходуемых на нужды сьездов.

Кулембай, герой стихотворения «Кулембаю», не жалея добра на взятки, наконец, становится волостным управителем. Едва получив должность, он раздвигается на глазах: перед сильными трясется, а перед слабыми становится глух, сонлив, небрежен. Но вот приближается очередной съезд по переизбору волостного управителя. Начинается новая суета, и Кулембаем овладевает страх, он надевает новую маску, — внешне он теперь мил и заботлив, душой же по-прежнему коварен и жесток, хитер и ловок.

Одна мысль гложет Кулембая — любой ценой остаться управителем волости на следующий сезон. И он идет на все: собирает старшин и биев, долго совещается с ними, решая вопросы, связанные с приемом уездного начальника. Кулембай призывает заготовить побольше юрт для высшего начальства, чтобы достойно услужить и

¹ См. История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 301—304.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 87.

угодить ему. Волостной управитель мечется между стремлением угодить уездным начальникам и желанием не уронить себя в глазах народа. Всеми действиями его руководит лицемерие:

Будто я о народе пекусь,
А на деле — наоборот.
Я с уездным уединяюсь,
Все ругаю людей своих,
А потом возвеваю им:
«Не сгибая спины ни на миг»,
Похваляюсь: «Уездный сам
Верит в правду речей моих»¹.

И опять перед новым съездом волостной управитель меняет обличье, словно хамелеон:

Тот хвастун, что был груб и лих
Тот храбрец, что всех прижимал,
Вдруг на съезде сделался тих...

Выборы прошли. Предвыборная суета осталась позади. Но недолго длилась тихая жизнь у волостного — опять пошли на него доносы и жалобы в округ. Опять Кулембай в тревоге:

Я сил не шажу своих,
Я скачу от зари до зари,
Я мчусь туда и сюда,
Развевается мой халат.

И вновь волостной управитель меняет манеру общения с людьми:

Ни злодеем, ни мозгляком
Никого не браню, рассердясь...
Собираю людей кругом,
За меня прошу им стоять.

Но кто же идет за ним? Народ стал строптив, думает волостной, — ему не сдержат поводыя в руках. Кулембай напуган, чувствуя свое бессилие:

Наш уездный — возьмется он,
На расправу жесток и скор,
Приберет он меня к рукам,
И под суд я пойду, как вор.
Бросит в бездну меня тогда
Немилостивый приговор...²

Волостной боится кары за все свои грязные поступки и делишки. Он знает за собой немало грехов и боится

расплаты, поскольку выбраться из грязи ему нелегко. Осознавая непрочность почвы под своими ногами, Кулембай приходит к следующему выводу:

Лучше всякую бросить власть,
Покуда еще не пришлось
За решетку тебе попасть³.

Единственное спасение от возмездия и гибели, от царской тюрьмы он видит в отречении от должности волостного управителя, другого выхода нет. Не случайно Абай приводит Кулембая к такому выводу, потому что сам поэт хотел использовать должность волостного управителя для исправления нравов своих современников. Но путь этот, как оказалось, не привел его к цели.

Велика семья,
Широка родня,—
Одиноким быть нет причин.
Велика семья,
Но не понят я,
И живу средь людей один.
Как могила шамана, я
Одинок — вот правда моя!²

Абай Кунанбаев за два года до следующего съезда преждевременно и по собственному желанию покинул пост волостного управителя поскольку понял тщетность всех усилий сделать для народа что-либо полезное на этом посту, осознал, что народ еще не готов идти по его стопам.

А невежда слепой
Занят только собой,
Лишь поесть бы ему, да поспать...
Я глядел и туда, и сюда,
Но и там и тут
Ложь и лень цветут —
Ведь невежды боются труда³.

Отсталость социально-экономической жизни казахского народа прямо сказывалась на уровне его политической сознательности, предопределяя определенный консерватизм в его духовном развитии. Все это вызывало у Абая горечь и возмущение. Поэт возмущался безысходностью судьбы своего народа, и его поэзия была пронизана тревогой за судьбу народа и сарказмом, беспощадно

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 91.

² Там же, стр. 91—93.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 94.

² Там же, стр. 104.

³ Там же, стр. 1—3.

бичующим паразитизм и праздный образ жизни правящего класса.

Сатира, пронизывающая многие произведения Абая Кунанбаева, выводилась отдельными исследователями из того, что Абай, будучи выходцем из среды правящего класса, якобы не понимал представителей нового класса — буржуа, не принимал и новых тенденций, проникающих в жизнь казахского аула, а, следовательно, критически относился к волостным управителям, уездным и другим чиновникам. Так, например, неверно трактовал И. Кабулов в своей статье «Философия казахского поэта Абая и ее критика» склонность Абая к бичеванию представителей правящего класса — волостных управителей. Беспощадную критику поэтом властей И. Кабулов объяснял неприятием и враждебным отношением Абая к новым общественным отношениям, проникавшим в казахскую родовую общину. «В первое время Абай, — писал И. Кабулов, — в своей общественно-литературной деятельности ведет беспощадную борьбу против нового быта и новых общественных отношений, проникавших в казахскую родовую общину, под лозунгом борьбы против атакминерства, волостных, обмана, несправедливости и против существующего режима, который поощряет процесс разрушения старого уклада жизни казахской родовой общины, за сохранение ее и за полную реставрацию старых порядков у казахского народа»¹.

И. Кабулов, утверждая, что Абай на определенном этапе своей жизни являлся противником проникновения в казахский аул новых общественных веяний, не учитывал особенностей сознания и духовного мира этого выдающегося человека, природой наделенного редким талантом и незаурядными способностями. Кабулов бездоказательно утверждал, что будто бы Абай активно сопротивлялся новым веяниям жизни, но они брали верх, а он не мог-де им противостоять, в результате чего и стал сторонником нового порядка. «После полученного от действительности отпора, — писал И. Кабулов, — Абай вынужден был приспособиться к новым восходящим общественным отношениям, ими Абай впоследствии вдохновляется и становится ярким сторонником сохранения и

развития их (новых товарно-капиталистических отношений)»¹.

С подобным мнением И. Кабулова нельзя согласиться, поскольку он неверно трактует восприятие Абаем новых общественных отношений, приписывая ему не присущий для поэта консерватизм. Поэт, тесно приобщившийся к прогрессивной культуре, не мог быть носителем взглядов отживающей свой век феодальной верхушки.

Статья И. Кабулова, одного из видных деятелей культуры казахского народа, это своего рода порождение тенденциозной атмосферы, сложившейся в двадцатые—тридцатые годы вокруг наследия великого казахского поэта и мыслителя Абая Кунанбаева. Иначе говоря, содержание статьи пронизано ошибочной идеей о том, что Абай был-де «идеологом зарождающейся казахской буржуазии». Попытки алашордынцев выдать поэта за своего идейного вдохновителя, как известно, внесли определенную путаницу в истинную оценку наследия Абая Кунанбаева. Алашордынцы поднимали на щит Абая, пытались всячески использовать его имя, авторитетное в народе, в своих корыстных целях. После Октябрьской революции алашордынцы трактовали произведения Абая на свой лад, искажая истинную суть его наследия, они не признавали его выразителем интересов казахского народа, а считали вождем национальной буржуазии, начавшей формироваться в самостоятельный класс в Казахстане в конце XIX века.

Тенденциозная и искаженная оценка творчества Абая алашордынцами была поддержана отдельными деятелями культуры в 30-е годы. Например, Г. Тогжанов в своих статьях, опубликованных в периодических изданиях тех лет, а также в книге «Абай», изданной в Казани в 1935 году, утверждал, что по своим политическим взглядам и классовым стремлениям поэт был «родоначальником националистов Алихановых», что его идейные убеждения ни в чем не отличались от идеологии националистов, что он был вожаком поэтов-националистов.

Книгу Г. Тогжанова на страницах газеты «Казахстанская правда» подверг резкой критике С. Муканов. В его статье «Попытка зачислить Абая в алашордынцы» была

¹ И. Кабулов. Философия казахского поэта Абая и ее критика. «Советская степь», 1928, 2 августа.

¹ И. Кабулов. Философия казахского поэта Абая и ее критика. — «Советская степь», 1928, 2 августа.

дана в целом верная оценка поэтического наследия Абая Кунанбаева. Автор статьи раскритиковал попытки алаш-ордынцев и отдельных деятелей культуры (в том числе Г. Тогжанова) представить Абая поэтом-идеологом Алаш-орды. «Абай Кунанбаев, — писал С. Муканов, — крупнейший поэт-классик, основоположник казахской письменной поэзии и литературного языка. Его литературное наследство представляет для нас огромное богатство, именно поэтому казахский народ признает Абая своим национальным поэтом»¹.

С. Муканов, говоря о роли Абая в развитии казахской культуры, особо подчеркнул, что «нельзя отдать Абая националистам». В то же время он делает вывод о том, что Абая «не нужно и идеализировать, а нужно критически осваивать его богатое наследство»².

Словом, было бы ошибочно сатирическую направленность поэзии Абая считать проявлением его протеста против новых общественных сдвигов в жизни патриархального казахского аула. Сатира Абая выносит приговор всему гнусному в современной ему жизни казахского общества. Его смех, его поэтический сарказм направлены против социального зла и его носителей. В его стихах найдла отражение боль его сердца за свой народ, который он призывал к труду, к освоению знаний и завоеваний культуры. Лишь у образованного народа, считал Абай, есть будущее.

Заслуга Абая состоит в том, что он впервые в казахской литературе создал отрицательный обобщающий образ представителя местной власти — волостного управителя. Для простого народа не было выше чина, чем должность волостного. Не случайно к этой теме Абай возвращался неоднократно. В стихотворении «Управитель начальству рад» в ироническом ключе показывается взаимоотношение волостного управителя с высшим начальством. За свою угодливую службу, щедрые взятки волостной управитель удостоивается похвалы начальника, а для лилоблюда и карьериста нет большей награды и большей чести:

Управитель начальству рад,
Он не может от счастья вздохнуть,

¹ С. Муканов. Попытка зачислить Абая в алашордынцы, — «Казахстанская правда», 1936, 22 октября.

² Там же.

Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь.¹

От похвал начальства волостной управитель бесконечно счастлив, радуется, но не понимает, что «не вечно в почете тот, кто начальству дорог и мил».

Поэт сравнивает волостного управителя, который радуется подачкам, с ребенком, получившим сладости, или с девушкой, которая готова подолгу забавляться с ненужной побрякушкой.

Но возможно ль таким путем
Стать других умней и знатней?
Вудь подальше, коль ты с умом,
От тщеславных пустых людей.²

Гнев охватывает поэта за поступки волостного управителя. Поэт сравнивает волостного с грязным животным:

Что ж! Свинья — это лишь свинья!
Не страшись покаяний злых.
Гордецов как исправлю я?
Лишь наука наставит их.³

В этом, как и некоторых других стихотворениях, Абай едко высмеивает мелкий карьеризм, тупость, ограниченность ума, приземленность души, довольствование лишь однодневным мнимым благополучием сильных мира сего. Останавливая внимание на отрицательных чертах характера волостного управителя, он указывает единственный способ исправления его нравственного облика — это приобщение к образованию. По мнению поэта, лишь с помощью науки можно перевоспитать волостного и ему подобных. Просветительский характер творчества Абая дает о себе знать и в этом стихотворении.

Абай понимал, что отрицательные качества людей не являются врожденными, а обуславливаются социальными условиями их жизни. Не сама природа человека, а общественная среда формирует у личности те или иные негативные черты характера. С изменением общественно-экономических отношений общественной среды устраняются и причины, формирующие те или иные нормы морали.

Общественно-политическая, экономическая жизнь ка-

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 96.

² Там же, стр. 96.

³ Там же, стр. 66—67.

захского аула XIX века порождала немало отрицательного в сознании людей, в частности, способствовала развитию индивидуализма, стяжательства, стремления к наживе, лицемерия, взяточничества, скверности, жадности. И это еще далеко не полный перечень отрицательных качеств людей, которые Абай Кунанбаев критиковал в своих стихах.

Общественная система классово-антагонистического общества извращает нравы людей, способствует моральному разложению и притуплению гуманных чувств людей, пестует склонность словчить, перехитрить другого, любить ценой нажить богатство.

Вот и старость... Сверхиться мечтам не дано!
Поколение новое вижу. Оно
Научилось ловчить, но не хочет трудиться,
И повсюду стяжательство только одно¹.

В стихах Абая гнев и возмущение всякого рода приспосабливаются переключаются с тревожной за судьбу народа, он осуждает эпоху, которая разлагающе действует на личность, попирает человеческую мораль:

Сын отца предаёт, брата старшего — брат.
Этой жизни собачей, кто может быть рад?
Те, кто совестью из-за наживы торгует,
Будьте прокляты! Беды вас пусть поразят.

Абай верно передаёт хищническую мораль антагонистического общества, где человек человеку волк:

Все — родня и чужие — теперь на ножах.
Все друг друга преследуют, злоба в сердцах.

Эту мысль он углубляет в другом стихотворении «Бай живет и охраняет свой скот». Абай описывает здесь неспокойную жизнь кое-кого из соплеменников. Одни заняты спекуляцией — куплей-продажей, другие строчат доносы, третьи готовы на подлость.

Чтобы честного человека травить,
Наготове любой держит злого пса².

Власти не могут навести порядок, зло все глубже пускает корни в душах людей, безнравственным становится человек из-за стремления к выгоде: «Люди нынче идут лишь путем воровства», «Не печалится только не-

вежда да плут, видя страшный разброд, хвастуны-болтуны не стесняются старших, клеветуют и лгут»¹.

Беззаконие властвует в казахской степи.

Не справляются власти — где им управлять,
Коль не могут смутьянов-врагов обуздать...
А воры с каждым днем наглели и наглели,
И никто их не смеет сдерживать, покарать.
Ближний ближнему яму копает тайком,
Человек только недруга видит в другом.
Будь то сват или друг, или даже жена —
Постоянства и верности нету ни в ком².

Абай ясно видит недуги, порождаемые самой жизнью. Поэт отвергает все то, что препятствует прогрессу, но правильного пути нравственного оздоровления общества, человеческой психологии он не видит.

По мнению Абая, царская власть и поддерживаемая ею несправедливость в степи порождают все пороки общества, способствуют формированию аморальных качеств у людей. Чувство индивидуализма, выпячивание своего личного интереса в ущерб другим, жажда обогащения в эксплуататорском обществе возникают потому, что люди не верят в завтрашний день. Боязнь оказаться за бортом жизни вынуждает их быть эгоистами.

«Эгоизм, как и все другие принципы нравственности, порожден в конечном счете», — писал Э. Петров в своей книге «Эгоизм», — социально-экономическими условиями антагонистической формации... При котором личная польза, выгода доминирует над всеми ее стремлениями, а сама личность заботится только о себе и совершенно не интересуется другими»³.

Абай в своих произведениях, с негодованием указывая на множество язв, укоренившихся в жизни казахского аула, призывает народ освободиться от мерзких болезней, порочащих высокое имя человека и калечащих души людей. Поэт замечает:

И писал я не о ком-то, а о многих
Умный друг уразумет мой удар⁴.

Поэт-мыслитель будущего народа всегда тесно связывал с воспитанием молодого поколения. Завтрашняя

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 45.

² Там же, стр. 46, 49.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 50.

² Там же, стр. 50—51.

³ Э. Ф. Петров. Эгоизм. Философско-этический очерк. М., 1969, стр. 36.

⁴ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 59.

судьба народа зависит от того, какой воспитают молодежь сегодня, считал поэт, часто обращавшийся в своих стихах к молодежи — будущему общества. Его огорчала неадаптивность, приземленность, пассивность молодежи, ее равнодушие к знаниям, склонность к лени и легкому, праздному образу жизни. И напротив, вызывали радость в его сердце новые явления в казахской степи, как, например, то, что в интернате казахские дети стали обучаться русской грамоте. Сам этот факт для поэта весьма знаменателен. Но его волнует и тревожит качество учебы... Многие родители отдают детей учиться не для приобретения знаний и приобщения к культуре, а лишь для освоения навыков письма, с тем, чтобы легче писать жалобы и доносы на русском языке, мстить личным врагам. Абай, поддерживая первые опыты обучения русской грамоте детей казахов, предостерегает их от использования знания русского языка только для того, чтобы писать прошения:

О, невежды! Что для вас
Салтыков или Толстой?
Вам бы только — в адвокаты,
Лев Толстой — вам звук пустой¹.

Он обращается к молодежи, призывая ее придерживаться правильного жизненного пути, ведущего к народу:

Не ищи мундир военный,
Шитый золотом галуш.
Не играй фальшиво грудью —
Ты ж не вздорный говорун!

И начальникам уездным
Подхалимски не служи:
Честный вывести не сможет
Этой подлости и лжи.

Если ж ты правдив и честен,
То к народу путь найдешь,
И тогда тебя минует
На пути обман и ложь².

Абай, искренне любя свой народ, всегда старался поэтическими средствами доказать бесперспективность для человека легкого пути наживы без труда:

Ленив, несдержан и бесстыж,
Прожорлив, все грабастать рад,—

Вот казах, что в свой народ
Несет несчастья и разлад.
Зол он даже на родных
И жлет из зависти про них...!

Нередко Абай видел множество отрицательных качеств в одном индивидуе, как, скажем, ленивом, несдержанном, бесстыдном, прожорливом человеке. К советам других такой остается глух, всех обманом сбивает с толку. Не нажив добра трудом, он довольствуется лишь подачками. Забывает о мужском достоинстве, ведя паразитический образ жизни и став дармоедом в семье. Жлет на всех потоки клеветы. Он способен предать друга, в ходу у него ложь и обман.

Я все сказал — иного нет,
Кривды тут ни слова нет.
Вдумайтесь... С народом так
Дело нынче обстоит³.

Показывая негативные стороны современной ему жизни казахского аула, поэт воссоздает истинную картину бытия народа в период перехода от феодально-патриархальной системы к капиталистической стадии общественного развития. Критическое отношение Абая Кунанбаева к отрицательным моментам в жизни казахов отнюдь не означает его неприязни к родному народу. Напротив, только беспредельная любовь к нему, беспокойство о его будущем, о его счастье заставляли поэта безжалостно вскрывать извык общества, обличать пороки людей. «А если бы не любил,— писал об отношении к своему народу Абай,— то не разговаривал бы с сородичами, не советовался, не доверял бы им свои сокровенные мысли. Просто не мог бы общаться с ними, и не было бы мне дела до того, что среди них происходит. Отключал бы, чтоб с глаз долой»³.

Им владела лишь одна мысль — служить своему народу, пробуждать его национальное и социальное самосознание, чувство собственного достоинства. Он стремился поднять образовательный и культурный потенциал казахского народа до уровня цивилизованных народов.

Критическая направленность его поэзии исходит именно из благих намерений, из глубокого осознания

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 66—67.

² Там же, стр. 67.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 71.

² Там же, стр. 73.

³ Абай. Слова наизадания. Алма-Ата, 1970, стр. 21.

поэтом своего гражданского долга перед казахским народом.

Не случайно тема судьбы молодежи, проблема нравственного совершенствования людей занимают в творчестве Абая Кунанбаева центральное место. Поэт ясно понимал, что будущее народа зависит от сегодняшней молодежи, от ее воспитания, культуры, образовательного уровня, гражданской и интеллектуальной зрелости. Он не мог оставаться равнодушным, когда видел, что молодежь, в силу сложившихся обстоятельств не стремится к достижениям науки и культуры. Поэта волнует, что казахская молодежь остается в стороне от культурной жизни, довольствуется аульными распрями, узки и ограничены ее интересы.

Чванство, хвастовство,
Пьянство, мотовство —
Вот их жизни беспутной цель.
Мысли ищущей глубина
Никому из них не нужна¹.

Молодежь, не преследующая высоких целей, находится в плену мелких мыслей, узкожитейских интриг, бесплодного времяпровождения. Поэт в своих стихах стремился правильно ориентировать молодежь, давая советы поучительного, назидательного, а иногда и сатирического содержания.

У беззаботных молодых людей одно на уме: «Модное платье, да конь аргамак... чтоб лететь напоказ». Годы пролетают у поколения конях бесцельно. И это тревожит поэта:

Эпохи мрачной молодежи...
У ней согласия не найдешь:
За лазухой держат камень.
И друг на друга точат нож.
Не зная удержу, живут
И честь и совесть продают.
Лишь на словах всего достигли, —
Бахвалась, презируют труд².

За безжалостными упреками поэта кроется истинно гражданское беспокойство, глубокая боль за молодые судьбы:

Нет жизни у меня в груди...
Я все твержу одно и то же:

«Не верь друзьям, измены жди...»
За что мне это все, о боже!»

Хотя порой в поэзии Абая и слышатся нотки пессимизма, но все же он не устает будить сознание людей призывом предостерегаться от дурных поступков:

Когда же тяжбу заведешь —
Идешь обходными путями,
Но, для другого вырыв аму,
Сам в эту аму попадешь.

И в этом заключается огромное человеколюбие и гуманизм его поэзии. Абай не искал в жизни покоя. Он неустанно учил своих современников, соплеменников жить по-человечески. И на этом пути немало он тратил энергии и сил. Кропотливый труд поэта, связанный с духовным оздоровлением общественной атмосферы, направленный на благо народа, не находит поддержки в массах. В старости Абай чувствует себя одиноким, жалуется на печальную судьбу:

Аргынан и найманцам, тем
Мои слова — родник живой,
А для сородичей моих
Их вещей смысл — лишь звук пустой.

Поэт продолжает эту мысль в другом стихотворении:

Один пропустит все мимо ушей,
Другой проникнет в смысл твоих речей.
Есть и такой, кто понимает слово,
Но истолкует к выгоде своей³.

Возмущаясь людскими пороками, Абай иногда чувствовал, то у него не хватает сил что-либо изменить, и грусть одолевала его — «боль в груди сильна, и слеза солона». Абай признавался:

На склоне лет
Не мил мне свет,
Устала душа моя
От грязи всей,
Измен друзей,
Кому доверялся я⁴.

Эта мысль глубже развивается поэтом в стихотворении «Дорогой долгой жизни водила». Здесь автор делает экскурс в прошитое: «Я шел путями бытия, с неведомыми боролся я...», «Пусть слушает в ком сердце есть! Душа все

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 100.

² Там же, стр. 139, 141.

³ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 79.

⁴ Там же, стр. 55, 58, 89.

⁵ Там же, стр. 125.

выплакать готова», «Но слушатель мой слишком глух — судьба такими наделила», «Создатель был ко мне суров, всю жизнь терплю от подлецов», «И знаешь ты, на что решиться? А жизнь трудней день ото дня...»¹.

Поэт, посвятивший всю свою сознательную жизнь служению народу, сталкиваясь с равнодушием и непониманием, не мог понять — почему же его поэтические призывы не доходят до цели. Абай не до конца осознавал, что консерватизм казахских крестьян закономерен. Г. Шляхтенко и С. Шляхтенко в статье «Проблема потребностей и всестороннее развитие личности в системе коммунистического воспитания», говоря о зависимости формирования потребностей и их распространения от культурного уровня той или иной группы населения, степени ее изолированности от господствующих традиций, справедливо выделяют особый консерватизм крепостных крестьян, их недоверие ко всему новому. «Забитость, невежество, господство предрассудков, изолированность существования, — пишут авторы, — порождали консерватизм в их привычках»².

Действительно, в условиях экономической, политической и культурной отсталости казахских крестьян, в силу объективных условий они были склонны к консерватизму, невосприимчивы прогрессивных идей, и в том числе идей, провозглашаемых Абаем Кунанбаевым. Поэт, не вникая глубоко в суть социальной пассивности своего народа, не понимал причины его консерватизма и духовной приземленности. Эти черты самосознания масс он представлял не как результат исторической обусловленности, а как свойства мировоззрения, присущие лишь казахскому народу:

О казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь — на правой щеке, на левой — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет.
Ты и с виду неплох, и числом велик.
Почему же обманчив твой лик?³

Абай не до конца разобрался в сущности психологии народа, но язы и пороки общества он определил точно, заклеил мастерски. Сатира его всегда метко поражала

намеченную цель, часто вызывая у читателя саркастический смех — смех жизнеутверждающий и изобличающий. «Всякое комическое, — писал П. Георгиевский в своем труде «Введение в эстетику», — должно казаться смешным, но не всякое смешное есть вместе и комическое. Комическое стихотворение не есть смешное стихотворение, но представляет предмет смешным... Смех есть один из благодетельных даров природы. В противном случае мы не могли бы перенести всех глупостей»⁴.

Абай Кунанбаев, как уже говорилось, ценил только умный смех, глупый смех не был в почете у поэта. Он осуждал бессмысленную болтовню и недоброе шутовство:

Джигиты, дорог смех, не шутовство,
Не сходящий внешний вид и естество.
Но если кто-то от души смеется,
То искренности верь, любви его⁵.

Искренний смех, несущий в себе определенную смысловую идейную нагрузку, был присущ самой природе поэзии Абая. «Давно замечено, что смех подобен опьянению, — писал поэт. — ...Беспечность приводит к разорению, оскудению ума и неблагоприятным поступкам. Думаю, что люди, которые предаются глупому смеху, бывают одинаково нечестны и на этом и на том свете»⁶. Дальше Абай рассматривает случаи, когда человек смеется. «Вы увидели несчастье, и пусть ваш смех будет горьким. Горький смех всегда короток».

Смех бывает и радостным. Когда видите хорошее дело рук человеческих, тогда, пожалуйста, смейтесь от радости. «Смысл содеянного этим человеком сам определит, сколько вы будете смеяться»⁷, — пишет Абай.

Действительно, смех смеху рознь. Абай отличал серьезный смех от зубоскальства, деланного, искусственно вызываемого шутовского смеха. «Сатира в казахскую поэзию пришла с Абаем, — подчеркивал известный казахский писатель, Герой Социалистического Труда Г. Мусрепов. — Истоки абаевской сатиры исходят от Салтыкова, Некрасова. Поэт-реалист Абай созвучен с реалистом Пушкиным, мстительный Абай созвучен с

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 128—129.

² Проблемы исторического материализма, вып. I. Л., 1971, стр. 91.

³ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 48.

⁴ Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, в 2-х томах, т. I. М., 1974, стр. 255—256.

⁵ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 55.

⁶ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 13.

⁷ Там же, стр. 14.

бунтарским Лермонтовым»¹. Сатира Абая берет свое начало от классической русской литературы XIX века, поэтому ее социально-политическая направленность предопределялась развитыми реалистическими традициями. Поэт огнем сатиры поражает и пороки общественно-политического строя, и разлагающиеся нравы людей, и чисто человеческие слабости. В разоблачении недостатков различного рода Абай применяет разнообразные приемы, литературные формы и средства.

Для очень многих поэтических творений Абая Кунанбаева присущи критическая направленность и социальная заостренность. Но не всегда эта критика равнозначна по силе обличения. В ряде стихотворений, высмеивающих недостатки и слабости человека, негативные моменты в его характере, Абай не становится на путь сурового обличения. Осуждая нравы людей, отрицательные черты сознания, присущие народу, поэт в то же время исходит из чувства искреннего уважения, человеческого симпатии к объекту своей критики. В стихотворениях поэта «К Шарипу», «К Абралы», «К Жаксылыку», «Кожебаю», «Назару», «Асету», «Женщине-брюнетке», «К Рахимшалу», «К Баймагамбету от жены», «Масакбай и его жена», «Кыздару», Дуйсенкулу», «Разаку», «Габидулле», «Дутбаю» и других иронический смех и теплый юмор переплетаются с симпатией, душевной болью, стремлением исцелить людей от социальных язв. В этих болезнях Абай винит не самих людей, а жалкие условия их существования.

Многие стихотворения Абая насыщены злым, бичующим смехом, острой сатирой. «Кулембаю», «Управителю начальству рад», «Звереет бай», «Он не думает, не видит», «Хвастун наглец», «Голодное брюхо, чем хочешь лабей», «Когда баран войдет в ручей, воде жирней не стать», «Стяжательно одно лишь душу тешит — скот», «На базар, гляжу я, едет млад и стар», «Разрознен мой родной народ», «Я вырастил пса и щенка» и другие стихотворения наполнены глубокой социальной неудовлетворенностью, протестом, здесь поэт выносит злу осуждающий приговор.

Реалистически тонко подмечая мерзость, развратность, невежество, лень, тупоумие, непостоянство, па-

разитизм, порождавшиеся бытом казахского аула XIX века, Абай по-своему попытался исправить их огнем сатиры, надеясь на духовное перерождение своего народа. Он неустанно призывал народ к просвещению, подчеркивал важность приобщения к богатой культуре России. Но добрые пожелания Абая не всегда находили в массах поддержку и одобрение:

Им слиток золота даю,
Но только знаю я, что им
Он медью кажется простой¹.

Смысл и глубина мудрой поэзии Абая не всегда находили путь к сердцу народа. В силу сплошной неграмотности и заботности, определенная часть народа проявляла пассивность в восприятии поэтических призывов Абая Кунанбаева.

В одних произведениях Абая Кунанбаева преобладают теплый юмор, в других — язвительный сарказм. Но всегда, и когда он клеймил социальное зло, и когда остро бичевал отрицательное в человеческом поведении, им не руководило чувство неприязни, неуважения к своему народу, а наоборот — всегда брало верх чувство любви и преданности ему. Он презрительно относился к отдельным носителям социального зла, и при этом старался способствовать утверждению и закреплению всего положительного, прогрессивного в жизни.

Смешное, комическое, сатирическое в произведениях Абая — качественно новое явление в казахской литературе, но сатира поэта уходит корнями в народное творчество. История казахского народа знает немало образцов художественных творений комедийного плана. Персонажи народных сказок, бытовых и героических эпосов являл собой примеры находчивости, остроумия, ловкости, оригинальности мышления. Рассказы и легенды, связанные с именами Жиренше, Алдар-Косе, пользуются большой популярностью в массах, которые высоко ценят и почитают это художественное наследие прошлого, как бесценное сокровище, сентезирующее думы и чаяния всего казахского народа. Алдар-Косе и Жиренше представляют собой совокупные собирательные образы — образцы народной мудрости. В них народ видел защитников своих интересов, их устами народ беспощад-

¹ Г. Мусрепов. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4. Алма-Ата, 1976, стр. 207 (на каз. яз.).

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 58.

но бичевал представителей угнетающего класса, их звериные нравы, жестокость, жадность, тупость, нравственную извращенность. Широко распространены среди казахского народа, народов Средней Азии легенды и рассказы, связанные с их именами.

Абай, как поэт-сатирик, формировался и под непосредственным воздействием лучших образцов народного творчества, и под влиянием русских классиков XIX века — И. А. Крылова, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Сатира в эксплуататорском обществе была направлена против социальных язв, против несправедливости, ханжества, морального разложения, против общественно-политического строя, порождающего все эти отвратительные явления. Абай беспощадно клеймил пороком тупость, корыстолюбие, леность, темноту, паразитизм привилегированного класса, глубоко укоренившиеся в казахском феодальном обществе.

Сатира Абая носила осуждающий социальную несправедливость характер.

Критическая направленность казахской литературы, плодотворно обогащенная Абаем, в последующем получила дальнейшее развитие. Сатира Абая рельефно представляла гнилость и гнусность общественного строя царского самодержавия, закабалившего эксплуатируемый народ. Сатирические образы, созданные поэтом, служили нарицательными символами отживающего свой век старого мира. Сатирические жанры в казахской советской литературе своим формированием обязаны Абаю. Отточенная поэтическая форма, филигранность языка, типичность комедийных образов — все это перенималось и развивалось дальше последователями Абая в казахской советской литературе.

Традиции Абая были продолжены в первые годы Советской власти С. Сейфуллиным, С. Донентаевым, И. Джансугуровым, Б. Майлиным, в тридцатые годы — Г. Мусреповым, А. Тажибеевым, Д. Еркимбековым, К. Тайшиковым, Ж. Тлепбергеновым, А. Токмагамбетовым, в сороковые годы — С. Тулешевым, Ж. Алтайбаевым, в пятидесятые-шестидесятые — К. Мухамеджановым, С. Адамбековым, К. Тогузакановым, О. Аубакировым, В. Кыдырбекулы, Ш. Смаханулы, Г. Кабышевым, О. Иманалиевым и другими. Сатирические произведения казахских советских писателей, бичующие негативные стороны общественной жизни и пережитки прошлого в

сознании отдельных людей, мешающие строительству коммунистического общества в нашей стране, значительно дополняют и обогащают сатирическое наследие Абая Кунанбаева. Например, прозе известного казахского писателя Г. Мусрепова свойственны теплый юмор и чуткая ирония, эти качества присущи даже его трагедиям. В трагедии Г. Мусрепова «Ахан серы — Актоткы» в одной из сцен раскрывается психология отца героини трагедии девушки Актоткы — Конкай. Конкай — бедный старик, он беспредельно радуется, когда узнает, что к его дочери Актоткы сватается высокопоставленный аульный мурза Жалмухан. Радостное состояние беспомощного, недалекого старика Конкай вызывает у зрителей сочувственный смех.

Сатира казахских советских писателей, являющихся продолжателями абаевских традиций в развитии критической направленности литературы, естественно, ориентирована не против социального строя, а против имеющих недостатки и упущений в жизни советского общества, против пережитков прошлого в сознании отдельных людей. Словом, сатира советских писателей носит характер доброжелательный, профилактический, она способствует быстрейшему искоренению недостатков и тем самым помогает успешному строительству коммунистического общества в нашей стране.

Недостатки и упущения, встречающиеся порой в нашем обществе, — бюрократизм, волокита, неорганизованность, мешанство, пьянство — не являются порождениями социализма. Советский общественный строй не имеет социальных основ для их существования. Но тем не менее преодоление этих и других пережитков, имеющих давние корни, требует длительной и кропотливой работы. В этом плане Коммунистическая партия и Советское государство проводят большую конструктивную работу по усилению роли субъективных факторов в воспитании высокой сознательности советских людей. Уже сегодня налицо значительные перемены и сдвиги в коммунистическом воспитании трудящихся. «...Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия, — по словам Л. И. Брежнева, — это советский человек... Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять. Это — человек, который, будучи горячим па-

триотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом»¹.

Коммунистическая партия придает большое значение критике и самокритике, как одной из движущих сил нашего общества, постоянно расширяет социалистическую демократию, совершенствованию которой всемерно способствует новая Конституция СССР — Основной Закон нашей страны.

Центральный Комитет партии следит за состоянием критики и самокритики в жизни советского общества, ибо рассматривает ее как необходимое и действенное средство устранения имеющихся недостатков. Подвергать принципиальной критике, — как подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации», — необходимо все, что мешает коммунистическому строительству, — бюрократизм, волокитизм, местничество, привычку к устаревшим приемам и методам работы². Вместе с тем ЦК КПСС обратил внимание на недопустимость того, «чтобы критика подменялась демагогией и очернительством», особо подчеркнув, что ценность ее «определяется не резкостью выражений, а правдивостью, доказательностью, общественной значимостью поднятых вопросов»³.

Советская сатира, верная своим реалистическим традициям, достойно служила и будет служить построению коммунистического общества в нашей стране, способствуя укреплению советского строя, утверждению коммунистических идеалов.

4. ТРАГИЧЕСКОЕ — КАК ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Трагическое в искусстве, как явление эстетическое, носит общественный характер. Оно сопряжено с человеческой жизнью, с взаимоотношениями людей между собой и с природой. Причины, порождающие трагизм, непосредственно связаны с активной деятельностью человека по преобразованию природы и общественной

жизни. Трагическое проявляется там, где вступает в конфликт идеальное и реальное.

Трагедия всегда носит индивидуальный и общественный характер. Но личное только тогда превращается в трагическое, когда оно приобретает общественную значимость, так как в основе трагического лежат специфические общественные противоречия, дисгармония в жизни.

Как известно, в мировом искусстве создано немало замечательных образцов произведений трагического жанра. Еще Аристофан и Аристотель говорили об общественной значимости трагедии. В своей «Поэтике» Аристотель одной из основных задач трагедии считал очищение души человека через сострадание и страх от различных пороков, недостатков, называя такое явление катарсисом.

Кант трагическое связывал с чувством возвышенного. «В трагедии, — писал он, — перед нами выступает великодушное самопожертвование для блага других, отважная решимость в опасностях и испытанная верность. Любовь там проявляется при этом с оттенком грусти, нежности и высокого уважения, несчастье же других пробуждает в груди зрителя ощущение сочувствия и заставляет его великодушное сердце биться от волнения при виде чужой беды. Он тронут и чувствует достоинство своей собственной природы»¹.

По-своему попытаться объяснить природу трагического Гегель. Говоря о трагических героях, он наделял их какой-то божественной силой. И хотя, по мысли Гегеля, трагические герои терпят поражение, они остаются внутренне свободными. «Человек, потерпевший поражение от судьбы, — пишет Гегель, — может потерять свою жизнь, но не свободу. Эта внутренняя независимость и делает возможным для трагического героя сохранять и проявлять безмятежную ясность даже в самом страдании»².

Гегель верно отграничил трагическое от пессимистического состояния человека. Причину пессимизма, томления, уныния он искал в самой природе человека. «Страстное томление, — писал Гегель, — есть лишь чувство ничтожности пустого, праздного субъекта, которому не

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5. М., 1976, стр. 548.

² См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, т. 11. М., 1978, стр. 534—535.

³ Там же, стр. 534.

¹ И. Кант. Соч. в 2-х томах, т. 2. М., 1940, стр. 180.

² Гегель. Соч., т. XII, кн. 1, М., 1938, стр. 161.

хватает силы избавиться от этой праздности и наполнить себя субстанциальным содержанием»¹.

А природу трагического Гегель видел в непримиримом конфликте между объективными обстоятельствами жизни и человеческой личностью. Гегель утверждал, что в трагическом виноваты сами люди. Они борются, сталкиваются с объективным ходом общественного развития, и в этом столкновении погибают. Эта гибель неизбежна. Причиной их трагического конца является трагическая вина. На такие поступки способны лишь благородные люди — аристократы, считал Гегель. Простой народ, по его мысли, не способен осознать трагическое.

В противовес взглядам Гегеля Н. Г. Чернышевский отвергал теорию о «трагической вине» человека. Корни трагического он видел в жизненных условиях простого народа. Его горе и страдания, изнурительный быт, по мнению русского революционера-демократа, и составляют содержание истинно трагического.

Чернышевский возможность устранения трагического видел в изменении условий, порождающих несчастья, горе, печаль, смерть. Но антропологизм в его философских взглядах все же давал себя знать в трактовке природы трагического. Трагические коллизии и ситуации Чернышевский рассматривал как выражение случайного в жизни, как результат отступления от естественного хода вещей.

Эстетическая мысль, и до Маркса утверждавшая, что трагическое явление исходит из самой жизни, не могла правильно оценить природу социальных обстоятельств и условий, порождающих трагическое.

С классовой точки зрения подошел к раскрытию природы трагизма марксизм-ленинизм. «Трагическая коллизия... — писал Ф. Энгельс, — между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления»².

Материалисты видели причину трагедии в противоречиях жизни, идеалисты — в фатуме, роке, в фатальной судьбе человека, которая от него не зависит.

Правильно понимал сущность трагического в жизни Абай, хотя он и не писал произведений собственно трагического жанра.

И все же тема трагизма пронизывает многие его творения. Поэт верно подмечал истоки народной трагедии. Сама среда, окружающая Абая, была полна трагизма: тяжелая жизнь народа, его несчастья и отсталость, порождаемые феодально-патриархальными традициями, бесправная судьба женщин Востока, мракобесие, социальная несправедливость — вот далеко не полный перечень трагических явлений, характерных для того времени. И подобные тенденции общественной жизни не могли остаться незамеченными поэтом-мыслителем.

История казахского народа издавна была полна лишений, мук, страданий. Жизненный трагизм народно-го бытия отражался через художественное сознание — в устном казахском народном творчестве.

В героических и лирических эпосах народ выражал свои думы и чаяния, стремление к светлой жизни, свои идеалы. В них часто отображалась горькая женская участь, незавидная доля несчастных казахских девушек. В народных эпосах «Козы-Корпеш—Баян-сулу», «Кыз-Жибек», «Енлик-Кебек», «Мунлик-Зарлык», «Айман-Шолпан», «Бозжигит», «Тахир и Зухра», «Сейфулмулюк», «Джусуп и Злиха» и других воспевается чистая любовь молодых, их борьба за справедливость, свободу, за свое чувство. В некоторых из произведений выражается народная скорбь о безвинно пролитой в междоусобных войнах крови, осуждается насилие, межплеменная вражда, приносящие большое горе простым людям.

Героические и любовные эпосы, множество высокопоэтических поминальных песен, песен-плачей, свадебных песен, сказок, легенд — это прекрасный мир образов, созданных безымянными поэтами, точно передававшими пульс народной жизни, ее радости, печали и тревоги.

«Бозжигит» — широко известная среди казахов, узбеков, башкир, татар поэма. В ней повествуется о трагической любви девушки и джигита. Бозжигиту во сне видится прекрасная девушка, и он пылко влюбляется в нее. Получив согласие родителей, он со своим верным другом уходит в дальний путь, чтобы найти возлюбленную. Преодолев неимоверные препятствия, джигит попадает в страну, где живет девушка, привидевшаяся ему во сне. Бозжигит встречается с ней — с любимой Карашаш. Она отвечает ему взаимностью. Узнав об этом, отец девушки старается помешать соединению молодых сер-

¹ Гегель. Соч., т. XII, кн. 1. М., 1938, стр. 71.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, т. 1. М., 1967, стр. 25.

дец. Он не только запрещает брачный союз между ними, но и вероломно убивает жениха.

Такое горе девушка вынести не может. Для нее в этом мире уже не остается ничего светлого. Не нужны ей ни роскошь, ни богатства. Она отвергает знатных женихов, презирая безжалостного отца, поднявшего руку на высокое человеческое чувство. На могиле джигита девушка сооружает мавзолей и после этого пронзает свое сердце кинжалом. Оттосковала, отмучилась ее любящая душа.

Друг Бозжигита возвращается домой. Его встречают родители Бозжигита. Но друг покойного не смог сказать им всей правды, он сообщил, что Бозжигит нашел свою возлюбленную и скоро вернется, что нужно готовиться к свадьбе. И приготовления начались. Тем временем друг Бозжигита, отыскав мудрого импровизатора-акына, просит его помочь открыть родителям Бозжигита правду о их сыне. Мудрый акын прибегает к силе поэзии и, чтобы удар не оказался слишком тяжким для отца и матери, свою утешительную песенную речь он начинает издали. Он поет о бренности жизни, о том, что и цари скончатся с трона, богатыри, погибая, оставляют о себе славу, а люди, умирая, след на земле... Никто на этом свете не может остаться навсегда. Услышав песню, отец джигита начинает понимать иносказательный ее смысл, догадывается, что поэтическое вступление — это своего рода старание импровизатора подготовить родителей к страшной вести о горькой утрате.

Акын мой, не плох твой стих сегодня,
Но ты вещаешь о какой-то смерти непонятной,—

обращается отец к певцу. Акын оповещает хана о смерти сына:

Кто не ушел из этой жизни,
Ушел от нас и нищий,
Ушел из жизни одаренный,
Ушел из нее и бедный,
Ушел также и печальный,
Ушел от нее богатый.
Отец твой — черная земля,
Мать твою — черная земля.
Будущее твое место пребывания — земля...
Сегодня приснилось мне:
Сын ваш, кажется,
Туже покинул жизнь.
Мой хан, послушайте меня:

Будьте крепки и терпеливы.
Божескому предначертанию
Будьте готовы, внимайте ему,
Хладнокровие теперь проявите!

То, что невероятно трудно передать простыми словами, акын передает посредством поэтического искусства, смягчив печальную весть. В поэме ярко выражена сила поэзии, сила психологического воздействия на людей художественного слова.

Казахский народ свою печаль и горе нередко выражал посредством легендарного образа Асана-Кайгы (Асана-горемыки, Асана-печальника). Неизвестно когда жил, творил и существовал ли вообще этот добрый старец Асан, якобы скитавшийся по бескрайней казахской степи, чтобы отыскать обетованный край для своего народа. Не нашел мудрый горемыка райской земли, и потому все печали и огорчения, мечты и надежды свои и людские он, как гласит предания, выражал через поэзию.

«Без ног, без рук все как будет существовать? Без хвоста, без гривы кулан как будет жить? Без единства, без цели как будет дышать мой народ?» — предается Асан-печальник тяжелым думам о жизни своего народа. Трагична судьба Асана-Кайгы.

«Что ж, — сказал акын-горькоуст, —
Труд мой напрасен, коржун мой пуст...
Станем-ка рыскать, песня моя,
Друг мой, горбастый мой Желма!»
Где уж не ставил своей ноги
В поисках счастья Асан-Кайгы?
В песнях верблюдицей голоса,
Чей верблюжонок волком примет,
По свету рыскал, глину меся,
Пылью покрыт с головы до пят,
Взор астребинный кизу скося —
«Где, мол, земля, чей народ богат?..»
Скудной достиг воды горькоуст:
Где ж он, цветущий желанный мыс?
Мертвенно сух надмогильный куст.
Солоно море и берег лыс...»²

В этих строках образно выражена сущность народной печали, переданной устами Асана-Кайгы. Народ извечно не знал покоя, жил в постоянном смутении, ища пути к своему счастью. Яркое выражение эта идея нашла в об-

¹ Гашик наме. Лиро-эпические поэмы на восточные сюжеты. Алма-Ата, 1976, стр. 80—81, 83 (на каз. яз.).

² «Литература и искусство Казахстана», 1939, № 7, стр. 5.

разе Асана-печальника. Его образ дополняется легендами о старике Коркыте.

Были времена, когда бунтаря Коркыта — выразителя дум и чаяний народа, считали образом человека, будто бы отстаивающего идеи пессимизма, торжества смерти над жизнью. «Мне говорили, что долгие годы угнетения могли подтолкнуть народное воображение только на этот образ безнадежности, безволия, фаталистического примирения с безнадежностью смерти», — говорил Л. Соболев, выступая на Втором съезде писателей и народных акынов Казахстана 23 июня 1939 года, — что казахский народ, по существу, всегда был смирен, фаталистичен, покорен для гнета, для смерти. Эта фальсифицированная трактовка одного из самых глубоких и прекрасных образов казахской поэзии вошла в литературу того времени. В газетах, посвященных декаде советского искусства в Москве, Коркыта поминали на все лады в том смысле, что казахский народ раньше, мол, был сугубо пессимистичен и что только после революции он научился мужеству, воле к жизни и воле к борьбе»¹.

Дальше Л. Соболев отмечал, что такая трактовка образа Коркыта вызывала у других народов Советского Союза неверное представление о том, «что казахский народ покорно кочевал в степях и покорно нес на своей спине тяжести гнета баев, никогда не боролся, никогда не протестовал. Иначе почему же мог он создать такой пессимистический образ? На первый взгляд выходит, что ведущая роль русского народа в освобождении от векового гнета как бы только подчеркивается: вот, мол, смиренный, жалкий казахский народ, народ-раб, кочевал и ждал, когда добрый дядя — русский пролетариат — сделает революцию и освободит его. Но, товарищи, сила пролетарской революции именно в том, что корни ее таятся во всех народах в самой глубине времен, с первого хозяина и первого раба. Другое дело, что русский пролетариат, как пролетариат передовой, более культурный, помог казахскому народу сбросить с себя цепи гнета»².

На неверную трактовку образа Коркыта, безусловно, оказала влияние кое-где бытовавшая ошибочная идея о том, что Октябрьская революция якобы миновала казахский аул. Отмечая эту ошибку, известный русский писа-

тель, большой друг казахской литературы Л. Соболев в легендах о Коркыте, насыщенных грустным содержанием и народной печалью, обнаружил оптимистическую идею готовности народа бороться за свое счастье, его протест против сложившихся условий бытия, его вольнолюбие.

«Коркыт в народном казахском представлении был первым человеком, — говорил Л. Соболев, — кто объявил бой смерти, первым, кто рванулся к бессмертию, первым, кто нашел это бессмертие в искусстве: видя везде и всюду неизбежность смерти, Коркыт выдолбил из дерева первый кобыз и вложил в него дух музыки. Разве этот подлинный образ Коркыта-бунтаря, Коркыта-создателя казахской музыки, Коркыта, похоронившего самую смерть, — образ пессимистический? Нет, товарищи, Коркыт казахской легенды только еще раз подтверждает все вольнолюбие казахского народа, всю поэтическую мощь его воображения, всю его волю к борьбе против гнета, насилия, смерти. Подумайте, как велик и свободолюбив был народ, который во мраке времен мог создать изумительный образ Коркыта и полюбить его долгой народной любовью, бессмертной любовью, побеждающей саму смерть. Будем гордиться такими предками и никогда никому ни дадим пачкаться зловонной грязью сияющие образы народной поэзии»¹.

Леонид Соболев верно уловил жизнеутверждающий оптимизм, неудовлетворенность социальными условиями, бунтарский дух казахского народа, трагизм жизни которого горькими словами выражал Коркыт.

Еще мальчишкой Абай не раз слышал от старших легенду о Кебеке и Енлик. С большой болью восприняло детское сердце трагический рассказ о зверской расправе над чистой любовью девушки и джигита. Молодой Кебек влюбляется в красавицу Енлик. Но она, будучи вдовой из знатного рода, была не свободна в выборе нового мужа, и потому Кебек не мог рассчитывать на ее руку. Вопреки законам шарията, джигит все же женится на красавице. Но суровые блюстители патриархальщины жестоко наказывают нарушителей суровых бесчеловечных законов. Двое любящих друг друга стали жертвами гнусных условий старого мира. Их светлая любовь, короткая трагическая жизнь обессмертились в народной памяти.

¹ «Литература и искусство Казахстана», 1939, № 7, стр. 22.

² Там же.

¹ «Литература и искусство Казахстана», 1939, № 7, стр. 22.

В народных эпосах и легендах отображались думы и чаяния масс, их борьба за свободу личности. По сути дела в произведениях народного творчества находили яркое отражение трагические явления в общественной жизни. И чаще всего этот трагизм носил оптимистический характер, выражал веру народа в будущую светлую жизнь, в торжество справедливости.

Абай, вникая в смысл произведений устного народного творчества, глубоко познал историю своего народа, полную лишений и невзгод. Он и сам с детства был свидетелем народного горя. Рано у него открылись глаза на мир, когда он начал формироваться как гражданин-гуманист, как поэт-реалист, верно познавший народные думы и чаяния.

Все это не могло не найти отражения в его творчестве. Само содержание его поэзии, факты и события, составившие основу стихотворений, определяют их трагическую направленность.

Именно таково содержание его стихотворения «Осень». В нем Абай рисует печальную картину увядающей природы, когда небо покрыто серыми тучами и густой туман висит в воздухе, обещая затяжной дождь, когда в степи давно уже завяла трава, затих веселый гомон детей, смех девушек и джигитов, когда все занято заботами о зиме. Дуют холодные ветры, а в аулах — уныние и тишина, старики и дети ежятся от первых осенних холодов.

И деревья, как нищие старики, стоят
Оголенные, листьев лишились своих¹.

Таким же неустроенным, неудобным, как и природа, воспринимается теперь и быт — условия и образ жизни народа. Неприглядность осенней природы олицетворяет собой обездоленную жизнь кочевого народа, служит фоном для отражения социально-экономической отсталости казахских аулов XIX века. Поэт умело использует описание пейзажа для отражения своего отношения к общественной жизни.

Мысли, изложенные в этом стихотворении, углубляются в другом произведении Абая «Ноябрь». Здесь детально описывается жизнь аула, воссоздается психология баев и бедняков-скотоводов. Уже чувствуется дыхание

зимы, свистят холодные ветры, но бай не торопится с кочевкой на зимовку:

Но чтоб окрестные луга до снега не топтать,
Вай держит стадо далеко от своего двора¹.

Бай не боится холодов — у него хорошая теплая юрта. Бедняку же нечем отапливаться, нет кизяка. Большая радость для его семьи, если даст богатей полмешка сухого кизяка. Бедняк мерзнет в степи, сторожа скотину бая, дети же его не могут согреться у костра, в юрте дырявой течет...

А старикам совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солища нет, и ветер воет зло...²

Отображая праздную жизнь богатеев и жизнь бедняков, полную несправедливости, Абай все же не смог увидеть социальных корней подобного неравенства в частнособственническом обществе, основанном на эксплуатации одного класса другим. Поэт только сожалеет, что нет согласия и мира между баями и бедняками. У баев нет жалости, у бедняков нет меры. О, аллах, неужели не будет согласия между ними, — печалится Абай, болея душой за угнетенных и призывая баев быть милосердными к беднякам.

Корень социального зла видит Абай в отсутствии согласия и мира между богатыми и бедными. Являясь свидетелем безвыходного положения народа, поэт призывает богатей помочь голодным беднякам. Здесь ясно видна историческая ограниченность мировоззрения Абая Кунанбаева в понимании социальных вопросов.

Сохраняющиеся вплоть до Октябрьской революции патриархально-феодалные отношения явились питательной почвой для существования межродовой борьбы в Казахстане, которая была выражением междоусобной борьбы феодалов, возглавлявших тот или иной аул, род. Эта борьба нередко выливалась в барымту — угон скота противной стороны. Пострадавшие отвечали своим противникам тем же, таким образом, взаимные угоны скота превращались в своего рода промысел, служа средством легкого и быстрого обогащения отдельных лиц. Естественно, такая порочная практика мешала экономическому прогрессу, разрушала нормальную хозяйственную жизнь казахских аулов, усиливала их взаимную вражду. Абай

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 84.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 85.

² Там же.

решительно осуждал межродовую борьбу, видел в ней подлинное несчастье народа, трагичность его положения. Указывая на пагубные последствия междоусобной борьбы, причиняющей огромный ущерб трудящимся массам, Абай писал:

На честного тысячи плутов кругом, —
Как тут в одиночку бороться со злом?
Распустиво и пьянство повсюду царят,
О дружбе, о пользе нет мысли ни в ком.

Где солнце смеялось земле и цветам, —
Осенняя сылкость и сумерки тает.
Скандалы и распри мертвят, как зима.
Раздолье — мерзавцам, разор — беднякам¹.

Абай осуждал организаторов барымты, взаимного ограбления казахских аулов. Он презирал тех, кто бесчестным путем и воровством наживает богатство. «Степь заполнили воровство и подстрекательство, — писал Абай. — ...Под стать баламутам стоящие у власти. Им уже совсем легко натравливать стойкие друг на друга и, подобно вампирам, высасывать из них кровь. Они и занимаются этим без зазрения совести. От всей этой вакханалии томятся простые люди»².

Абай с болью сердца обращается к своему народу: «Неужели нам суждено вечно быть на ножах друг с другом? Быть посмешищем в глазах всего мира?»

О сочувствии Абая к страданиям людей немало говорят и пословицы, которыми он оснащает свои назидания: «Если жить тебе полдня, запасись едой на день», «Бедному у родной отец — обуза», «Человеку скот дороже жизни», «У имущего лик светел, темен он у нищего», «Прав тот, кто владеет добычей», «Кто не почитает богача, тот отвернется и от бога», «Если голоден, скачи в дом, где идут поминки», «Не живи у озера, где нет рыбы, не живи в ауле, где не знают милосердия», «Кто уверен, что из-за скота подобные люди не оборуют даже родного отца?»³. В этих пословицах, как отмечал Абай Кунанбаев, верно отражается социально-экономическое положение казахов, чья жизнь и достаток прямо зависят от погодных условий и сохранения поголовья скота. Абай не возвеличивает богатство ради богатства, он ценит то богатство, которое добыто честным трудом. «Быстротеч-

но изобилие, достигнутое гнусными способами, — пишет он, — оно оставляет за собой лишь муки, горечь и злобу»⁴.

В труде видит Абай источник всех богатств и материальных благ. Поэтому он призывает всех честно трудиться, овладевать ремеслами. «Чтобы жить в достатке, надо учиться ремеслу. Скот гибнет от джута, а ремесло не зависит от стихийных бедствий». Поэт презирает леность, считает ее «врагом человечества», по его мысли, она «в свою очередь рождает покорность, инертность, бесстыдство и нищету»⁵. Многие отрицательные черты человека Абай правильно связывает с бездельем, пренебрежением полезным трудом:

О скоте своем нимало не заботятся они,
Честного труда не зная, носятся за днями дни.
На конях на запыленных по аулам везд вперед,
Ухмыляются довольно — мельком лишь на них взгляни⁶.

С душевной болью описывает поэт праздный образ жизни богачей, не знающих цену труда и его красоты. «Вором может стать, нищим в лохмотьях тот, — пишет он, — кто не может трудом добыть себе ничего»⁴.

Абай, возвеличивая труд и осуждая безделье, критикует и богатых и бедных за то, что они ленивы, не умеют как следует работать.

Одинаково ленивы враги и друзья,
Давно в тех и других разуверился я⁵.

Отдельные пороки людей, распространенные в казахской степи, пытается объяснить поэт необузданным воровством. Абай отмечает, что люди «нынче идут лишь путем воровства», новое поколение «научилось ловчить, но не хочет трудиться».

Поэт описывает неприглядную картину ведения хозяйства в казахском ауле:

Баи нынче трепещут за скот, стерегут
И коней не пускают на летний отгул.
Там украли, угнали, ограбили тут —
Ни веселья, ни сна, хоть кричи караул.
И торговцы не могут уже торговать:
В долг товары отдашь — барышей не собрать.

¹ Абай Кунанбаев. Собр. соч. в 1 т. Алма-Ата, 1954, стр. 52.

² Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 25—26.

³ Там же, стр. 45, 15.

⁴ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 25.

⁵ Там же, стр. 65, 103.

⁶ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 52.

⁴ Там же, стр. 64.

⁵ Там же, стр. 50.

Нет покоя и им от бесчестных людей,
Тех, что только и думают, как бы урвать...
Все на пастбища летом до срока съедают,
Из-за пастбищ и осенью люди гремят,
А зимовка — сплошные раздоры, грызня
И в хозяйстве, конечно, развал и разлад¹.

Неспокойная жизнь в казахской степи, междоусобицы губят людей, воры не дают спокойно жить, частенько угоняя табуны. Большие лишения приносит джуг, от которого гибнет зимой скот.

Причину экономического развала, хозяйственной запущенности Абай видит не в самой системе общества, а в том, что, «баи разучились пасти скот»², бедные же — вовлечены в воровство вместо честного труда. «Нужно пасти и поить стада, оберегать их от лихиходев, волков и непогоды. Для этого требуются честные и добросовестные пастухи, — пишет Абай, — а таких и днем с огнем не сыщешь. Нет, богачам тоже некогда»³. По мнению Абая, если бы баи имели добросовестных работников, то их хозяйство пошло бы в гору.

Во многих стихотворениях Абай с большим реалистическим мастерством отражает трагизм социально-экономического положения казахских крестьян, их нищету и беззащитность. Не только сам пастух, вся его семья — старые родители, жена и сыновья — омарчены печалью, подавлены нищетой. Существование семьи бедняка зависит от подачек бая, от того, проявит ли он милость или скупность, щедрость или жадность. «Бай не поможет бедняку. Зачем его жалеть?»⁴ Печальна горестная жизнь голодных бедняков. В стихотворении «Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!» глубоко раскрыта социальная трагедия казахских бедняков. Они ведут самый непритязательный образ жизни. Их постоянно страшат голод и холод.

Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизака —
Благодари скорей его, семью его и род.
Пуская над степью снеговой буран гремит опять
Ведь байский сын одет и сыт, ему тепло гулять.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 50—51.

² Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 26.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 85.

Батрачок целый день обязан быть при нем,
И со слезами на глазах убождка забавлять¹.

Умело различивает Абай различные формы эксплуатации труда взрослых и детей. Различные аспекты тяжелого экономического положения казахских крестьян-бедняков получают всестороннее отражение в стихах поэта, посвященных временам года. Картины природы и бытия людей переданы в органическом единстве, дополняя друг друга. Силой художественного слова Абай вызывает у читателя жалость и сочувствие к бедственному положению бедняков. Но верно описывая их нелегкую жизнь, поэт не смог раскрыть самую природу эксплуатации человека человеком, найти корни социального зла.

Единственным путем устранения бесчеловечных жизненных условий людей, воспитания их нравов поэт считал просвещение народа.

Абай Кунанбаев в своих произведениях правдиво показал социально-экономические условия жизни казахского аула, неприязнь, недоверие, вражду между людьми, волчью жестокою мораль, испорченные нравы, культивирующие власть богатства, денег. Критика этих пороков определяет трагическое содержание ряда стихов Абая, в которых социальный трагизм тесно переплетается с критикой духовного опустошения нравов людей, живущих в бесчеловечных условиях.

Социальная трагедия бедняков особо наглядно раскрывается в стихах, посвященных женской судьбе, несчастной любви. Женский вопрос — это один из важнейших социальных вопросов. «Непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку является отношение мужчины к женщине, — писал К. Маркс. — В этом естественном родовом отношении отношение человека к природе есть непосредственным образом его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное природное предназначение. Таким образом, в этом отношении проявляется в чувственном виде, в виде наглядного факта то, насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о степени общей культуры человека... Отноше-

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 85.

ние мужчины к женщине есть *естественнейшее* отношение человека к человеку»¹. К. Маркс справедливо рассматривает отношения мужчины к женщине в связи с общим уровнем культуры человека. Культура человека определяется его отношением к женщине.

В истории человечества женщины всегда больше подвергались жестокой эксплуатации. На их судьбе особо сказывалась политическая, социальная и культурная отсталость общества. Они находились под гнетом социальной системы, с одной стороны, под гнетом своих мужей — с другой. Ни в одном эксплуататорском обществе женщины не пользовались равными правами с мужчинами. Общественная роль и значение женщин в эксплуататорском обществе принижались, их труд недооценивался, нравственные и умственные способности умалялись. Постоянно подвергались унижениям и оскорблениям их чувства.

Особенно трагическим было положение женщин в казахской степи. Абай и сам неоднократно становился свидетелем вопиющей несправедливости по отношению к женщинам.

Казахские девушки и женщины не видели ничего светлого в жизни, покорные судьбе, они смирились с запретами на свободный выбор возлюбленного, с зависимостью, с насильной выдачей замуж за стариков. Все эти обычаи, основанные на бесчеловечных законах шариата, ставили женщин и девушек в унижительное положение. Протест против всякого рода унижений женщин находил отражение в народных песнях, устных поэмах, в которых, в частности, воспевалась борьба молодых за свою любовь.

Герои лиро-эпических поэм во имя светлой любви готовы отдать жизни. Так, в поэме «Козы-Корпеш — Баян-Слу» влюбленные идут против старых родовых законов и оба трагически погибают. Погибают в борьбе со злом и юные герои поэмы «Тахир и Зухра».

Трагическая судьба казахской женщины не оставила равнодушным и Абая Кунанбаева. Во многих его поэтических произведениях выражалось сострадание юным влюбленным, которые в данных социальных условиях не могли самостоятельно распорядиться своей личной

судьбой, поскольку за них все решали родители. Нередко девушка и джигит вступали в брак, даже не увидев до свадьбы друг друга в лицо.

Абай в своих стихах воспевал чистую любовь, искренность, духовное единение, постоянство обеих сторон в любви. «А того, кто жил не любя, человеком назвать нельзя»¹. — провозглашал Абай. Поэт призывал молодёжь сохранять чистоту человеческого чувства, беречь взаимную любовь, ибо измена унижает человека.

Дух унижен мой,
Я убит разлукой злой,
Позабыт тобой,
Обойден своей судьбой...
От любви тоска,
От тоски ни сплю ночей:
Мне издалека
Милая не шлет вестей.
Душа горит в огне
И кости в тягость мне².

А в другом стихотворении «Ах, что за жребий ждет меня!» Абай высказывает свои мысли, делится чувствами по поводу непостоянства в любви:

Зачем терзаешь ты меня?
Забывт супруг,
Глядишь вокруг,
Ища других
Среди чужих,
Позором
Жизнь свою черня.
Гляди — душа в огне...
Кричу, стена,
Внутри меня
Волнами пламя разлилось...
Мечусь,
Униженный, как пес, —
Истлевает жизнь во мне³.

Поэт высоко ценит благородное человеческое чувство — любовь. Потому-то он и охвачен страданием, что не находит ответной любви:

Как я люблю! Я удручен,
Но не скажу я ничего,
Когда придеши; ни одного
Не в силах слова
Молвить я, —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 587.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 132.

² Там же, стр. 110.

³ Там же, стр. 111.

Безжизненна душа моя,
Рассыплось в прах, испепелен...
Стрелу метнула ты в меня
Слепую, — бог судья тебе!
Но знай: никто в своей судьбе
Не волен. Твой неверный шаг —
На справедливости весах
Не будет он никем прощен
До рокового смерти дня¹.

Абай осуждает непостоянство в любви, призывает дорожить этим чувством:

Когда тоскую по тебе —
Мне слезы затмевают свет...
Одной тебе моя любовь,
Твой образ — он давно посет.
И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет.
Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред;
Не смогут оступить во мне
Твоей красы горящий след².

Здесь поэт описывает внутреннее состояние влюбленного, тоскующего по своей возлюбленной:

Холодна ты вполне
И к другим, и ко мне —
Боль тая, слезы я
По твоей лью вине³.

Поэт восхваляет святость любви, воспекает достоинства высокого чувства:

О сердце, свой жар остуди,
Того, что прошло, не буди,
Свой нрав горячий исправь,
Красавиц в покое оставь,
Одну избери для любви,
Подругой ее назови,
Подругой на все года;
Она принесет с собой
Мне — радость, тебе — покой,
И будет с нами всегда⁴.

Он осуждает пустоту мимолетного увлечения, противопоставляя ему истинное чувство. Поэт советует юношам со всей серьезностью выбирать подругу жизни. Не-

веста, выбранная по любви, человеку приносит радость, ей же самой любовь дарит удовлетворение и покой:

И любовь и ясность души —
Отрада в кругу друзей.
Надеждой, счастьем дыши...
Дождешься ль подобных дней?
Где ж ты, золотая пора,
Когда радость лилась рекой?
Было все как будто вчера,
А оглянешься — далеко!

Абай вспоминает прошлое, тоскует по ушедшим без возврата годам:

Умоляй, тоскуй, проклинай,
И оплакивай — не вернешь!¹

Поэт призывает людей жить достойной их жизнью, чтобы потом в старости не было печально и обидно за прожитое. Вспоминая ушедшие годы юности, поэт призывает людей не повторять ошибок молодости.

Любовная лирика поэта по своему содержанию на первый взгляд полна горечи и глубокой печали. Но за этой внешней стороной содержания просматривается идея о необходимости утверждения в жизни светлой любви, воспеваются красота человеческого чувства, лишенного всякой корысти и расчетливости.

Абай не только раскрыл безысходность и трагичность жизни казахских девушек, но и обратился к образу прекрасной русской девушки Татьяны, переведя отрывки из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». «В зиму тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года великий русский поэт Пушкин впервые пришел в просторные казахские степи, ведя за руку милую свою Татьяну»².

«Пушкинские образы настолько волновали казахского поэта, — пишет М. Каратаев, — что он сложил мелодии на письма Татьяны и Онегина. Благодаря этому пламенные пушкинские слова на крыльях песни облетели необъятные просторы казахских степей, а милая Татьяна — эта «русская душою» женщина — заняла почетное место в сердцах казахской молодежи, стала светлым идеалом для казахских девушек»³.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 112.

² Там же, стр. 114.

³ Там же, стр. 146.

⁴ Там же, стр. 38.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 232.

² М. Ауэзов. Как запела Татьяна в степи. «Литературный Казахстан», 1937, № 6, стр. 80.

³ М. Каратаев. Свет русской культуры. Алма-Ата, 1975, стр. 53.

Образ Татьяны оказался настолько близок казахским девушкам, что любовь и страдания русской женщины сразу стали для них понятны, что естественно, поскольку эти чувства общечеловеческие, а не узконациональные. Абай считал своим поэтическим долгом передать боль сердца русской женщины казахским читателям как олицетворение большой человеческой любви.

Трагическое получает отражение и в ряде стихов Абая Кунанбаева, посвященных смерти близких: брата, отца и сыновей. «Смерть», — писал К. Маркс, — кажется суровой победой рода над *определенным* индивидом и как будто противоречит их единству; но *определенный* индивид есть лишь некое *определенное родовое существо* и как таковое смертен¹.

Человек смертен, но бессмертно его имя, его добрые дела, бессмертно само человечество. Смертен лишь определенный индивид, но не человечество. Абай понимал закономерность явлений общественной жизни, где все подчинено объективным законам развития. Он правильно представлял природу смерти.

Смертна природа. Человек же не умрет,
Хоть жить не будет и обратно не придет.
Разъединение со мной моей природы.
Один невежда полной смертью назовет².

Эти строки поэта оценивались в критике по-разному. Одни считали, что Абай признавал бессмертие души, а другие делали верные выводы о том, что поэт, говоря «человек же не умрет», имел в виду его духовное бессмертие. Как представляется, именно эта мысль подчеркивается в следующих строках поэта:

Превратность жизненная — многим тяжкий плен,
Мы плачем от ее ударов и измен.
Бессмертные слова ты оставляешь миру —
Так можно ли сказать: «Ты превратишься в тлен?»³

Поэт здесь ясно говорит о том, что человек, благодаря своему духовному наследию, обретает бессмертие. Не всякая смерть, по мысли поэта, грустна и печальна. Если человек прожил достойно свою жизнь, сделал все, что мог для своего народа, то смерть такого человека не

трагична, но жизнеутверждающа, хотя, естественно, и она печалит:

Если умер близкий — скорбен человек,
Сердце злой утратой ранено навеки⁴.

У Абая был любимый сын Абдрахман. Он обучался русской грамоте, окончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, подавал большие надежды. Страдавший туберкулезом еще в годы учебы в Петербурге, Абдрахман недолго прослужил поручиком полевой артиллерии и скончался в 1895 году, двадцати семи лет от роду. Его смерти Абай посвятил немало стихотворений, полных тяжелых душевных переживаний и боли. Одно из стихотворений называется «При болезни Абдрахмана»:

Что тоски моей злей!
Как тебя не молить!
Ты меня пожалей,
Мне без сына не жить!..
Ведь родной твой приют,
Весь народ твой, весь край —
Все любимого ждут,
Всем ведь дорог ты, знай⁵.

Абай видел в сыне свое будущее, продолжателя своих дел, достойного представителя народа. Абдрахман был почитаем народом. Всем сердцем, всей душой поэт желал любимому сыну долгой жизни.

Большому Абдрахману от имени племянника своего Какитая поэт направил два поэтических письма. В них от имени близких родственников он выражал добрые пожелания по поводу его скорейшего выздоровления:

Ты мне радость, ты мне свет,
Ты души моей расцвет,
Ароматный мой цветок,
Без тебя мне счастья нет...
Я печален, огорчен,
Взор мой горем омрачен,
Все горит — и мозг, и грудь,
Нет отрады мне ни в чем...
Может быть, мои мечты
И нивны, и просты,
Но хочу я одного:
Чтобы выздоровел ты!⁶

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 591.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 184.

³ Там же, стр. 184.

⁴ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 82.

⁵ Там же, стр. 171—173.

⁶ Там же, стр. 177.

Так Абай устами Какитая выразил сыну общее сочувствие родни.

Велико было горе Абая, вызванное смертью сына. Вся его душевная боль вылилась в поэтические строки. Раскрывая положительные черты Абдрахмана, поэт говорил о его смерти, как об угасших надеждах народа. Трагичность кончины сына Абай связывал с неуспехами раскрыться талантами молодого человека, готовившего себя служению народу.

Примером служил для всех,
Батыр, мудрец, сердцевед,
Умел ты всегда пристыдить,
Обуздать любых непосед...
Казахов, подобных ему,
Еще не видал белый свет¹.

И в другом стихотворении «Мой Абиш мужчиною был» Абай также говорит о достоинствах молодого человека. В нем поэт видел свой идеал истинного гражданина, человека, воспитанного в благородном духе.

Смелый, искренний, полный сил,
Благородным шел он путем,
Знания жаждал он день и ночь
И талантом брал, и умом.
Был защитником бедняков,
Был за честь и правду борцом...
Был мудр, хоть юных полон сил.
Он честь отца не уронил...
Унесла его злая смерть
Мы в тоске великой живем...²

В стихотворении «Двадцать семь он прожил лет» Абай, обращаясь к образу Абдрахмана, развивает тему формирования нравственной человеческой личности, воспекает достоинства сына, как человека, воспитанного по-новому. Поэт сравнивает его с погасшей звездой:

Будто лет он прожил сто,
Так он много смог узнать.
Он грустил: все, что постиг,
Не сумел он нам отдать.
Он был вестник новых лет —
Старый век кончаю я.
Не сбылись надежды, нет!
Участь горестна моя³.

Боль утраты у поэта усугубляется думами о том, что преждевременная смерть помешала человеку совершить много полезного для своего народа. «Люdiam указал до рогу,— я бы, сын мой, не грустил»¹,— сокрушается поэт.

Людей почетных и достойных
Любезностью он покори,
Цена друзей и близких сердцу,
Он их любовью озарил...²

Абай перечисляет и другие замечательные качества и черты характера своего сына. Все люди смертны — жестокая смерть унесла не только брата Абая — Оспан, его родителей, но и многих других людей. И Абай, утешая сноху Магиш — жену Абдрахмана, обращается к ней с теплыми словами:

Увял твой алый цветок,
Душа от скорби темна.
Но рано ли, поздно ли — всем
Такая мука дана.
В разлуке с другом души
Одна ли ты? Нет, не одна!
Родная, нас пожалей —
И наша доля грустна.
Ты помни общий удел:
Рожденным — смерть суждена.
Велик ли ты, или мал,
Сравнивает смерть имена...³

Поэт не отрицает того, что смерть для жены Абиша вдвойне тяжела. Но Абай говорит ей о необратимости смерти сына, о невозможности вернуть ему жизнь:

Я знаю, знаю, Магиш,
Он светел был, как весна.
Но тщетны слезы твои:
Его воскресить не воляна...
Тоске покорный — погиб,
Темна ее глубина.
И ты слезами, Магиш,
Печали не утолишь...
Не плачь, Магиш, пощади
Отца, и мать, и родных.
Судьбы нам не одолеть,
Будь сильной силой живых.
Душа страданьем пьяна,
Утрата столь велика...

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 185.

² Там же, стр. 186—187.

³ Там же, стр. 189.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 190.

² Там же, стр. 191.

³ Там же, стр. 194.

Мне наша скорбь тяжела,
Мой сын не встанет от сна¹.

Абай сочинил песню-плач для жены Абиша. Эту песню, трогательную и печальную, Магиш пела в трудные дни поминовения:

Увял красы моей цветок,
Сухой травкою стала я,
Печали ты меня обрек.
Увы... Вдовою стала я...
Мне только двадцать две весны,
А с милым я разлучена.
Нет, видно мне не суждено
Безоблачные времена!..
Невысказанные слова
Теснят мне грудь. Я слезы лью
Покуда я еще жива —
В слезах топлю тоску мою...
Все выплачу, все расскажу:
Пусть узнает целый свет,
Что я в глубокой тьме брожу,
Что солнца в мире больше нет².

В этих строках устами вдовы излито горе любящего сердца. Трагична судьба этой семьи, погруженной в печаль.

Безрадостно на свет гляжу,
Томит меня разлука грусть;
Листком березовым дрожу;
Подует ветер — и сорвусь...
В огонь метнусь — в огне горю,
А в воду — захлестнет вода,
Ничтожно то, что говорю,
Но велика моя беда!³

Ряд стихов Абай посвятил смерти своего брата Оспана. Восхваляя его личные достоинства как человека, поэт не упускал в столь глубокую скорбь, как по смерти сына.

Все Оспана обнимали,
Все Оспана обирали.
Кто ему не изменил?
Не давал врагам пощады,
Приносил друзьям отраду,
Много ли еще таких?..
Умер. Больше нет Оспана.
Кто же ныне неустойн?
Будет биться за народ?⁴

Абай высоко ценил добрые качества души брата Оспана. Он ставил его в один ряд с замечательными людьми своего времени. Поэт не оплакивает его смерти:

Пока не пытал тебя знак
Позора средь стычек и драк,
Пока ты красуешься так,
Пока твое сердце — маяк,
Пылает, алая, как мак,
Пока ты всем веришь, добряк,
Пока не одел тебя мрак...
Поверь мне, что жребий твой благ!¹

Человеку лучше умереть, как считал Абай, чем запятнать свою честь. Когда люди дерутся между собой и ссорятся, позор может постигнуть любого из них.

Трагизм личной судьбы человека Абай чаще всего связывает с общественными условиями. Эта тенденция прежде всего и обуславливает особенности отражения явлений трагического во многих произведениях Абая.

В его стихах воссоздается реальная картина жизни, раскрывается суть социально-экономического, культурно-духовного положения казахского аула XIX века, быт народа. Духовное наследие Абая дает нам возможность узнать о жизни народа очень многое. О творчестве Абая можно сказать то же, что говорил Ф. Энгельс о Бальзаке, «из романов которого узнаешь больше, чем из книг всех специалистов-историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых»².

Обобщая сказанное о реализации в творчестве Абая явлений трагического, можно заметить, что поэт правильно понимал природу трагического и видел его корни в социальных условиях жизни, в самой общественной среде. Абай сам с юных лет был свидетелем тяжелой жизни народа. Зоркий глаз поэта подмечал и социальные язвы общественной системы, и пороки отдельных людей. Свои думы и чаяния Абай выражал в поэтических произведениях, призывая народ к светлой жизни.

Как трагические явления воспринимал поэт неведение и нравственную опустошенность людей, стремление многих к наживе. Социальным трагизмом пронизаны его произведения о бесправном положении казахских женщин. Поистине трагическими мотивами народного горя наполнены его стихи о смерти близких ему людей.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 194—195.

² Там же, стр. 196—197.

³ Там же, стр. 199.

⁴ Там же, стр. 157.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 156.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, т. 1, М., 1967, стр. 7.

Благодаря своей природной одаренности и приобщению к прогрессивной мировой культуре, Абай сложился в выдающегося поэта, своим творчеством опередившего время и общественную среду. Противоречия между ним и окружающей средой явно давали знать о себе на протяжении всей жизни поэта. Абай нередко чувствовал себя в одиночестве. Нередко нотки тоски и печали проскальзывали в его стихах. Но вместе с тем, мечта о прекрасном будущем своего народа, о его социальном, культурном возрождении никогда не покидала поэта.

После Октябрьской социалистической революции художественно-эстетические традиции Абая были продолжены казахской советской литературой. Но верное отношение к жанру трагического сложилось здесь не сразу. Кое-кто, в том числе многие вульгарные социологи и деятели литературы, вообще отрицали правомерность существования трагедии как жанра литературы в условиях социализма, другие самую природу трагического в новых социальных условиях трактовали ошибочно. Известно, что трагические явления порождаются классовыми антагонистическими противоречиями и, чтобы уничтожить эти явления, необходимо устранить социальную основу трагического.

При социализме антагонистические противоречия между классами — главный источник трагических явлений, — исчезают. Но нельзя сказать, что вместе с этим исчезает и трагическое, ибо определенные жизненные противоречия остаются существовать и в условиях социалистической системы. В процессе коммунистического строительства могут случаться и непредвиденные обстоятельства, в том числе в области трагического. Например, и при социализме не полностью подвластной человеку остается природа, что обуславливает, в частности, отдельные трагические явления в новой общественной формации.

Реальное существование трагического должно находить и находить свое отражение в литературе и искусстве. В первые же годы Советской власти существовала тенденция показа трагического в жизни с некоей долей осторожности и недопонимания: зачем, якобы, омрачать печалью и горем советских людей, когда они строят светлую жизнь, не лучше ли писать только о прекрасном?! Такое отношение к искусству слова, конечно, не могло способствовать расцвету литературы.

Вульгарные социологи, не понимая сущности трагического, односторонне подходили к трактовке отдельных произведений казахских писателей, незаслуженно им приписывая некий пессимизм. Г. Тогжанов в статье «Против национализма, обывательщины и комчанства в казахской литературе», опубликованной 11-12 апреля 1928 года в газете «Советская степь», подверг необоснованной критике ряд произведений С. Сейфуллина. Автор с позиций вульгарной социологии высказывал в творчестве поэта-революционера некие несуществующие тенденции национализма и пессимизма, не учитывая условий и времени создания тех или иных произведений.

Г. Тогжановым была подвергнута критике поэма «Разлука лебедей». С. Сейфуллин плачет о том, — писал Г. Тогжанов, — что один охотник на берегу озера пристреливает самца-лебедя. Их было двое — самка и самец. Осталась самка одна. Тов. Сейфуллин никак не может простить этого бедному охотнику, ругает его за такое коварство, хищничество, возмущается его нечеловеческим поступком... Самка мечется и плачет и в заключение решает остаться верной своей любви, своему другу жизни и трагически кончает с собой. Правда, все это написано очень трогательно, что называется, с чувством, со всей душой. Но зачем такая сентиментальность, зачем столько обывательских возмущений и слез, ведь лебедей стрелять не запрещено¹.

С. Сейфуллин на страницах этой же газеты выступил со статьей «Неонационализм и его наступление на идеологическом фронте», где высказался против ошибочных положений статьи Г. Тогжанова. Его выступление С. Сейфуллин назвал «литературным донкихотством». Отвергая неленные суждения критика, С. Сейфуллин подчеркивал, что этот «рыцарь» неосторожно зацепил за крыло «деревянной мельницы». В поэме, по замечанию С. Сейфуллина, «речь идет не о птицах, а о людях, о любви и бескорыстной дружбе. Здесь говорится о человеке, который ради своей маленькой личной выгоды и тщеславия, стал причиной трагедии двух друзей, бескорыстно любящих друг друга»².

«Когда зверь является антагонистом, противником

¹ Г. Тогжанов. Против национализма, обывательщины и комчанства в казахской литературе. — «Советская степь», 1928, 12 апреля.

² С. Сейфуллин. Неонационализм и его наступление на идеологическом фронте. — «Советская степь», 1928, 6 июня.

человека, — пишет М. Каган, — его гибель лишена трагического смысла. Если же гибель животного метафорически соотносится с гибелью человека, если животное тем или иным образом «очеловечивается» в нашем восприятии, тогда оно может стать не менее крупным трагическим героем, чем сам человек»¹.

С. Сейфуллин критиковал Г. Тогжанова за его вульгарное понимание природы художественного произведения и сущности трагического. Он верно подметил, что социализм не уничтожает полностью причины трагических явлений. «Жизнь переходной эпохи, — писал С. Сейфуллин, — поистине полна бесчисленных противоречий. Поэтому и наши душевные переживания невольно могут быть настроены то на один, то на другой камертон. При виде хорошо организованной бедняцкой сельскохозяйственной артели, где сепаратор планово поет радостную песню коллективного труда и культуры, хочется подпевать этой прекрасной музыке культуры и любоваться работой этого коллектива. При виде пионерского отряда в красных галстуках, бодро и здорово шагающего под дробным боем барабана, невольно шагаешь под такт их барабана; настроение сразу принимает радостный тон и невольно хочется что-нибудь рассказать или спеть под этот тон. Но когда увидишь казашку, одетую в грязные лохмотья, долгим тяжелым трудом придавленную, согнутую, сморщенную, изнуренную, тихо идущую за тощим шатающимся ишмаком, навьюченным охалкой саксаула, словно птичье гнездо, или когда увидишь беспризорников, одетых тоже в лохмотья, неумывших, взъерошенных, собирающих окурки в грязных канавах, — тогда душевные переживания невольно трагизуются на печальный, мрачный камертон»². Сейфуллин подчеркивает, что социализм не устраняет противоречий, как основу всякого развития.

При коммунизме, по замечанию В. Эренгросса, — «исчезнет все то, что в современном мире рождает трагедии — классовый антагонизм, войны. Исчезнут неизлечимые болезни... neurожаи. Не будет больных и несчастных. Но трагедия останется. Иначе и быть не может... Трагедия, связанная со сложностью познания,

остается. Остаются страдания, боль, горечь, — человеческие чувства, неизбежные во взаимоотношениях людей. Люди будут любить, и не всегда эта любовь окажется взаимной, в их жизни будут горе и разочарование, и все это может порождать конфликты и личные трагедии. Итак трагедии были в прошлом, трагедии происходят сейчас, трагедии неизбежны в будущем»¹.

Было время, когда сторонники так называемой «теории бесконфликтности» старались не замечать трагических ситуаций в жизни, увлекаясь лишь фактами, так сказать, окрашенными в «розовый цвет». Они не учитывали того, что источник трагизма — противоречия — всегда были заложены в действительности и что отражение трагического в искусстве исчезнет лишь с исчезновением трагического в самой жизни.

Много замечательных образов трагедий знает мировая и русская классическая литература.

Трагедия как жанр художественной литературы получила новые развитие и в казахской советской литературе. Традиции Абая, и в том числе в сфере трагического, постоянно совершенствуются в творчестве казахских писателей.

Примером социально-политической трагедии в казахской советской литературе может служить пьеса К. Мухамеджанова «На чужбине». Персонажи пьесы — бывшие граждане нашей страны. Они предали родину и оказались на чужбине — в лагере врагов своей Отчизны и сами превратились в ее недругов. Отщепенцы, выведенные в пьесе, не случайно оказались изменниками, их толкнули на этот шаг карьеристские, эгоистические побуждения, отсутствие высоких гражданских качеств.

Весь трагизм их судеб в том, что с годами, там, на чужбине, они как бы трезвеют, их начинает угнетать чувство, ощущение своей тяжелой вины перед народом и родиной, грызет тоска по отчим краям. Потому то эти люди, внешне здоровые, процветающие на самом деле внутренне надломлены, духовно опустошены.

Трагедия героев пьесы К. Мухамеджанова приобретает гражданское и социальное звучание, учит людей любить свою родину, честно и достойно ей служить.

Подлинно высокохудожественное творение искусства, в каком бы жанре оно не было создано, помогает лю-

¹ Б. Эренгросс. Удивительная наука эстетика! М., 1974, стр. 80—81.

¹ М. Каган. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971, стр. 189.

² С. Сейфуллин. Неонационализм и его наступление на идеологическом фронте. — «Советская степь», 1928, 6 июня.

дям понять сущность бытия, определить для себя цели и идеалы жизни. Произведения искусства, основанные на сложных трагических коллизиях, также способствуют утверждению нового, положительного в действительности, борясь по-своему против пороков общества. Именно потому до сих пор не утратили своей актуальности и художественной ценности стихи Абая Кунанбаева, выражавшие печаль и горе народа в условиях общественной системы старого феодального мира.

5. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ БЕЗОБРАЗНОГО — ПРОЯВЛЕНИЕ АКТИВНОЙ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ ПОЭТА

Оценочная категория — безобразное, как и его противоположность, — прекрасное, существует с давних времен. Но у ученых, исследователей до сих пор не сложилось единого мнения о безобразном, как самостоятельной эстетической категории. На это правильно указывал В. Средний, подчеркивая, что «содержание категории безобразного до сих пор полностью в эстетической литературе так и не выявлено»¹.

Его мысль подтверждается и тем, что в литературе по эстетике не все философы выделяют безобразное в самостоятельную эстетическую категорию. Ю. Борев, И. Зисль, М. Овсянников и другие в своих трудах вовсе не упоминают о природе и сущности безобразного. В свою очередь, профессор М. Каган в «Лекциях по марксистско-ленинской эстетике» безобразное рассматривает как эстетическую категорию, являющуюся противоположностью прекрасного. Раскрытие сущности безобразного он тесно связывает с природой эстетического идеала человека, по его мнению, прекрасно то, что соответствует его идеалам, а безобразно то, что им противоречит². Ученый прав и тогда, когда признает жизнеутверждающий характер воспроизведения безобразного в искусстве.

Хотя безобразное существует как эстетическая категория с давних времен, с давних же времен идут споры об этой категории, и до сих пор не сложилось единого мнения о ней. В зависимости от характера философских

взглядов и социально-политических позиции, мыслители придерживались по этому вопросу самых разноречивых и порою противоположных точек зрения. Природу безобразного пытался раскрыть еще греческий философ-идеалист Платон. В своем диалоге «Пир» он писал, что, «о любом деле можно сказать, что само по себе оно не бывает ни прекрасным, ни безобразным», что «неподходящее для всего общественного — это безобразное»¹.

По мысли Платона, безобразное, как и прекрасное, зависимо от характера субъекта. Вместе с тем безобразное рассматривалось им как противоположность ценности, безобразное он не связывал с божественным, отгораживая его от него, как не присущее ему свойство. По его мнению, безобразное порождает мрак, огорчения, неприятные ощущения. Аристотель понимал безобразное, как проявление чудовищного и уродливого в природе. «Природа», — писал он, — иногда не достигает того, что она ставит себе целью. Ее ошибками в таком случае являются чудовища и уроды, которые, однако, представляют собой что-то такое, что действует целесообразно»².

Природу и сущность безобразного в разное время объясняли по-разному. Но многие мыслители рассматривали безобразное как объективную реальность, существующую в природе, общественной жизни и получающую свое художественное отражение в искусстве. Вместе с тем эта эстетическая категория толковалась как противоположность прекрасного. Прекрасное и безобразное находятся в диалектической взаимосвязи, они переходят в свои противоположности. Само прекрасное в зависимости от конкретных обстоятельств, теряя свою ценность, может переходить в другую крайность — безобразное и наоборот.

Жизнь Абая Кунанбаева проходила в отсталой общественной среде, он сам был свидетелем безобразного, мерзкого, низменного — всего того, что характерно для эксплуататорского общества. Поэт специально не выискивал темных сторон общественной жизни и человеческого бытия. Сама среда, окружающая действительность вдоволь снабжали его творчество необходимыми фактами. Потому-то слабые стороны социальной жизни казахского аула середины XIX века получили яркое отражение в

¹ В. Средний. Основные эстетические категории. М., 1974, стр. 37.

² См. М. Каган. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971, стр. 146.

¹ Платон. Сочинения в 3-х томах, т. 2. М., 1970, стр. 107, 137.

² См. Гегель. Сочинения, т. X, кн. 2. М., 1932, стр. 262.

стихах Абая. В изображении безобразного в жизни и действительности он многое почерпнул из опыта устного народного творчества. В казахских сказках, легендах, лиро-эпических поэмах различные проявления безобразного были представлены довольно широко. Безобразное, выступая здесь в виде злодейки-старухи, драконов, различных сверхъестественных чудовищ, носило чисто мифический характер. Народ под безобразным понимал некие сверхъестественные проявления таинственных сил. Такое представление о безобразном, о его природе было закономерным, поскольку народ в прошлом постоянно испытывал страх перед непознанными силами природы. «Страх,— писал Б. Спиноза,— есть причина, благодаря которой суеверие возникает, сохраняется и поддерживается... Все то, что когда-либо почиталось из ложного благочестия, ничего, кроме фантазий и бреда подавленной и робкой души не представляло»¹. От страха перед природой люди освобождались постепенно, по мере развития науки и представлений о Вселенной.

Абай изображал безобразное реалистически, обнаруживая его в действительности, в поступках и поведении людей, искалеченных самим укладом общественной системы. Абай, осуждая носителей негативных тенденций эксплуататорского общества, выражал этим свой протест против несправедливой социально-экономической системы.

Поэт в стихотворении «Вот и старость, скорбны думы, чутко сон» описывает мрачную картину общественной жизни казахского аула, осуждая сами нравственные условия среды, порождающей людские пороки:

Людям низким не по нраву честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
Но за подлость расплатится срок придет —
Разбивается ничтожный их сосуд...
Обещания пустые — лжецам не в укор.
Забывать свою клятву — у нас не позор,
И рычит человек, словно злая собака:
«Искусаю тебя!» — вот и весь разговор»².

Общество, основанное на несправедливости, безжалостно уродует личность:

Плутуют молодые пошляки,
Им низкое торгашество с руки,

¹ Б. Спиноза. Избранные произведения в 2-х томах, т. 2. М., 1957, стр. 8—9.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 45—46.

Повсюду склоки, драки и скандалы,
Друг друга предадут за пустяки»¹.

В другом стихотворении «Бестолково учась, я жизнь прозевал» Абай еще глубже обнажает нравственную пустоту и опошление нравов определенной части молодежи:

Недоверье, как вихрь, ворвалось в наш дом,
Даже лучшему другу верим с трудом.
Нет прощенья ошибкам его! Залегла
В глубь сердца обίδα холодным льдом...²
Терпенье, совесть, гордость — не в цене,
И к мудрости, и к чести люди глухи,
Не ищут знания, лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи»³.

Новое поколение не радует поэта, оно, как ему кажется, глухо и мертво к его заветам. И Абай выражает сожаление по поводу созерцательности и приземленности души, плохой восприимчивости к новому многих казахов:

О казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыв ты рот.
Кровь — на правой щеке, на левой — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет»⁴.

В этих строках ярко выражены гражданские чувства поэта, беззаветно любящего свой народ и в то же время болеющего душой за его невежество и отсталость. Абай, описывая реальную картину жизни степняков, отмечает, что казахи стали «враждовать, драться, разделились на группы, и чтобы отстоять свои богатства и пастбища, начали грызться за власть. Никто не остался в стороне от этой круговерти»⁵. Поэт точно подметил, что внешне спокойная, полусонная жизнь казахской степи в действительности бурлила, кипела, нередко охваченная и окутанная липкой паутиной подстрекательства»⁶. «Я вижу, как в этой сутолоке мой народ,— пишет Абай,— мелькает с каждым годом и становится все более безнравственным»⁷.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 57.

² Там же, стр. 69.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 48.

⁵ Абай. Слова изъаждания. Алма-Ата, 1970, стр. 10—11.

⁶ Там же, стр. 26.

⁷ Там же, стр. 12.

В своих произведениях поэт-мыслитель с глубокой болью говорит о нравственной искаленности народа, видя за ложной внешней умиротворенностью людей невежество, нравственную неполноценность. Абай восклицает: «И это мой народ, который я люблю и к сердцу которого иду тропу»¹.

Абай Кунанбаев, в своих стихах реалистически описывая беззаботную жизнь казахских феодалов, критикует их слепое преклонение перед богатством.

«Богачи считают себя владыками по меньшей мере половины мира,— пишет Абай.— Взгляд их не опускается на землю, помыслы витают еще выше. По их мнению, все можно купить за скот. Даже бога можно соблазнить дарами. Честь, бесчестье, разум, наука, вера, народ для них не дороже скота»².

К. Маркс в «Экономическо-философской рукописи 1844 года» точно подметил извращающую роль денег в жизни общества. В условиях же казахского аула XIX века, куда еще полностью не проникла капиталистическая система хозяйствования, высшей мерой богатства считался скот, а не деньги. В условиях капитализма деньги обладают, как отмечал К. Маркс, «свойством все покупать, все предметы себе присваивать»³.

«Сколь велика сила денег,— писал К. Маркс, разбирая произведения Гете и Шекспира,— столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои — их владельца — свойства и сущностные силы... что я емь и что я в состоянии сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью. Я уродлив, но я могу купить себе красивейшую женщину. Значит, я не уродлив, ибо действие *удовства*, его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами. Пусть я — по своей индивидуальности — *хромой*, но деньги добывают мне 24 ноги; значит, я не хромой. Я плохой, нечестный, бесовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец... И разве я, который с помощью денег способен получить *все*, чего жаждет человеческое сердце, разве я не обладаю всеми человеческими способностями? Итак, разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность?»⁴

И как К. Маркс писал об извращающей силе денег, так и Абай точно подметил, так сказать, «силу скота» в условиях казахского аула.

Абай презирал тех людей, которые свои богатства использовали не по назначению, проявляли скупость. В целях наживы баи ничем не брезгают, готовы на любую гадость. «Досадно, когда видишь людей, врущихся к власти или богатству. Для таких, как говорится, в достижении своей цели все средства хороши,— писал Абай.— Жадностью и хитростью накапливают они богатство, ибо знают: народ не осудит толстосума, превратись он хоть в собаку. Разве не народ сложил такие пословицы: «Кто богат, тот и прав» или: «У богатого лик светел, темен он лишь у нищего?» И вот люди считают, что только богатство приносит почет и славу, и они правы, если смотреть на мир глазами степного народа. Но с общечеловеческой точки зрения — это, конечно, глупо и неверно»¹.

Абай отрицал обманчивую «силу» богатства, которое, якобы, приносит почет и славу его обладателю:

Стяжательно одно лишь тешит душу — скот,
И не стыдится он обманывать народ.
Позорный раб наживы, он трясется,
Когда к его столу бездомный подойдет².

В этом стихотворении правдиво воссоздана психология казахского бая, который трясется над своим добром, приобретенным обманным путем у народа. Стяжатель ни перед чем не пасует, когда дело касается его интереса, богатства. Он слепой раб нечестной наживы. В стихотворении «Красавица-девушка у хана жила» Абай описывает трагическую судьбу девушки, на которой хотел насильно жениться бай. Но не добился своего, хотя «у старого бая в деньгах сила вся»³. А как же всевластие денег? Покоряла ли их «сила» сердце девушки? Поэт отвергает мораль эксплуататорского общества, саму мысль о всемогуществе денег, превращающих, как писал в свое время К. Маркс, каждую из индивидуальных сущностных сил

¹ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 20.

² Там же, стр. 20.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 616.

⁴ Там же, стр. 618.

¹ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 123.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 201.

³ Там же, стр. 203.

«в нечто такое, чем она сама по себе не является, т. е. в ее противоположность»¹.

Абай видел в богатстве источник раздоров и разлада между людьми:

Из-за денег и власти кипит вражда,
Ты бессилен, а спор ведут господа.
Если нахлещи этой не смоешь с себя —
В униженьи, в страхе ты будешь всегда².

Поэт-мыслитель с ненавистью клеймит позором слепых рабов богатства, проклинает их:

Те, кто совестью из-за наживы торгует,
Будьте прокляты! Беды вас пусть поразят!

Суров приговор поэта безнравственности и пошлости:

Скучает, усталый, и любит покой,
Его не прельстит новизной никакая.
Бессовестный думает лишь о желудке,
Махнув на грядущее вялой рукой³.

Человек, живущий лишь личными интересами, ничем не отличается от животных. Его ничто не интересует, он больше любит покой, малоподвижный образ жизни, боится новизны. «Работающий только для себя, — подчеркивает поэт, — похож на животное, которое заботится о своем брюхе»⁴.

Настоящим сарказмом наполняются и те стихи, в которых Абай осуждает такие безобразные явления, как карьеризм, стремление к власти. В ряде произведений Абай Кунанбаев карьеризм и властолюбие описывает как свойства человека, формирующиеся в результате воздействия на него общественной среды.

Ум, честность в наши дни —
Не слишком ценный клад,
Владельцам их они богатства не сулят⁵.

С особой силой он бичует карьеризм волостных управителей, их раболепие перед чиновниками царской администрации:

Ему цена —
Везде одна!
С начальством угодлив, тих,
Но, ждя награды,
Вцепиться рад,
Как бешеный пёс, в своих...
Он щедрым был,
Он всех купил,
Чтоб волостным ему стать,
Семь шкур теперь
Сдирает зверь,
И внешность — нутру подстать¹.

Карьерист щедро давал взятки и потому исполнилось его желание — он стал волостным управителем. Тихий и милый с начальством, с подчиненными он, как зверь, — коварен и зол.

«Положение обязывает их не попадать впросак перед начальством»² — писал Абай. Поэтому они постоянно скрывают свое истинное лицо. Отгордившись от масс, они не пользуются в народе признанием и уважением. Абай подчеркивает, что волостные и другие «сильные мира сего» не заслуживают этого внимания. Как можно почитать баев и волостных управителей, которые не избраны народом, но власть «купили... или выпросили. Как после этого заставишь себя склонить голову перед такими?»³ — замечал Абай.

В казахских аулах грызня из-за власти, ссоры и раздоры, связанные с выборами, тяжелым бременем ложились прежде всего на массы, именно они терпели и лишения и утраты:

Раздор из-за чинов, насилие, клевета,
Болезненная страсть к волнениям и заботам...⁴

Властолюбцы же — это самодуры, порочащие имя человека:

Обман и воровство им более сродни,
И видят в них они свое предназначенье⁵.

Такие люди не пользовались расположением Абая. Поэт хотел видеть во главе масс, у власти людей достойных, образованных, умных и честных. Честь и ува-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 618.

² Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 48.

³ Там же, стр. 46, 242.

⁴ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 75.

⁵ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 201.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 242.

² Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 20.

³ Там же, стр. 41.

⁴ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 150.

жение, по мнению Абая, надо заслужить своим трудом. «Слава, — писал он, — высокая скала. Терпеливая змея взбирается на нее ползком, сокол взмывает на ее вершину в стремительном полете. Недружный народ хвалит того, кто не дошел до нее. И недалекий верит этому обману»¹.

Абай не отрицал роль личности в истории человечества. Он отдавал должное одаренным людям, обладающим редкими талантами, твердой железной волей и ясным умом. Как верно отмечал К. Маркс: «если хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей»². Абай также отличает настоящих вожаков масс от карьеристов, ищущих легких путей существования. Властолюбцев поэт клеймил позором, открыто выражая свое неприязненное отношение к ним.

Абай высоко ценил умных людей, пользующихся заслуженным авторитетом и достойной славой у народа, независимо от их происхождения или знатности рода. Композиторы Акан-серы, Биржан-сал, слепой акын Шоже и другие были уважаемыми людьми для Абая. Близкими, духовно родственными ему людьми были русские друзья поэта. Он дорожил дружбой с Михаэлисом, Долгополовым, Леонтьевым, Гроссом и другими ссыльными, которые оказали очень сильное влияние на Абая. Об этом и сам поэт писал неоднократно.

Абай отличал истинные заслуги выдающихся людей своего времени от мнимой славы отдельных исторических личностей. Яркий тому пример — воссоздание поэтом образа Александра Македонского. В его поэме «Искандер» обрисованы две личности — знаменитый воитель Македонский и выдающийся ученый-философ Аристотель. В оценке заслуг этих двух исторических лиц Абай предпочтению отдает Аристотелю, показывая его как человека умного, обладающего широким кругозором, глубоким умом, благодаря которому он смог, по мысли Абая, даже пресечь агрессивные планы Александра. Ум ученого импонирует Абаю Кунанбаеву. Несмотря на славу Александра Македонского, поэт развенчивает его как

алчного завоевателя, не придерживающегося разумной меры в своих поступках.

Много крови в моря и в реки он влил.
Всех счета невинных на смерть осудил.
Осталась недобрая память навек
О кровавых делах, что он совершил...
Воспомяден, смел, кровожаден и зол,
Выше туч воспарил Искандер-орел.
В дрегущих землях, в пространствах пустынь —
Нигде он предела себе не нашел».

Поэт показывает, как однажды Искандер попал в ту-пик. Правитель осажденного города послал ему в дар кость. Царь разъярился. Тогда Аристотель его остановил и сказал: «Эта кость не проста, не бросай ее, принесут пусть весы, положим на них кость и золота столько же, — что тяжелей?» Положили на весы все золото, что нашлось, но в сравнении с костью оно оказалось легче пуха. Искандер удивлен и изумлен, он не может понять причину этого. Тогда Аристотель взял горсть земли и посыпал землею мертвую кость. Сразу золото перевесило. И тогда удивленному Искандеру Аристотель сказал:

«Кость — глазница людская», — таков был ответ —
«В этом мире ценнее сокровища нет,
Чтоб насытиться ими мог алчный взор,
Лишь земля насыщает глаза вполне.
Ненасытность глаз у иных велика,
Все им мало, хоть вселенную держит рука.
Но умрут они — и для мертвых глаз
Алмаз и сапфир не ценнее песка...»³

Аристотель намекает на ненасытность, кровожадность, непомерное честолюбие Искандера и напоминает ему о том, что всему есть предел и если кто-то не будет соблюдать меры, то немудрено, что он будет осмеян.

Незнание меры в любом деле непременно приводит к его краху. По пониманию Абая, повышенное властолюбие, погоня за славой также ведут человека к жалкому финалу. Поэма «Искандер» пронизана философской мыслью Абая о варварстве, как о социальном зле.

Абай Кунанбаев безобразное видел не во внешности явлений, он проник в самую его сущность. Безобразное в человеке поэт также связывал не с его внешним обликом, хотя Абай не безразлично относился к способности

¹ Абай. Слова назидания, Алма-Ата, 1970, стр. 76.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 620.

³ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 259—260.

⁴ Там же, стр. 263.

людей одеваться со вкусом, но с сутью данного индивида. Абай безобразное в человеке определяет как несоответствие достоинства человека его поступкам, нарушающим внутреннюю гармонию самого понятия личности. Пошлость души для поэта была самой высокой степенью безобразного в человеке. Опошление человеческой души он непосредственно связывал с влиянием общественной среды. «Великие мудрецы давно заметили, — писал Абай, — каждый лентий труслив и безволен; безвольный же человек всегда хвастлив; хвастливый, кроме трусости, еще и глуп; глупый всегда невежествен и бесчестен. Из бесчестных выходят жадные, неуживчивые и бездарные существа, никому не нужные на свете. Вот так получилось и с нами. И причиной этому — отстранение от земледелия, торговли, ремесла и науки»¹.

Абай, перечисляя множество отрицательных черт человека, связывал их с леностью. Именно она порождает трусость, хвастовство, глупость, невежество, бесчестие, жадность, неуживчивость, бездарность. Поэт-мыслитель, объясняя леностью эти отрицательные качества человека, задает вопрос: «Откуда, когда вошли в кровь гордого степняка праздность, леность?»

Абай видит истоки этого социального зла, т. е. лености, в самом укладе жизни общества, в котором честный труд по достоинству не ценится, а люди добиваются высокого положения лишь хитростью, коварством и ложью.

Сама жизнь научила людей все «добывать обманом». Следовательно и опошление человеческой души сопряжено с условиями жизни людей. Именно уклад общественной жизни является основной причиной обезображивания человеческой сущности. Не «...только настоящим джигитом, а даже просто человеком трудно назвать того, — пишет он, — кто потерял честь и не чувствует стыда, кто потерял над собой контроль и совершает подлость»².

Истинный человек должен обладать честью и совестью, чувством стыда, без них человек теряет свою человеческую сущность. Таких безобразных людей Абай затрудняется даже называть людьми. «У хвастунов нет совести и чувства собственного достоинства, способности к большым делам и высоким помыслам, — утверждает Абай. —

Не найдешь у них ни решимости палуана, ни мудрости батыра, ни человечности»¹. Поэт-мыслитель утверждает, что хвастун, к примеру, не способен на решительные действия, он больше занят пустопорожной болтовней. Хвастовство — не положительное качество, оно не обогащает человека, а, наоборот, обедняет сущность личности, мешает ей проявиться.

Безобразное в понимании Абая тесно связано с сущностью и содержанием человека, — все, что вступает в борьбу с прекрасным и противоречит ему, является безобразным.

Безобразное по своей природе неустойчиво, относительно, оно возникает, изменяется, утрачивается в зависимости от сложившихся исторических условий жизни. Безобразное под воздействием окружающей среды, новых условий видоизменяется приобретает новые свойства, новую ценность, и тогда, в иных случаях, оно не отвергается, а наоборот, поддерживается, одобряется людьми.

Безобразное не носит абсолютный характер, нет ничего вечно безобразного. Понятию безобразного присущ историзм. Оно постоянно находится в развитии. Человек может освободиться от безобразных недугов, потому что поэт подвергает разоблачению различные человеческие пороки, вырастающие в безобразное. Осуждая и отвергая негативные качества индивидов, поэт пытается помочь им быстрее преодолеть душевные недуги:

Все — родня и чужие — теперь на жогах.
Все друг друга преследуют, злоба в сердцах.
Гибнут гнезда людей, одержимых корыстью...
Ах, зачем ты их создал такими, аллах!²

Безобразные явления вызывают у поэта гнев и возмущение:

Ближний ближнему яму копает тайком,
Человек только недруга видит в другом.
Будь то сват или друг, или даже жена —
Постоянства и верности нету ни в ком!³

Дурные примеры заразительны, замечает Абай, поэтому-то безобразное разрастается вглубь и вширь.

Все заботы об одном:
Быть прохвостом, подлым быть,

¹ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 10.

² Там же, стр. 9, 11, 30.

¹ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 60.

² Абай. Кунаибиев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 46.

³ Там же, стр. 51.

Хоть его подлее нет.
Кому какая польза в нем?
Кого сгубить мешает стыд?
Чести нет в его словах,
Проку нет в его делах,
Клеветой и хвастовством
Правду скрыть он норовит¹.

Поэтом обрисовываются все негативные, безобразные качества человека. Представления Абая о безобразном реализованы в мысли о том, что человек, теряющий достоинство, приобретает другое качество — становится безобразным.

Коль ты слишком сыт,
Труд тобой забыть,—
Развращен такой человек.
Споря о пустом,
Другу став врагом,
Ты в ничтожестве кончишь свой век².

По мысли Абая, в безделье человек портится, становится болтуном, ничтожеством, ибо он не занимается созданием, когда же человек не трудится, он не знает цены тому, что создается человеческим умом и руками. Раз он не ценит человеческий труд, он не будет ценить и самого человека. Поскольку он не ценит других, постольку он не будет ценить и самого себя как человека. В его глазах человек не такая уж высокая ценность, человек в его понимании — это некое мелкое ничтожное существо. В этом коренятся причины безнравственности, пошлости и испорченности людей. Не случайно Абай во главу своего нравственного учения ставит трудолюбие:

Их много теперь развелось, этих псов,
Бездельников шустрых, бестяжких штов.
Смотри, как бы ты не умножил ряды
Проклятых бродяг, позабывших свой кров!³

Образ жизни степных казахов порождал немало своеобразных бездельников, которые на резвых конях ездили друг к другу в гости, злоупотребляя добрым казахским обычаем гостеприимства, немалая часть молодежи и стариков любила наведываться к соседям — поест за чужой счет. Число бродяг-бездельников постоянно возрастало. Абай был против таких горе-гостей, греющих руки за счет добрых людей. Абай, критикуя без-

дельников, считал их людьми безобразными. Дармоедов, паразитов поэт сравнивал со скорпионом.

В понимании Абая Кунанбаева слепой раб богатства тоже безобразен, он подлежит осуждению и презрению:

Зачем свои стада он множит без конца?
Чтоб зависть низкую вселить во все сердца.
Сам грязная свинья, других считает псами,
За кость готовыми служить у подлца⁴.

Достоинство человека оценивается не по движимому или недвижимому богатству, ибо погоня за богатством — тоже явление безобразное. Абай завещал:

Корысть позорит нас, нельзя прожить достойно
Без светлого ума, без пламенной души⁵.

Поэт во всех безобразиях человека винил эпоху, полную несправедливости и зла. «Проклятый мир избирает нас», — признавал он. Вместе с тем поэт не верил в вечность условий существования, калечащих человека.

Любая радость твоя перейдет в печаль,
Что суетиться ради немногих дней?
Ты не найдешь того, ради чего не жаль
Влизи своих забыть и оттолкнуть друзей⁶.

Абай Кунанбаев понимал, что мир постоянно изменяется, бытие диалектически развивается, но он не смог разобраться в причинах его развития — в противоречиях, заложенных в основу этого процесса.

Иногда внешность бывает обманчива, нередко именно за ней скрывается подлинная сущность и истинное содержание объекта. Но любое явление подвержено развитию во времени.

Одним из проявлений безобразного поэт считал людскую неблагодарность. Неблагодарный поступок — яркое проявление безобразного. «Неблагодарность — есть пренебрежение благодарностью», — утверждал В. Спиноза, — и притом без всякого разумного соображения, а лишь как следствие жадности или слишком большого себялюбия. Поэтому оно не может иметь место в совершенном человеке⁷. Не случайно Абай яростно клеймит неблагодарность:

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 73.

² Там же, стр. 101.

³ Там же, стр. 226.

⁴ В. Спиноза. Избранные произведения в 2-х томах, т. 1. М., 1957. стр. 132.

Сегодня он тобой пленен,
Всем жертвует, любви,
Сегодня гREET — завтра он
Исполнит тебя!

Подлость человека свидетельствует о болезни его души, он же не знает этого, утешаясь временными удачами от своих подлых дел.

Всюду подлость одна и та же:
Пожалей кого, а тот
Деньги станет клянчить; не дашь —
На тебя же сердясь, уйдет!

Поэт возмущается неблагодарностью некоторых друзей, изменивших дружбе. Раньше ему угождали, кланялись в дружбе и преданности, но из корыстных расчетов друзья юношеских лет постепенно отмежевывались от поэта, кое-кто из прежних соратников стал его врагом. И все потому, что Абай разорвал всякие связи со своим классом, встал на путь защиты интересов бедняков. И тут-то он узнал цену некоторым своим прежним друзьям.

Верными же друзьями Абая всегда были трудовой народ и смелые русские революционеры-демократы. Поэт завязал очень тесную связь с «ненадежными людьми» царской России, высланными в Сибирь и казахскую степь. Русские друзья Абая с точки зрения царских жандармов были настоящими «смутьянами», «безобразными людьми». Но для Абая они — ласточки новой весны. Дружбу Абая с «иноверцами» казахи-феодалы оценивали как безобразное явление, как посягательство на святость исламского вероисповедания. А по пониманию Абая, эта дружба — источник силы, духовного обогащения, озарения человеческой души, т. е. — это — нечто прекрасное.

Практика художественного познания мира знает немало примеров такого рода. Так, В. Гюго в романе «Собор парижской богородицы» глубоко раскрыл богатство внутреннего мира Квазимодо, внешне уродливого человека. Под безобразной внешностью его скрывалась щедрость души, благородство сердца, беспредельное человеколюбие. Но иногда под внешне безобразным скрывается нечто действительно безобразное. К примеру, таким

человеком в опере М. Тулебаева «Биржан и Сара» показан муж Сары — Джиенкул. У Джиенкула уродливая внешность, он груб, не блещет умом. Он зол душой, стремится держаться в узде купленную за калым жену — Сару, превосходящую его как умом, так и красотой. Он не замечает ни доброты, ни человечности и таланта жены, видит в ней лишь красивую женщину, свою рабу. Но Сара с этим не может смириться, она отвергает такую позорную для себя жизнь и убивает себя. Прекрасное и безобразное несовместимы.

Безобразное было объектом пристального внимания поэта не случайно. Он всей душой ненавидел все мерзкое, античеловеческое, дурное, стремясь к прекрасному и добруму. В желании заклеить все безобразное проявляется активная жизненная позиция поэта-гражданина, поэта-гуманиста, беззаветно преданного своему народу.

И по сей день безобразное в казахской советской литературе остается объектом художественного воспроизведения. Искусство слова выполняет важную миссию, борясь с безобразным ради полного утверждения истинной красоты в нашей жизни. У современного же буржуазного искусства, обращающегося к безобразному, иная цель — выпячивание уродливого, различных ужасов и мерзостей жизни. Смакование всякого рода гнусностей убивает все живое, светлое в человеке, воспитывает у него отвращение к жизни и уводит людей от борьбы за свое счастье. «Фильмы ужасов» в капиталистическом мире заполнили теле- и киноэкраны, в них вешески пропагандируется садизм, война, убийства, грабежи, насилие.

Буржуазная западная культура во весь голос пропагандирует безобразное, поэтому она является антиподом прогрессивной демократической культуры человечества.

6. ВОЗВЫШЕННОЕ И ИДЕАЛ АБАЯ

Возвышенное, как эстетическая категория, исследуется с давних времен, и это понятно, потому что народ всегда ценил все великое и могучее, противопоставляя стихийной слепой силе природы свою мощь и величие. Мечта о могущественном и бесстрашном человеке поро-

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 237.

² Там же, стр. 239.

дила самое понятие возвышенного. В это понятие народ в разные эпохи вкладывал разное содержание. Но во все времена под возвышенным подразумевалась мощная сила, значительно превосходящая общеустоявшиеся меры. Зависимость от природы, непознанные тайны Вселенной приучили людей ценить все мощное и величественное.

В природе человек сталкивается со многими проявлениями возвышенного. Огненная гроза, ураганный ветер, селевой поток постоянно напоминают людям о силе природы, вселяя страх в душу человека. Ученые, мыслители давно пытались объяснить природу возвышенного. И. Кант, к примеру, стремился определить ее в духе субъективного идеализма, как бы отрывая возвышенное от реальной действительности. В природе он не видел возвышенного, а существование его ставил в зависимость от человека. «Возвышенность, — писал он, — содержится не в какой-либо вещи в природе, а только в нашем духе»¹.

И. Кант возвышенное связывал с прекрасным. «Возвышенное бывает в свою очередь, различного рода, — утверждал он, — иногда это чувство сопровождается страхом или даже грустью, в иных случаях спокойным изумлением, еще в других случаях — сознанием красоты, проникающим в какой-нибудь возвышенный замысел. Первое я хотел бы назвать возвышенным, связанным с чувством страха, второе — благородным, третье — великодушным. Глубокое одиночество возвышенно, но имеет в себе черты чего-то жестокого. Поэтому огромные, далеко простирающиеся пустыни, как, например, необятная пустыня Шамо в Центральной Азии, всегда давали повод к тому, чтобы населять их страшными тенями, домовыми и привидениями»².

В противовес И. Канту Гегель природу возвышенно объяснял с позиций объективного идеализма. Он не соглашался с мнением И. Канта о том, что возвышенное содержится в человеческой душе. Гегель возвышенное выводит из своего учения об «абсолютном духе». Возвышенное, по его мнению, исследователи не должны, как это делает Кант, помещать исключительно только в субъективные идеи разума, а должны понимать его как

«укорененное в единой абсолютной субстанции, как представляющее собой должностующее быть изображенным значением»³.

В самой жизни находил возвышенное Н. Чернышевский. «Возвышенное есть то, — писал он, — что гораздо больше, гораздо сильнее других явлений, с которыми сравнивается нами»⁴. Но и это определение не полностью раскрывает природу возвышенного. Н. Чернышевский возвышенному придает значение количественного преимущества, ставит его в зависимость от объема вещей, а не от их качества.

Марксистско-ленинская эстетика возвышенное рассматривает как самостоятельную эстетическую категорию. «Бесконечность и вечность мира, могучие внутренние силы природы и человека, безграничные возможности и грандиозные перспективы, открывающиеся перед человеком в освоении природы, в ее очеловечивании, — пишет Ю. Боров, — все это отражает возвышенное как категорию эстетики»⁵. Он подчеркивает, что возвышенное — это объективное эстетическое свойство, присущее предметам и явлениям.

Народ всегда стремился познать тайны Вселенной, механизм грозных природных явлений. Свои представления об этом он выражал в художественных творениях. К. Маркс подчеркивал, что народы древности своим воображением создавали неписаную литературу — мифы, легенды и предания, оказавшие могучее влияние на человеческий род. Свои мечты и фантазии, связанные с осмыслением величия и мощи природы вкладывало человечество в эти мифы.

Так, в поэме А. Пушкина «Руслан и Людмила» и в одноименной опере М. Глинки используются такого рода предания, помогающие раскрыть идею возвышенного. В поэме обрисовываются волшебные силы, превосходящие обычные меры реальности. Герои поэмы прибегают к помощи людей-чародеев, обладающих сверхъестественными силами и способностями. Руслан ради спасения своей возлюбленной преодолевает немало препятствий, борется с грозными, чудовищными силами. Он одерживает над ними победу, благодаря помощи добрых людей.

¹ И. Кант. Собр. соч. в 6-ти т., т. 5. М., 1966, стр. 272.

² И. Кант. Собр. соч. в 2-х т., т. 2. М., 1940, стр. 177—178.

³ См. Г. Гегель. Собр. соч., т. 12, кн. I. М., 1938, стр. 372.

⁴ Н. Чернышевский. Собр. соч. в 5 т., т. 4. М., 1974, стр. 23.

⁵ Ю. Боров. Эстетика. М., 1969, стр. 64—65.

Старый мудрый волшебник Финн, испытывавший тяжелое бремя несчастной любви, страстный и пылкий хазарский хан Ратмир, верная в любви Горислава, вещающий будущее певец Баан — все они помогали Руслану. Старик Финн, наделенный способностью творить чудеса, научил Руслана, как одолеть Черномора, таинственная сила которого заключалась в его бороде. Когда же злая колдунья Наина хотела прельстить Руслана девицами волшебного замка, внезапно появившийся Финн мановением жезла разрушает этот замок.

В конце поэмы торжествует мужество, добро и любовь, сокрушившие коварство и зло.

Нечто подобное встречается в казахских лиро-эпических поэмах. Они тоже полны сказочной возвышенности. Многие персонажи произведений фольклора являются носителями титанических сил, великого разума.

Благодаря своим сверхчеловеческим способностям герои лиро-эпических поэм побеждают черные силы зла, легко преодолевают всевозможные таинственные препятствия и всегда добиваются своей цели. Народ героев фольклора наделил такими свойствами потому, что он сам всегда мечтал о покорении таинственных сил природы. Герои народных мифов, легенд, сказок, эпосов обладают сверхчеловеческой силой, благодаря которой они мужественно вступают в поединки со стихией природы и побеждают. Эти герои противостоят не только с силами природы, но и с носителями сказочного зла.

Черные силы в фольклоре также обладают неограниченной разрушительной мощью. Но герои эпоса, наделенные народом еще более мощной силой, побеждают их. Смелость и отвага, проявляемые богатырями в борьбе за идеалы добра, пробуждают в людях эстетическое чувство возвышенного, гордость за их подвиги.

Почти во всех восточных лиро-эпических поэмах обязательно действуют герои — носители идей возвышенного. Подтверждение тому — казахская лиро-эпическая поэма «Мунлык и Зарлык». Против стихий природы и человеческого зла выступает герой эпоса Зарлык, наделенный недюжинной силой. Герой олицетворяет собой добро, справедливость, величие разума. Многие испытывав, Зарлык в конце поэмы одерживает победу над злом. Благополучный конец поэмы подтверждает веру народа в силы добра и обреченность всякого зла на земле.

В поэме «Мунлык и Зарлык» осуждается коварство, воспеваются чистая любовь, благородные человеческие чувства. Шестидесят первая жена хана дарит ему сына и дочь, но старшие жены, обратившись к силам зла в лице ведьмы-старухи, крадут детей, а вместо них подкладывают в люльки двух щенков. Озлобленный хан жестоко расправляется с молодой женой, отправляя ее на необитаемый остров. Ведьма же бросает детей в морскую пучину. Тех спасают нимфы и передают сайге, которая их вскармливает. Зарлык, став взрослым, обретает большую силу, способности хорошего стрелка, а Мунлык становится искусной мастерицей.

Однажды хан Шаншар во время охоты видит златоластого мальчика. Хан хочет приласкать мальчика, но тот отталкивает его прочь. Опечаленным возвращается хан домой. Разузнав о причине ханской печали, шестидесят его жен, задобив ведьму-старуху, просят ее убить мальчика. Она отправляется в горы, а встречает Мунлык. Мунлык рассказывает о встрече брату. Он догадывается, что эта старуха — та злодейка, которая бросила их в воду.

Тяжелые испытания выпадают на долю Зарлыка, отправившегося искать счастье. Так, он идет на бой с драконом, дабы выручить из плена невесту. Побеждает дракона и женится на красавице. Зарлык со своей нареченной, получив большие подарки, возвращаются к сестре.

Затем Зарлык и Мунлык встречаются со своим отцом Шаншар-ханом. В конце поэмы они находят мать. Шаншар раскаивается во всем. Добро в конце концов торжествует, а зло наказывается.

В эпических произведениях возвышенное присутствует как обязательное свойство положительных героев, вступающих в противоборство с силами природы и со всякого рода злом. Абай в своих произведениях также воспекает возвышенные чувства, воспекает героическое, светлые идеалы, торжество справедливости. Таковы, например, его поэмы «Масгут», «Сказание об Азиме», «Искандер».

Интересно то, что Абай возвышенное не связывает с именем бога. Он отходит от сложившихся представлений, согласно которым под самым возвышенным, величественным и могучим понимается бог; более того, Абай крити-

кует служителей культа за то, что они не думают о возвышении и возвеличии человека. «Люди же, которые надевают чалму и величают себя поборниками поста и молитвы, считая только это главным в богослужении, достойны уже осуждения», — пишет Абай, — ибо они не думают о возвышении души, а ищут удовлетворения и покоя»¹.

Абай, отрицая божественное происхождение возвышенного, искал его в самой жизни, в человеческой деятельности. Возвышенное в понимании Абая Кунанбаева — это вера в величие человеческого разума.

Через всю поэзию Абая красной нитью проходит идея о всепобеждающей силе разума человека. По мнению поэта, возвышенное — это не мифическое чудо, а реальная сила человеческого разума.

В «Семнадцатом слове» описывается, как сила, разум и сердце вступают в спор. «Я, — говорит разум, — определяю, что полезно и что пагубно для человека и в земной, и в загробной его жизни. Разве не на этом держится вечная жизнь? Люди поступают по моему велению, следовательно, я знаю цену человеческой силе и понимаю язык науки. Как же можно спорить со мной, если без меня люди не ведают, где искать выгоду, как уберечься от беды, каким образом постигать науку?»²

Как бы дальше развивая эту мысль, в «Тридцать восьмом слове» моралистических назиданий Абай восхваляет ученых, которые обратили молнии в электричество, нашли способ телеграфной связи с различными уголками земли, заставили служить воду и огонь человеку. Поэтому Абай видит красоту человеческой жизни в ученых. По его мнению, благородная деятельность ученых приносит огромную пользу людям.

Поэт возвеличивает науку, разум, ученых, рассматривая их с точки зрения просветительских идеалов. Эта идея раскрывается во многих стихотворениях Абая Кунанбаева. Его стихи поистине можно считать гимном, восхваляющим величие умственных способностей человека. «С детства видел я, — признавался Абай, — в науке свет благой³, и не раз выражал сожаление по поводу

своего позднего приобщения к знанию. Поэт обращается к молодежи:

Разуму не научил вас с юных лет отец,
Родичей нет, чтоб ум занял у них молодец...¹

Абай, сочувствовал молодежи, что некому направить ее на путь знания. Для поэта идеальным человеком является тот, кто стремится к знаниям, к разуму, тот, кто трудится честно и благородно ради достижения высоких целей. Абай не видит других способов возвышения человека и советует своим современникам:

Разным людям не верь, что тебя вознесут, —
Ведь они же коварно тебя предадут.
Верь себе! И опора и счастье твое —
Это лишь неразлучные разум и труд².

Будучи патристом своего народа, Абай с позиций своего идеала оценивал достоинства и недостатки людей. Ему была чужда амбиция по отношению к родному народу. Вместе с тем он подмечал и достоинства, и все положительное в жизни других народов. Особенно доброжелательным он был к русскому народу. Ссылные русские революционеры-демократы стали его самыми близкими друзьями. В них он видел воплощение идеала единства разума и труда, воплощение гуманности, нравственной чистоты, образованности. Он всегда отличал простого русского человека от чиновника-крючкотвора, не блещущего ни умом, ни нравственным совершенством. Он подвергал безжалостной критике волостных управителей-казахов, которые при встрече с русскими чиновниками теряют рассудок, лишаются всех человеческих достоинств. Высмеивал он и тех казахов, которые ничему не учатся у действительно великих представителей русского народа.

Не только отдельные выдающиеся представители России, но и в целом весь русский народ, по мысли Абая, его научно-технические и культурные достижения являются предметом подражания для казахского народа. Великий поэт-мыслитель призывает родной народ приобщаться к русской культуре, овладевать русским языком, он подчеркивал: «Знать русский язык — значит открыть глаза на мир»³.

¹ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 27.

² Там же, стр. 33.

³ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 42.

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 54.

² Абай Кунанбаев. Собр. соч. М., 1954, стр. 227.

³ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 46.

Абай понимал важную прогрессивную роль вхождения Казахстана в состав России. Поэт предвидел экономическое, политическое, социальное, культурное и идейное значение этого исторического акта для казахов:

Друг-казах! Учись! Работай,
Знания приобретай...
Вот наука, что от русских
В наш родной проникла край!¹

Прогрессивные последствия вхождения Казахстана в состав России Абай видит и в том, «что нас, казахов, учат жизни русские сыны»².

Говоря о важности просвещения для казахского народа, о необходимости заимствовать достижения русского народа, Абай решительно отвергает национальную уость, национальное бахвальство, утверждения невежд о том, что:

Все хорошее — у нас,
Все, что есть у русских, — плохое!³

К оценке общественных явлений поэт никогда не подходил с узко националистической точки зрения, он был против того, что «все свое — хорошее», «все чужое — плохое». Много положительного он находил в опыте и достижениях более цивилизованного русского народа.

Брата русского — совет:
Если хочешь видеть жизнь,
О труде и жизни помни
И работай, и учись!⁴

Казахский народ может прийти к счастью, по мнению Абая, лишь на пути тесной дружбы с русским народом, ибо «...у русского народа разум и богатство, развитая наука и высокая культура»⁵.

Необходимость приобщения Казахстана к достижениям России, к передовой русской культуре, к мировой цивилизации для Абая бесспорна. В его творчестве закономерно встает вопрос о соотношении народного и общечеловеческого, их взаимосвязи, взаимных переходах. Абай был близок к пониманию того, что лучшие, прогрессивные элементы народного входят в состав понятия общечеловеческого, общечеловеческое же в свою очередь

отнюдь не отчуждается от народных черт и явлений, в национальном живут элементы общечеловеческого.

Гуманизм, доброта, щедрость души у казахов — эти во многом определяющие национальные черты — прогрессивны. Они всецело входят в сокровищницу общечеловеческого. Любовь к матери, к примеру, — общечеловеческая черта, но она присуща человеку любой нации. Для любого народа это человеческое чувство священо. В его творчестве в какой-то степени прослеживается мысль о том, что общее существует в отдельном, а всякое отдельное богаче общего, полнокровнее, конкретнее его.

Рассматривая взаимоотношения, взаимовлияния различных наций, Абай не переоценивал достоинства своего народа, открыто критиковал теневые стороны его быта и сознания. Когда он видел жестокость и грубость, тупоумие царских чиновников, то с острым сарказмом высмеивал и их.

Будучи противником национальной замкнутости, Абай призывал свой народ не только к тесному общению с русским народом, но и со всеми другими народами страны. «Почему нас не интересует жизнь других народов?» — пишет он⁶.

В связи с этим представляет интерес «Второе слово» моралистических назиданий Абая, которое он посвящает характеристике ряда народов — русских, узбеков, татар. Поэт рассматривает здесь психологию казахов, когда-то свысока относившихся к другим нациям.

Абай подчеркивает трудолюбие узбеков, выносливость татар. «Теперь я вижу, — пишет Абай, — что нет растения, какое не выращивал бы сарт (узбек. — А. К.), нет вкуснее плода, чем в саду у сарта... Когда же пришли русские, сарты опять опередили нас, переняв у русских их мастерство. И богатство, и набожность, и сноровка, и учтивость — все теперь у сартов. Смотрю на татар. Они и солдатчину переносят, и бедность выдерживают, и горе терпят, и бога любят. Умеют татары трудиться в поте лица, знают, как нажить богатство и как жить в роскоши... О русских же и говорить нечего. Мы не можем сравниться даже с их прислужой». Перечисляя положительные черты национального характера других народов, Абай задает вопрос своим сородичам: «Куда изчезло наше хвастовство, гордость за свой род, чувство превос-

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 65.

² Там же, стр. 65.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 46.

⁶ Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1970, стр. 45.

ходства над... соседями? Где мой радостный смех?»¹ — иронически заканчивает он свои наиздания.

Поэт не выпячивает здесь национальные преимущества казахов, наоборот, особо выделяет достоинства, положительные особенности, присущие другим народам. Но Абай никогда не впадал и в космополитизм. Он любил свой народ, боролся за его социальное и культурное возрождение, всей душой был предан интересам трудящихся масс. Но Абай защищал интересы казахов не в ущерб другим народам, поскольку никогда не противопоставлял одну нацию другой, мечтая о расцвете всех народов страны. Не случайно Абай призывал родной народ относиться уважительно к достоинствам и особенностям других народов.

У Абая есть мудрое изречение: «Не будь сыном своего народа, а будь сыном человечества». По всей своей жизни он следовал этому этическому кредо, воспитывал своих детей в этом же духе, в поэзии своей отстаивал его.

Абай считал, что сын, отстаивающий только интересы своего отца, не может понять интересы других и проявить себя в роли защитника интересов абсолютного большинства. Он себя, естественно, ограничивает, локализирует свое чувство, в его ощущениях исчезает целостность и полнота восприятия мира. Поэтому человек, задавшийся целью служить лишь своему отцу, неизбежно замыкается в кругу узких интересов, сам себя ограничивает во времени и в пространстве.

Человек же, способный быть сыном человечества, а не лишь своего отца, безусловно, лучше поймет общечеловеческие интересы, которые по сравнению с интересами отдельной личности более разнообразны и всеобъемлющи. Индивид, отстаивающий общечеловеческие интересы, способен понять и интересы отдельной личности, ибо они входят как часть целого в понятие общечеловеческого. Следовательно, сын своего Отечества одновременно может отстаивать интересы как всего человечества, так и своего отца.

Абай беспощадно критикует тех родителей, которые в своих сыновьях хотят видеть лишь наследников накопленного ими добра, кормильцев под старость. Эти родители думают об одном: любой ценой подготовить детей для служения лишь им самим, у них и мысли нет вну-

шить детям понятия о человеческом долге и обязанностях перед народом и обществом. Абай подчеркивает, что такие родители не могут воспитать достойных людей, напрасны и смешны их попытки вырастить достойную смену старшего поколения. «На этой земле еще не было случая, — пишет он, чтобы недостойный отец смог воспитать сына великим человеком»¹.

Абай замечал, что доброе и прекрасное не надо искать лишь среди близких родственников, детей. «Если ты при жизни делал людям добро, — утверждает поэт, — то и без сына будет достаточно опечаленных твоею смертью...»²

В стихах, посвященных сыну Абдрахману, четко отражается нравственное кредо Абая Кунанбаева. Поэт видел в сыне все замечательные качества человека нового времени. Абай опечален и тем, что сын безвременно ушел из жизни, и тем, что не успел он указать дорогу людям, принести пользу обществу. «Все, что постиг, не сумел он нам отдать». По мысли Абая, Абдрахман был именно сыном народа, а не только своего отца. В своих стихах Абай всесторонне раскрывает высоконравственные качества души сына, показывает его тесную связь с народом:

Толпились вокруг него
Все, кто изнывал от бед.
Он всех успокоит устал,
Он помощь давал и совет.
Примером служил для всех,
Батыр, мудрец, сердцевед.
Умел он всегда пристыдить,
Обуздать любых непосед³.

Абай одобрял постоянное стремление сына Абдрахмана самосовершенствоваться в жизни. Он никогда не отчуждался от людей, стремился познать мир. Жажда знания всегда владела им:

Крым, Кавказ и Туркестан,
И Сибирь он объезжал.
Все хотел мой Абдрахман
Знать, — покоя лишь не знал⁴.

Абай гордился тем, что его сын много ездил и увидел

¹ Абай. Слова наиздания. Алма-Ата, 1970, стр. 8—9.

¹ Абай. Слова наиздания. Алма-Ата, 1970, стр. 23.

² Там же.

³ Абай Кунанбаев. Избранное, Алма-Ата, 1958, стр. 185.

⁴ Там же, стр. 189.

многое. В стремлении сына познать мир поэт видел одно из его достоинств.

Этический идеал поэта тесно переплетается с эстетическим. Нравственное совершенство, по мысли Абая, — это единство этического и эстетического, включающее в себя и этические нормы и определенную эстетическую ценность. Жизненный идеал поэта — стремление к нравственному совершенству, к духовной и физической зрелости. В повседневной жизни Абай Кунанбаев постоянно следовал этому идеалу, отстаивал его в своем творчестве. Осуществление своих представлений о нравственном совершенстве он видел в детях, особенно в Абдрахмане.

Мечта Абая о нравственно совершенной личности сбылась в наши дни — воплотилась в образе советского человека. Гуманистические идеи поэта реализовались в жизни народов нашей многонациональной Отчизны, составивших новую историческую общность людей — советский народ.

Чувство сопричастности к жизни другого народа, гордость за его достижения, присущие Абая, как и другим отдельным прогрессивным людям той далекой эпохи, сегодня в сердцах у всех потомков Абая. В годы Советской власти зародилось и окрепло в нашей стране великое патриотическое чувство — чувство общенациональной гордости советского человека. «Общенациональная гордость советского человека, — подчеркивает Л. И. Брежнев, — это огромное, емкое, богатейшее по своему содержанию чувство. Оно глубже и шире естественных национальных чувств каждого в отдельности из народов, составляющих нашу страну. Оно вобрало в себя все лучшее, что создано трудом, отвагой, творческим гением миллионов и миллионов советских людей»¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семена, посеянные Абаем Кунанбаевым в почву казахской культуры, дали обильные плоды, и сегодня их пожинают потомки поэта. Классик казахской национальной культуры сыграл поистине революционную роль в духовном развитии своего народа.

Мечта о счастливом будущем потомков и усилия поэта по приближению этого времени претворены в жизнь, благодаря Великой Октябрьской социалистической революции.

Казахский народ с Октябрем вышел на широкий путь социального, политического, экономического, культурного и национального развития. В одной братской семье равноправных народов СССР он обрел возможность истинного социального и духовного развития. Потомки Абая Кунанбаева, благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии, стали полноправными хозяевами своего счастья, созидателями будущего и преобразователями облика своей земли. За исторически короткий срок Казахстан ликвидировал вековую отсталость и далеко позади оставил многие высокоразвитые капиталистические страны Западной Европы. Есть чему радоваться и чему гордиться потомкам великого поэта. «Казахская культура, — сказал товарищ Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик», — развивается и обогащается, все более вбирая в себя все лучшее из культуры русской, украинской и других. Что это — плохо или хорошо? Мы,

¹ Л. И. Брежнев. Лейкиным курсом, т. 4. М., 1974, стр. 100.

коммунисты, с уверенностью отвечаем: хорошо, очень хорошо»¹.

Действительно, казахская национальная культура достигла своего расцвета лишь в годы Советской власти. Созданию национальной казахской культуры благоприятно способствовали целенаправленная работа Коммунистической партии и Советского государства в области социалистической культуры и активное духовное влияние великого русского народа и других народов нашей многонациональной страны.

Казахская культура впитывала и впитывает в себя все ценное из опыта культуры и образа жизни каждого из народов СССР. В результате этого сформировалась социалистическая по содержанию и национальная по форме духовная культура казахского народа, и сейчас находящаяся в развитии и обновлении на пути дальнейшего обогащения.

«Расцвет национальных культур,— по словам члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана тов. Д. А. Кунаева,— результат проведенных под руководством партии смелых социально-экономических преобразований, результат политики равенства и дружбы народов, их нерасторжимого братства, когда культура одного народа не подавляет культуру другого, а, взаимодействуя с ней, активно обогащается сама и, в свою очередь, отдает братской культуре все лучшее из того, что имеет. В итоге такого процесса происходит щедрое взаимообогащение, чрезвычайно плодотворное для развития всей общесоветской культуры»².

По мере развития культуры Советского Казахстана развивалась и эстетическая мысль в республике. Велико было влияние Абая на ее становление. В последнее десятилетие эстетическая наука в Советском Казахстане получила бурное развитие: выросли подготовленные кадры ученых, повысился их идейно-теоретический и научный уровень, расширился круг исследуемых проблем.

По отдельным отраслям культуры появились фундаментальные труды, обобщающие проблемы становления и развития театра, кино, балетного и оперного искусства,

драматургии и художественной литературы¹. В этих трудах в целом верное отражение получили основные принципы развития различных отраслей национальной культуры, затрагивались актуальные научные проблемы.

В решениях XXIV и XXV съездов КПСС и в постановлениях ЦК КПСС последних лет, таких, как «О литературно-художественной критике», «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии», «О работе с творческой молодежью» и т. д. четко отражены основополагающие принципы развития социалистической культуры. Опираясь на эти документы и фундаментальные труды таких ведущих ученых, как А. Егоров, М. Храпченко, А. Арнольд, В. Асмус, Э. Баллер, А. Буров, Ю. Барабаш, К. Долгов, Н. Нейзеров, Ю. Лукин, А. Лосев, Г. Ломидзе, В. Новиков, М. Овсянников, Ю. Суровцев, Л. Столович, В. Скатерщиков, В. Толстых, Л. Якименко, деятелей культуры и ученых республики, немало сделано в эстетическом воспитании трудящихся и в развитии эстетической мысли в Казахстане. Например, известные писатели и ученые-литературоведы Г. Мустафин, Г. Мусрепов, М. Каратаев, А. Тажикбаев, А. Нурпиев, С. Кирабаев, Ш. Елеукинов, З. Ахметов и другие в научных исследованиях и статьях, посвященных проблемам художественной литературы, верно выявляют и исследуют новаторские и гуманистические традиции социалистической культуры, способствуют утверждению эстетических принципов социалистического реализма. Опираясь на марксистско-ленинскую эстетику, ученые республики выявляют черты тесной связи духовной культуры с жизнью народа, отстаивают партийность и классовую, идеологическую целеустремленность, идейную насыщенность искусства.

В последние годы проблемы эстетики разрабатываются Б. Казыхановой, Е. Аймбетовой, К. Еспаевым, К. Сираповым, Э. Серикалиевой, Ж. Рсадиным, Л. Темирибековой, М. М. Каратаевым, К. Нурлановой, Б. Мекишев, У. Садыковой, Б. Кундакбаевым, С. Яренской, С. Танкаевым, Р. Кайшибаевым, Р. Нурғалиевым, М. Абиловой,

¹ См. История казахской литературы в 3-х томах. Алма-Ата; Очерки истории изобразительного искусства Казахстана. Алма-Ата, 1977; Очерки по истории казахской советской музыки. Алма-Ата, 1962; Музыка Советского Казахстана. Алма-Ата, 1975; История казахского киноискусства. Алма-Ата, 1976; История казахского театра. Алма-Ата, 1975 и др.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4. М., 1974, стр. 59.

² Д. А. Кунаев. Избранные речи и статьи. М., 1978, стр. 394.

М. М. Ауэзовым, А. Устиновым, Н. Шаукенбаевой, К. Нурпеисовым, Л. Богатенковой и другими.

В их трудах затрагиваются актуальные вопросы эстетического воспитания трудящихся, формирования художественного вкуса у людей, вопросы, касающиеся процессов взаимовлияния и взаимообогащения социалистической культуры, художественного освоения мира, проблемы прекрасного в жизни и искусстве. Эстетические категории рассматриваются с разных ракурсов, одни ученые исследуют проблемы искусства, другие — произведения художественной литературы, третьи — общую проблематику эстетического освоения мира и формирования художественного вкуса у людей. Положительно оценивая попытки и стремление ученых раскрыть и изучить важные проблемы эстетики, следует отметить недостаточность глубины многих теоретических обобщений.

Необходимость и актуальность дальнейшей разработки эстетических проблем диктуется требованиями самой жизни, условиями современной ожесточенной борьбы двух идеологий. На Западе извращается истинная суть искусства как социального общественного явления, отрицается его активное влияние на жизнедеятельность человека, искусство отрывается от народа. Бурно происходит процесс деидеологизации духовной культуры. Так, один из крупнейших буржуазных эстетиков В. Кроче (1866—1952) полностью игнорировал познавательную и идеологическую функцию искусства. З. Фрейд рассматривал искусство как отражение бессознательных агрессивных влечений человека, как средство иллюзорного удовлетворения эстетических, честолюбивых, сексуальных потребностей индивидов. В современном буржуазном искусстве большое место отводится псевдоискусству — абстрактному, мистическому отражению мира, художники отвлечены от реальной жизни и активной борьбы за социальную справедливость, преобразование общественной жизни на революционных началах.

Усложнение задач и расширение масштабов коммунистического строительства, возрастание роли субъективного фактора в жизни общества, обострение идейного противоборства двух систем, изощренная пропаганда антикоммунистической идеологии, расширение зоны охвата масс средствами массовых коммуникаций в результате происходящей в мире научно-технической революции, бурное развитие международного туризма — все это тре-

бует усиления и повышения эффективности идеологической работы в целом. XXV съезд КПСС указал, что решить эту задачу поможет «комплексный подход к постановке всего дела воспитания, то есть обеспечение тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся»¹.

В современных условиях воспитания всесторонне развитой личности приобретает острую актуальность формирование активной жизненной позиции, художественного вкуса у советских людей. В условиях развитого социализма открываются широкие просторы для полного раскрытия заложенных в индивидууме природой задатков и способностей и всестороннего применения их на практике в целях дальнейшего приумножения социально-экономических, духовно-нравственных потенциалов нашей многонациональной Отчизны. Мощный арсенал культурного опыта прошлого, советской культуры, безусловно, во многом способствует воспитанию нового человека — активного строителя коммунистического общества. В связи с этим художественное наследие великого казахского поэта Абая Кунанбаева является непреходящей ценностью, способной служить великой цели — гуманизации сознания личности, возвышению нравственности и достоинства человека.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5. М., 1976, стр. 533.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ИДЕЙНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ АБАЯ КУНАНБАЕВА. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОЭТА — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ	15
Глава II. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АБАЯ КУНАНБАЕВА	36
1. Задачи и назначение поэта и поэзии.	36
2. Проблема прекрасного в творчестве Абая.	54
3. Комическое — отрицание ради утверждения.	73
4. Трагическое — как эстетическое явление.	100
5. Воспроизведение безобразного — проявление активной жизненной позиции поэта.	128
6. Возвышенное и идеал Абая.	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155

Абдеш Сарсенович Калмырзаев ЭСТЕТИЧЕСКОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ АБАЯ

Редактор <i>Б. Я. Толмачев</i>	Мл. редактор <i>Л. Н. Гусева</i>
Худож. редактор <i>Р. М. Горелов</i>	Художник <i>М. Т. Палаткин</i>
Техн. редактор <i>Ф. Р. Илизова</i>	Корректор <i>Н. Н. Горбатенко</i>

ИБ № 1248

Сдано в набор 15.08.79. Подписано к печати 13.11.79. УГ15236.
Формат 84×108¹/₂. Бумага тип. № 1. Школьная гарнитура. Печать высокая. Усл. п. л. 8,4. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 8500 экз.
Заказ № 1003. Цена 55 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480009, г. Алма-Ата, Советская, 50.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 480046, г. Алма-Ата, ул. Гагарина, 93.

